БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

Москва

Изд-во "Русскія Записки"

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

МОСКВА

Изд-во "Русскія Записки"
1939 г.

Москва представлена въ этой книгѣ не во всей ея полнотѣ, она взята лишь въ связи съ жизнью пишущаго. Соотвѣтственно съ этимъ сдѣланъ и выборъ зарисовокъ, и характеръ ихъ: люди, дѣлà, пейзажъ Москвы.

Если слова автора дадутъ Москву почувствовать (а можетъ быть, и полюбить), то и хорошо, цѣль достигнута.

Парижъ, Ноябрь 1938.

I.

Памяти Чехова

Человѣку семнадцать лѣтъ. Онъ кончаетъ гимназію. Отецъ только что назначенъ въ Москву управлять огромнымъ заводомъ. И вотъ первыя рождественскія каникулы... Человѣкъ дикъ, застѣнчивъ, самолюбивъ. Онъ провинціалъ, но куда ѣдетъ, гдѣ будетъ жить двѣ блаженныхъ, свободныхъ недѣли? Въ самой Москвѣ!

И Москва не обманула. Сколько новаго, необыкновеннаго! Изъ уютнаго дома на заводѣ Гужона каждый день возитъ извозчикъ Сергѣй, въ санкахъ, по декабрьскому снѣгу, мимо Андроніева монастыря, Николо-Ямскою — на Кузнецкій, Петровку, Театральную площадь. Старый портной Канъ, на Рождественкѣ, примѣряетъ первый «штатскій» костюмъ, ползаетъ на колѣняхъ, черкаетъ мѣломъ брюки, пыхтитъ, косымъ, солиднымъ глазомъ осматриваетъ художество свое. На Кузнецкомъ стрижетъ парикмахеръ Теодоръ. У Зимина въ кассѣ можно купить билетъ на начинающаго Шаляпина, у Трамблэ сѣсть

за столикъ и выпить чашку шоколада въ накуренной, небольшой комнатѣ. По зимнимъ тротуарамъ на Петровкѣ идутъ дамы — съ картонками, покупками. Зажигаются фонари, летятъ снѣжинки. Елки у Большого театра, толпа — все кажется нараднымъ и волшебнымъ: это не что нибудь, это столица. Необычные люди, неизвѣстныя красавицы, сіяющіе театры, балетъ, Дворянское собраніе, рестораны, куда можно будетъ заглянуть лишь когда старый Канъ пришьетъ послѣднюю пуговицу. Но какое счастье — на томъ же Сергѣѣ катить черезъ два дня Солянкою домой — уже въ мерлушковой шапкѣ, пальто, въ черномъ костюмѣ — взрослымъ, свободнымъ!

Дома — особнякъ на заводѣ. Каминъ потрескиваетъ и пылаетъ у отца въ кабинетѣ, въ столовой матовая люстра — электрическая. Сквозь зеркальныя стекла видны оснѣженныя деревца сада. За заборомъ паровозикъ-кукушка тащитъ три вагона съ болванкой: домъ вздрагиваетъ, когда онъ проходитъ у самой стѣны.

Новый міръ продолжается. У того же камина, впервые въ рукахъ новая книжка: Антонъ Чеховъ, «Хмурые люди». Оторваться нельзя. Все особенное. Люди, манера, языкъ. И самъ авторъ особенный, ни на кого непохожій. Тургеневъ, Толстой — уже извѣстны. И хотя Толстой живъ, но онъ и легенда: «классикъ», Синай, облака надъ горой. Чеховъ же «молодой» авторъ, вотъ тутъ, чуть не рядомъ, въ этой са-

мой волшебной Москвѣ живущій. Первая встрѣча съ нимъ: юность и жажда, счастье и неутолимое стремленіе.

Собиновъ распѣваетъ на утренникахъ Большого театра (ложа бель-этажа, позолота, тяжеловѣсный красный бархатъ, вѣковая пыль, капельдинеры похожіе на министровъ — величавое дыханіе Имперіи). У Зимина Шаляпинъ дьявольски хохочетъ въ красномъ Мефистофелѣ, или лѣниво возлегаетъ, какъ огромный тигръ, въ шатрѣ Олоферна. Но Антонъ Чеховъ *за* этимъ, *подъ* этимъ, уже гдѣ то въ сердцѣ — скромный и какъ будто незамѣтный: но вошелъ, покорилъ и отравилъ.

**
*

Слава его развилась быстро, въ сравнительно ранніе годы, — ему не было и сорока (да и краткой жизнь оказалась!) — славу эту дала и питала Москва, наиболѣе — Художественный театръ. Много тогда шумѣлъ Горькій, но по другому, шумомъ мутнымъ и безвкуснымъ, какъ безвкусенъ, грубъ, плебейски-плосокъ былъ всегда. Чехова Москва полюбила чистою, застѣнчивою любовію. Лавры ему несла незапятнанные — да и онъ никогда позъ не принималъ. Покашливалъ, говорилъ баскомъ, пенснэ надѣвалъ-снималъ. Долгіе годы стоялъ у меня на столѣ портретъ его, тѣхъ временъ (въ революцію погибъ): слегка растрепанные волосы, умные русскіе глаза, интеллигентское пенснэ, бо-

родка, прямой, стоячій воротничекъ... — крестьянской семьи человѣкъ, а безъ капли плебейства. То же *народное* въ немъ, какъ и въ Толстомъ — одинаково они «первоначальной» стихіи.

Чеховъ былъ изъ Таганрога, но Москвой крещенъ, кончилъ университетъ московскій, ладомъ своимъ, складомъ сдержанно-великорусскимъ очень къ Москвѣ подошелъ и не зря далъ сестрамъ въ пьесѣ знаменитый кличъ: «Въ Москву, въ Москву!» — для многихъ непонятный.

Въ эти годы, конца прошлаго, начала новаго столѣтія, было у него имѣньице подъ Москвой, близъ станціи Лопасня Курской дороги, Мелихово. Тамъ онъ и жилъ, врачевалъ, благотворилъ — какъ русскій писатель. Ему и подобало продолжать давній завѣтъ нашей литературы.

Мой отецъ вздумалъ тоже купить имѣніе. Чехова же въ это время врачи направили на югъ, въ Крымъ, такъ что Мелихово продавалось. Мы вычитали о продажѣ изъ газетъ, отецъ списался съ Чеховымъ, а я — тогда уже студентъ, тайно писавшій — вызвался Мелихово осмотрѣть.

Повидать Чехова. Съ Чеховымъ познакомиться! Я уже зналъ его теперь насквозь, видѣлъ и «Чайку», «Дядю Ваню», поклоненіе мое росло. Значитъ надо устроить паломничество.

Лопасня верстахъ въ семидесяти отъ Москвы. Березовые лѣса, поля, перелѣски — пейзажъ средней Россіи, мягкій, и привѣтливый, и «ни-

чего особеннаго». На станціи пара лошадей въ телѣжкѣ, выбитыя колеи, ѣзда трусцой, въ пыли, съ кнутикомъ, поля, деревни и наконецъ, это самое Мелихово. Вотъ ужъ то же «ничего особеннаго». Толстому и Тургеневу — барскіе дома съ колоннами, парки, пруды, александровскихъ временъ церкви. Чеховъ устроился въ тѣсноватой усадебкѣ съ небольшимъ садомъ вокругъ дома, да флигелькомъ въ сторонѣ. Въ саду заборъ, подъ густыми елями, а рядомъ еще чье-то имѣньице, съ темной аллеей. Прудъ свѣже-выкопанный. Мутная вода въ немъ. Но самое оказалось смѣшное, когда бричка моя подкатила къ крыльцу: хозяина дома нѣтъ. Вотъ такъ Чеховъ! Я его не предупредилъ, онъ и уѣхалъ въ Москву.

Меня встрѣтила Марья Павловна, его сестра, будто давно знакомаго, оставила обѣдать. Мы обѣдали на стеклянной террасѣ дома опрятнаго и аккуратнаго — даже довольно весело. Была молодая художница Хотяинцева, смѣшливая и привѣтливая, съ высокимъ узломъ волосъ на головѣ, еще кто-то, старушка матушка Антона Павловича. Думаю, во мнѣ быстро разглядѣли не столь «покупателя», какъ поклонника. Разговоръ вертѣлся вокругъ Чехова. Послѣ обѣда показывали его флигель, гдѣ въ одиночествѣ работалъ онъ. Кажется, тамъ была маленькая вышка-балкончикъ, куда онъ подымался и любилъ сидѣть по вечерамъ, разсматривая ночное небо, звѣзды.

— Здѣсь у насъ бывалъ Станиславскій, говорила Марья Павловна: особенно передъ постановкой «Чайки». (Какая то ель въ саду, скамеечка, лужайка очень напомнили первый актъ «Чайки» — улыбка Маріи Павловны дала понять, что корни этихъ декорацій тутъ). Даже въ заборѣ и въ усадьбѣ рядомъ что то «треплевское» показалось. Вообще, хоть и не увидалъ хозяина, все же его обликъ въ незатѣйливомъ, но слаженномъ, обсиженномъ гнѣздѣ сильно почувствовалъ.

Было ясно, Мелихово намъ не подходитъ. Всетаки я ходилъ съ какимъ то старостой, глубокомысленно осматривалъ «Вишневый садъ», про себя-же рѣшилъ Чехова непремѣнно повидать.

...Черезъ нѣсколько дней это произошло — уже въ Москвѣ, въ жаркій, пыльный лѣтній день. Человѣкъ со слегка растрепанными волосами, въ пенснэ, скромномъ пиджачкѣ, отворилъ мнѣ дверь квартиры на Дмитровкѣ, закрывая поднятымъ воротникомъ костюма шею, и баскомъ, привѣтливо сказалъ:

— Пожалуйте, пожалуйте...

Это мой грѣхъ передъ нимъ. Я навѣрно ужъ зналъ, что Мелихова мы не купимъ, все же дѣлалъ видъ, что нужны справки. Обманулъ ли я его? Къ нему много ходило молодыхъ людей, и по тому, какъ упорно сводилъ я разговоръ на писательство, вѣроятно, быстро онъ разобралъ, что за гусь передъ нимъ. Всетаки, «секрета» своего я не выдалъ. И на этотъ разъ Богъ уберегъ его отъ моей рукописи.

**
*

Курскій вокзалъ въ Москвѣ, вечеръ, ресторанъ, отецъ за кружкой пива. Сейчасъ подадутъ севастопольскій курьерскій поѣздъ. Новенькій китель, вензеля Горнаго института на плечахъ, фуражка съ бѣлымъ верхомъ — первый разъ одинъ, въ Ялту, на виноградный сезонъ. Артельщикъ, чемоданъ, веселое лицо отца на перронѣ, поцѣлуи, прощанье — и купэ перваго класса съ синей занавѣской фонаря. Поѣздъ трогается. Плавно идетъ, постукивая на стрѣлкахъ. Огни чертятъ въ окнѣ дуги. Сейчасъ слѣва запылаютъ сталелитейныя печи Гужона, бѣлые электрическіе фонари — и уже кончилась Москва. Впереди Лопасня, мимо нея пролетимъ съ грохотомъ, а тамъ невѣдомое: югъ, Севастополь, Ялта... Все опять подстроено чтобы повидать Чехова. Но теперь на днѣ чемодана рукопись, теперь ужъ ему не уйти.

Ночью не сразу заснешь — отъ сладкаго волненія — хоть и цѣлый мягкій диванъ для тебя. Но день межъ Орломъ и Лозовой, въ жаркихъ, дымныхъ степяхъ успокоитъ. И на утро солнце, другой воздухъ, тополя, кипарисы, полутатарскія деревушки, минареты Бахчисарая, долины, горы, бѣлыя скалы Инкермана и какъ дышащее темносинее небо — море... Отъ окна не оторвешься. Бѣлоснѣжный Севастополь съ бѣлоснѣжными моряками. Колыханіе синихъ безднъ моря, душаще-опьяняющій вѣтеръ — закричалъ бы отъ радости. Влага, ласка, безпре-

дѣльная широта вѣтра, пронзеннаго солнечнымъ туманомъ, пахнущаго іодомъ, солью — надъ блестящими волнами въ бѣлой пѣнѣ проносящагося.

...«Пушкина» сильно качало. Дамы на палубѣ изнемогали. Чемоданъ мой подбрасывало, но рукопись отъ этого не стала ни лучше, ни хуже. Проходили слѣва красные глинистые берега. Георгіевскій монастырь бѣлѣлъ. Изъ всѣхъ пассажировъ нырявшаго парохода одинъ разбойникъ-гимназистъ, возвращавшійся въ Ялту, ѣлъ въ столовой за четверыхъ. Остальные въ лучшемъ случаѣ «удерживали позиціи». Шли долго. Но у мола Ялты, въ темнотѣ блестѣвшей по горѣ огоньками, всѣ огорченія забылись.

И началась мирная южная жизнь.

Гостиница моя «Грандъ Отель» — не изъ первыхъ, но мнѣ все нравилось: и Ялта, и гостиница, и сплошной балконъ по фасаду на море, и само море, и паруса на немъ. Я объѣдался сладкою шашлой, кофе пилъ на набережной, вечеромъ сидѣлъ въ городскомъ саду на музыкѣ, но думалъ все объ одномъ: о чеховской дачѣ въ Ауткѣ (надъ Ялтой).

...И вотъ вызвали меня однажды, къ телефону, низкій глуховатый голосъ сказалъ:

— Да, да, получилъ рукопись... Пріѣзжайте, потолкуемъ.

Онъ назвалъ меня по имени и отчеству. Я былъ въ восторгѣ — «помнитъ не забылъ!».

Часовъ въ пять подвозилъ меня ялтинскій парный извозчикъ къ дачѣ Чехова. Я позвонилъ. Дверь отворилась, такой же юноша какъ и я, но съ трубкой рукописи подъ мышкой, вышелъ на крыльцо, за нимъ слегка сгорбленная, знакомая фигура. Мы прошли въ кабинетъ.

Изъ большого окна видны горы. На стѣнахъ фотографіи, Левитановскій пейзажъ. Въ нишѣ — мягкій турецкій диванъ — туда Чеховъ и забрался, а у меня плыло въ глазахъ. На письменномъ столѣ лежала моя рукопись.

Чеховъ покашлялъ, помолчалъ.

— Это у васъ въ формѣ дневника... Вы туда можете что угодно садить. Вы вотъ мнѣ повѣсть напишите...

Для него я готовъ былъ написать и романъ, и стихи, что угодно.

— Очень ужъ мрачно. Это отъ молодости. А такъ... ничего. (Онъ прибавилъ нѣсколько «ободряющихъ» словъ). Я всплывалъ, начиналъ дышать.

Пенснэ онъ свое подергивалъ, продолжалъ сидѣть глубоко на диванѣ, замолчалъ. Стало опять жутко. Чтобы какъ нибудь сдвинуться, попробовалъ я спросить, какъ самъ онъ пишетъ: «съ натуры, или воображеніемъ?».

Должно быть, о такихъ глупостяхъ спрашивали его не разъ. Онъ мрачно отвѣтилъ:

— Если у меня на рукѣ пять пальцевъ, не могу же я сказать, что шесть.

И замолчалъ совсѣмъ. Я не зналъ, какъ дальше поддержать разговоръ.

Но вдругъ самъ онъ заговорилъ — привѣтливѣе, мягче: сталъ разспрашивать, сколько мнѣ лѣтъ, гдѣ учусь, хочу ли и гдѣ напечатать свою вещь. И сразу простой естественный тонъ возникъ. Правда, я недолго его мучилъ. Минутъ черезъ двадцать выходилъ, въ ту же дверь, окрыленный, сіяющій, навсегда окончательно уже Чеховымъ «взятый».

Я встрѣчалъ его еще нѣсколько разъ — въ городскомъ саду, въ ресторанѣ. Онъ нерѣдко сидѣлъ за столикомъ, пилъ красное вино, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ (вечера бывали прохладны). Разъ, довольно поздно, натолкнулся я на него въ уединенномъ концѣ набережной, онъ сидѣлъ на скамейкѣ, тоже въ пальто, глубоко шляпу надвинувъ. Очень къ нему шло одиночество, пустынное море, шумѣвшее въ скалахъ, ночь, звѣзды... Такъ и остался въ памяти Чеховъ ялтинскій: надломленнымъ и кашляющимъ, одинокимъ, прохладнымъ, со складкою задумчивости, грусти. Онъ уже сильно былъ боленъ. Временами шла горломъ кровь. Дамы, поклонницы, поклонники, общее вниманіе на музыкѣ въ городскомъ саду врядъ ли особенно и развлекали. Любимый журавль, собачка на дачѣ, ночное море... Онъ писалъ въ это время «Трехъ сестеръ». Жить ему оставалось три года.

***

Именно эти три года — наибольшая его слава, проявленіе любви къ нему, даже обожаніе.

«Три сестры» и «Вишневый садъ», прелестныя вещи какъ «Архіерей»... — и болѣзнь, быстро съѣдавшая. Чеховъ жилъ въ Ауткѣ какъ въ санаторіи. Въ Москву всегда его тянуло, особенно зимой, когда театръ: тамъ и играла О. Л. Книпперъ, на которой только что онъ женился. Иногда онъ въ Москву «сбѣгалъ», всегда къ ущербу для здоровья. Въ Москвѣ любилъ то, чего теперь какъ разъ нельзя было: морозы, ресторанъ «Эрмитажъ», красное вино.

И когда разъ зимой, кажется, въ 1903 г. встрѣтилъ я его на «Средѣ» у Телешова, Чеховъ былъ неузнаваемъ. Въ огромную столовую Николая Дмитріевича на Чистыхъ Прудахъ, ввела подъ руку къ ужину Ольга Леонардовна посѣдѣвшаго, худого человѣка съ землистымъ лицомъ. Чеховъ былъ уже иконой. Вокругъ него создавалось нѣкое почтительное «мертвое пространство» — впрочемъ, ему трудно было бы и заполнить его, по слабости. Онъ сидѣлъ въ центрѣ стола. За веселымъ ужиномъ почти и не ѣлъ, и не пилъ. Только покашливалъ, да поправлялъ волосы на головѣ. Въ январѣ 1904 года, въ день его именинъ шелъ впервые съ тріумфомъ «Вишневый садъ». Чеховъ кланялся со сцены, черезъ силу улыбался. А спустя полгода, въ Баденвейлерѣ сказалъ: «ich sterbe» — вздохнулъ и умеръ.

Мы хоронили его въ Москвѣ, въ свѣтлый день іюля. На рукахъ несли гробъ съ Николаевскаго вокзала и много плакали. Плакать было о комъ — не пожалѣешь тѣхъ слезъ. Долго шла

процессія, черезъ всю Москву, которую такъ любилъ покойный. Служили литіи — одну у Художественнаго театра. И легъ прахъ его въ родную землю Новодѣвичьяго монастыря. Дождь прошумѣлъ на кладбищѣ, а потомъ свѣтлѣй закурились въ выглянувшемъ солнцѣ купола. И ласточки надъ крестами прорѣяли.

Начало Художественнаго Театра

Константинъ Васильевичъ Мошнинъ, веселый и красивый баринъ, слегка заикающійся, профессоръ механики въ Александровскомъ училищѣ и страстный охотникъ, былъ пріятелемъ моего отца. Отецъ управлялъ заводомъ Гужона. Мы жили въ директорскомъ особнякѣ при заводѣ. Константинъ Васильевичъ у насъ бывалъ, и мы у него. Однажды, въ свѣтлой нашей столовой съ окнами въ садъ, за завтракомъ, обратился онъ къ отцу.

— Ко-Константинъ Николаевичъ, а у меня но-вость. Я вѣдь те-атръ сдалъ... У меня новая т-труппа сняла.

Ему принадлежалъ домъ въ Каретномъ ряду, и такой невредный, что помѣщался тамъ цѣлый театръ «Эрмитажъ». Лѣтомъ при немъ открывался и садъ со всякими увеселеніями. Зимой больше оперетка, легкая комедія. Но вотъ тутъ появилось что то другое...

— Неосновательный народъ *а*ктеры (отецъ изъ какой то причуды дѣлалъ удареніе на первомъ слогѣ). Что же они у васъ будутъ изображать, тезка?

— Что-то но-овое. Да вы пріѣзжайте поглядѣ-дѣть. У меня пообѣдаемъ, а потомъ, прямо въ ли-терную ложу, она за м-мной...

Отецъ налилъ ему рюмку водки.

— Пустое дѣло, тезка. Поѣдемъ лучше на волчью облаву. Чего тамъ съ актерами возиться. Ну-ка, чи-икъ!

Отецъ любилъ только деревню и охоту. И разговоръ тотчасъ перепрыгнулъ на то, какъ стрѣляетъ Алексѣй Николаичъ Милюковъ, на Катуара, на обѣдъ въ клубѣ, и тому подобное.

Все-таки сообщеніемъ своимъ Константинъ Васильичъ заинтересовалъ — женскую половину и молодежь. Сестра моя училась у Игумнова въ Консерваторіи, у насъ всегда бывали ея пріятельницы, женихъ сестры и я — студенты, насъ больше занималъ театръ, чѣмъ отцова охота. Мать поддержала насъ. И вышло такъ, что однажды, на трехъ извозчикахъ двинулись мы передъ вечеромъ въ Каретный рядъ.

Квартира у Мошнина была огромная, съ явно-охотничьимъ выраженіемъ лица: безконечныя чучела, шкуры, рога, ружья, патронташи... Произошло опять то же дѣленіе: на охотниковъ и «штатскихъ». Обѣдъ для послѣднихъ не столь веселый, но около восьми Константинъ Васильичъ поднялся, не обманувъ надеждъ:

— Ну, а теперь по-осмотримъ...

Домъ былъ такъ устроенъ, что надо пройти коридорами, разными закоулками и переходами довольно далеко — потомъ вдругъ оказываешься у литерной ложи. Она совсѣмъ рядомъ со сценой. Занавѣсъ только что поднялся, рампа рѣзко дѣлитъ театръ на двѣ части: справа темная зала судей и зрителей, слѣва... — тамъ бояре, пиръ, видъ на Москву — «Царь Федоръ Іоанновичъ». Константинъ Васильевичъ былъ правъ: театръ, конечно, оказался «новымъ», и по постановкѣ, и по игрѣ. Всю лѣвую часть сцены занимала крытая терраса «въ русскомъ духѣ», отъ зрителя ее отдѣляла баллюстрада, срѣзавшая наполовину туловища артистовъ. Слуги подавали огромныя блюда, на которыхъ во весь ростъ — свиньи, гуси, куски быка; вкатывались бочки съ виномъ. Споры, балагурство бояръ, подписывавшихся подъ челобитной царю, красавица княжна Мстиславская, обходившая гостей съ кубкомъ — все это особенное, ни на что ранѣе видѣнное не похожее — живое, въ старую Москву переносящее. И, наконецъ, самъ герой дня, молодой, никому тогда еще неизвѣстный Москвинъ — царь Федоръ — «я царь, или не царь?» — первый неврастеникъ на русскомъ тронѣ, обаятельный и несчастный, родственникъ «идіота» Достоевскаго, дальній предшественникъ несчастнаго царя Николая. Неохотники такъ и впились въ спектакль. Охотники сидѣли въ глубинѣ, посмѣивались. Въ антрактѣ публика аплодировала, но выходить на вызовы въ этомъ театрѣ не полагалось.

— Хо-хотятъ все по особен-ному, — говорилъ Мошнинъ. — Стани-с-славскій — Алексѣевъ, онъ самъ съ Таганки, Хи-вы, купеческаго рода, но б-большой чудакъ.

— Пойдемте, тезка, лучше пиво допивать, говорилъ отецъ. — А актеры пусть доигрываютъ. Вы мнѣ ружья новаго еще не показали, гдѣ лѣвый стволъ чокъ-боръ.

И охотники ушли допивать пиво, а намъ, оставшимся, показывалъ «большой чудакъ» Яузскій мостъ съ нищими и слѣпымъ пѣвцомъ-гусляромъ. Толпился народъ, вели на казнь Шуйскаго, окруженнаго стрѣльцами. Сторонники Шуйскаго пытались его отбить, стрѣльцы одолѣвали. Бабы цѣловали руки своему герою, прощались съ нимъ. Опять это было совсѣмъ не то, къ чему привыкли мы въ Маломъ театрѣ, или у Корша (не говоря уже объ оперѣ).

***

Вотъ что разсказываетъ самъ Станиславскій о первомъ представленіи «Царя Федора»: «Стараясь подавить въ себѣ смертельный страхъ передъ грядущимъ, представляясь бодрымъ, веселымъ, спокойнымъ и увѣреннымъ, я передъ третьимъ звонкомъ обратился къ артистамъ съ ободряющими словами главнокомандующаго, отпускающаго армію въ рѣшительный бой. Нехорошо, что голосъ мнѣ то и дѣло измѣнялъ, прерываясь отъ неправильнаго дыханія... Вдругъ

грянула увертюра и заглушила мои слова. Говорить стало невозможно, и ничего не оставалось сдѣлать, какъ пуститься въ плясъ, чтобы дать выходъ бурлившей во мнѣ энергіи, которую я хотѣлъ тогда передать моимъ соратникамъ и молодымъ бойцамъ. Я танцовалъ, подпѣвая, выкрикивая ободряющія фразы съ блѣднымъ, мертвеннымъ лицомъ, испуганными глазами»...

**
*

Картина получилась, вѣроятно, «достойная кисти Айвазовскаго». Дѣйствительно чудакъ, — но чудакъ оказался особенный, перворазрядный, создатель лучшаго русскаго театра. А въ тотъ вечеръ, 14 октября 1898 года, режиссеръ Александровъ съ позоромъ изгналъ его со сцены.

«Константинъ Сергѣевичъ, уйдите! Сейчасъ же! И не волнуйте артистовъ»...

«Мой танецъ прервался на полужестѣ, и я, изгнанный и оскорбленный въ своихъ режиссерскихъ чувствахъ, заперся у себя въ уборной». Горько ему было, что вотъ онъ столько силъ отдалъ этому спектаклю, а его гонятъ, точно посторонняго!

Но своимъ «Художественно-Общедоступнымъ» театромъ заварилъ Станиславскій кашу. Успѣхъ былъ большой, очень бурный. Отцы и дѣти раздѣлились. Отцы или оказались холодны (какъ мой, напр., любившій литературу, но театръ находившій вообще слишкомъ «преувеличеннымъ»

и «театральнымъ») — или прямо враждебны, особенно поклонники Малаго театра. Мы — т. е. студенты, барышни, разныя молодыя экзальтированныя дамы, затѣмъ всѣ интеллигенты-провинціалы (безъ «традицій» театральныхъ), сразу театромъ плѣнились. Вотъ именно его *полюбили*, какъ любили тогда Чехова, нѣкую особую линію въ московской — и общерусской — культурѣ.

***

Въ томъ же сезонѣ шелъ «Потонувшій колоколъ» Гауптмана — мы смотрѣли его изъ той же литерной ложи. Бурджаловъ гоготалъ лѣшимъ, М. Ф. Андреева носилась по сценѣ феей Раутенделейнъ. Отецъ изъ ложи довольно громко и весело задавалъ ей разные вопросы — приходилось его унимать: и въ концѣ концовъ всетаки не досидѣлъ, ушелъ сговариваться о лосиной облавѣ съ Мошнинымъ и Милюковымъ. А колоколъ на сценѣ вызванивалъ что полагается.

Но «Потонувшій Колоколъ» не былъ боевымъ спектаклемъ. Боевою оказалась чеховская «Чайка». Она дала лицо театру, окончательно завоевала Москву.

Исторія этой «Чайки» извѣстна: предварительный провалъ въ Александринскомъ театрѣ, колебанія Художественнаго — большое желаніе Немировича-Данченко поставить пьесу и нѣкое сопротивленіе (вначалѣ) Станиславскаго.

У самого Чехова, какъ разъ, обострился туберкулезъ, близкіе очень боялись, что неуспѣхъ пьесы можетъ совсѣмъ дурно на него повліять — пріѣзжала даже въ Москву Марія Павловна, настаивала на отмѣнѣ спектакля. Но спектакль былъ театру необходимъ — и рѣшили рискнуть...

Чуть не сорокъ лѣтъ тому назадъ мы съ сестрой, въ юной компаніи, безъ взрослыхъ, сидѣли въ ложѣ бенуара справа — въ обыкновенной ложѣ, сообща купленной. Ни о какихъ волненіяхъ автора и театра не знали. Даже не знали, что пьеса провалилась уже въ Петербургѣ (у насъ Москва, мы только своимъ интересуемся). Занавѣсъ поднялся — на сценѣ полутемно, какой то паркъ, прямо передъ зрителемъ скамейка. Говорятъ и ходятъ довольно странно какіе то люди. Наконецъ, выясняется, что молодой писатель, нервный и непризнанный, ставитъ тутъ же, въ саду, свою декадентскую пьесу. Молодая актриса, закутанная въ бѣлое, читаетъ нѣчто лирико-философическое о міровой душѣ... На скамьѣ сидятъ зрители — спиною къ публикѣ...

Все это по началу показалось очень ужъ причудливымъ. Публика молчала, въ недоумѣніи. Но чѣмъ дальше шелъ первый актъ, тѣмъ сильнѣе сочилось со сцены особенное что то, горестно-поэтическое, сжимающее сердце. Что? Не такъ легко и опредѣлить. Внѣсловесное, можетъ быть, музыкальное — но нѣкая *власть* шла оттуда — зрительный залъ подпадалъ сла-

достному наркозу искусства. Какъ удалось уловить «имъ» внутренній звукъ пьесы, ея стонъ, ритмъ? Это ужъ загадка художества, живого и органическаго, т. е. очень таинственнаго дѣла. Пьеса, какъ говорятъ, въ театрѣ «дошла». Занавѣсъ опустился. Зрительный залъ молчалъ. За сценой актеры умирали со страху. Одна изъ актрисъ упала въ обморокъ.

Молчаніе зрителей было плодоносное, самое дорогое для театра: настолько сильно впечатлѣніе и волненіе, что не сразу и вырывается въ аплодисментъ. Зато вырвавшись, долго не смолкаетъ.

...Нечего актрисѣ было падать въ обморокъ. Первый актъ имѣлъ огромный успѣхъ — онъ и нарасталъ до самаго конца.

***

Въ «Чайкѣ» театръ показалъ основныя свои черты: единство спектакля, его музыкальную цѣльность, какъ бы оркестровый характеръ. Показалъ и основное ядро своихъ силъ.

Играли: самъ Станиславскій, Лужскій, Вишневскій, Артемъ, Книпперъ, Лилина. Все это — будущая слава театра, художники, которымъ предстоялъ живой, естественный ростъ. Чудеснаго Артема, къ сожалѣнію, нѣтъ уже въ живыхъ, нѣтъ и Лужскаго, остальные здравствуютъ, напоминая собой о прекрасныхъ, героическихъ временахъ московскаго театра.

Странна судьба двухъ участниковъ перваго представленія «Чайки» — Мейерхольда и Роксановой.

Мейерхольдъ игралъ отлично — неудачника. Треплевъ-Мейерхольдъ стрѣляется по пьесѣ. Нервное, и одаренное, и *недоодаренное* далъ Мейерхольдъ въ этой фигурѣ: сыгралъ какъ бы себя самого. Черты талантливости безъ нѣкоего «Божьяго благословенія», нервность безъ влаги, головная, сухая возбужденность и неспособность къ творчеству органическому, изъ почвы, подсознанія идущему — это, кажется, и есть Мейерхольдъ. Онъ ушелъ довольно скоро отъ Станиславскаго. Какъ актеръ, ничего не далъ. Какъ режиссеръ, обнаружилъ много и выдумки, и изящества — прямо даже дарованія («Балаганчикъ» Блока — замѣчательная постановка). Но, въ общемъ, неблагодатность и безплодіе опредѣлили путь этого незауряднаго человѣка. Онъ сталъ врагомъ Станиславскаго, врагомъ Москвы, корней, истинныхъ соковъ русской земли. Въ жилахъ его будто не кровь, а клюквенный сокъ блоковскаго «Балаганчика». Какъ многіе неудачники и полу-неудачник примкнулъ сразу, съ бѣшенствомъ и яростью къ коммунизму. Сдѣлалъ одну-двѣ интересныхъ постановки и прославился «передѣлками» (искаженіями) классическихъ пьесъ. Сейчасъ, кажется, и у совѣтской власти не въ почетѣ... А во всякомъ случаѣ: какъ былъ, такъ и остался въ безвоздушномъ пространствѣ.

Роксанова... — Станиславскій, въ воспоминаніяхъ, перечисляетъ актрисъ, выдвинувшихся въ «Чайкѣ». (Книпперъ и Лилина). О Роксановой — самой Чайкѣ — не сказано. И не могъ онъ сказать: она просто плохо играла. Единственный слабый пунктъ пьесы — сама Чайка! Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ говорится, что Чеховъ былъ въ отчаяніи отъ «одной актрисы»... Онъ даже требовалъ, чтобы у ней взяли роль. Она тоже не удержалась въ театрѣ, не прижилась въ немъ. Какова ея судьба дальнѣйшая, не знаю.

...Не она ли и упала въ обморокъ послѣ перваго акта? Если да, то о пьесѣ ошиблась, а о себѣ — нѣтъ.

Леонидъ Андреевъ

Кажется, въ жизни Андреева (писательской, а можетъ быть и личной) годы 1901—1906 были самыми полными, радостными, бодрыми. Все его существо летѣло тогда впередъ; онъ полонъ былъ силъ, писалъ рьяно; несмотря на самыя мрачныя «Бездны», на «Василія Ѳивейскаго» — полонъ былъ надеждъ, успѣховъ, и безжалостная жизнь не надломила еще его. Онъ только что женился на А. М. Віельгорской, нѣжной и тихой дѣвушкѣ. Свѣтлая рука чувствовалась надъ нимъ. На его бурную, страстную натуру, очень некрѣпкую, это вліяніе ложилось умѣряюще. Слава же росла, шли деньги; Андреевы жили шире; давно была оставлена квартирка на Владимиро-Долгоруковской, гдѣ мы познакомились. Квартиры становились лучше; появлялся достатокъ. Часто люди бывали, чтенія. Въ тѣ времена процвѣталъ въ Москвѣ литературный кружокъ «Среда». По средамъ собирались у Н. Д. Телешова, у С. С. Голоушева и у Андреева. Быва-

ли: Бунинъ Иванъ, Бунинъ Юлій, Вересаевъ, Бѣлоусовъ, Тимковскій, Разумовскій и др. Изъ заѣзжихъ: Чеховъ, Горькій, Короленко. Бывали и Бальмонтъ и Брюсовъ. Каждый разъ что-нибудь читали. Много прочиталъ Андреевъ — думаю, всѣхъ больше. Онъ читалъ сдержанно, нѣсколько однообразно, иногда поправляя густые волосы, свѣшивавшіеся на лобъ; въ лѣвой рукѣ папироса; иногда помахивалъ ею въ тактъ, и изъ-подъ опущеннаго лба вдругъ быстро взглядывалъ горячими своими глазами.

Меня навѣрно онъ гипнотизировалъ. Мнѣ все нравилось, и безраздѣльно, въ немъ и его писаніи. Въ спорахъ о прочитанномъ я всегда былъ на его сторонѣ. Впрочемъ, и вообще онъ имѣлъ тогда большой успѣхъ, очень всѣхъ возбуждалъ, хотя образъ его писаній мало подходилъ къ складу слушателей. Но на «Средѣ» держались просто, дружественно; духъ товарищеской благожелательности преобладалъ. И тогда даже, когда вещь корили, это дѣлалось необидно. Вообще же это были московскіе, привѣтливые и «добрые» вечера. Вечера не бурные по духовной напряженности, нѣсколько провинціальные, но хорошіе своимъ гуманитарнымъ тономъ, воздухомъ яснымъ, дружелюбнымъ (иногда очень ужъ покойнымъ). Входя, многіе цѣловались; большинство было на *ты* (что особенно любилъ Андреевъ); давали другъ другу прозвища, похлопывали по плечамъ, смѣялись, острили, и въ концѣ концовъ, по стародавнему обычаю Москвы, обильно ужинали.

Можно сказать: Москва старинная, хлѣбосольная и благодушная. Можно сказать и такъ, что писателю молодому хотѣлось больше молодости, возбужденія и новизны. Все же свой, великорусскій, мягкій и воспитывающій воздухъ «Среда» имѣла. Знаю, что и Андреевъ любилъ ее. А судьба рѣшила, чтобы изъ членовъ ея онъ ушелъ первый — одинъ изъ самыхъ младшихъ.

Иногда я ходилъ къ нему по утрамъ — это значитъ, о чемъ-нибудь хотѣлось говорить; какъ порядочный писатель русскій, онъ вставалъ поздно; какъ москвичъ — безконечно распивалъ чаи, наливалъ на блюдечко, дулъ, пилъ со вкусомъ; къ приходившему относился съ великимъ дружелюбіемъ. Можетъ быть и нехорошо было идти къ человѣку утромъ; можетъ быть и необязательно разговаривать такъ много; все же вспоминаешь съ удовольствіемъ объ этихъ утреннихъ русскихъ разговорахъ гдѣ-нибудь на Прѣснѣ, при бѣломъ снѣгѣ съ улицы, деревцахъ вдоль тротуаровъ, низкомъ летѣ воронъ съ вѣтокъ на крышу дома. Говорили о Богѣ, смерти, о литературѣ, революціи, войнѣ, о чемъ угодно. Куря, шагая изъ угла въ уголъ, туша и зажигая новыя папиросы, Андреевъ долго, съ жаромъ ораторствовалъ. Говорилъ онъ неплохо. Но имѣлъ привычку злоупотреблять сравненіями и любилъ острить. Юморъ его былъ какой-то странный: и была въ немъ эта жилка, и чего-то не хватало. И во всякомъ случаѣ, въ его *писаніи* юморъ несвободенъ. Онъ не радуетъ.

Въ три Андреевъ обѣдалъ, а потомъ ложился спать, черта не европейская, какъ и во всемъ былъ онъ весьма далекъ отъ европейца. (Носилъ поддевку, а позднѣе ходилъ въ бархатной курткѣ. Среди «передовыхъ» писателей была у насъ тогда мода одѣваться безобразно, дабы видомъ своимъ отрицать *буржуазность)*. Проснувшись вечеромъ, часовъ въ восемь, опять пилъ крѣпкій чай, накуривался и садился на всю ночь писать. Тутъ онъ разогрѣвался; голова накалялась, и легко, непроизвольно родила образы страшные, иногда чудовищные. Писаніе было для него опьянѣніемъ, очень сильнымъ; въ молодости, впрочемъ, онъ вообще пилъ; и, какъ разсказывалъ, наибольшая радость въ томъ заключалась, что уходилъ міръ обычный. Онъ погружался въ бредъ, въ мечты; и это лучше выходило, чѣмъ дѣйствительность. Студентомъ, послѣ попойки, въ цѣлой компаніи друзей, такихъ же фантасмагористовъ, онъ уѣхалъ разъ, безъ гроша денегъ, въ Петербургъ; тамъ прожили они, въ такомъ же трансѣ, цѣлую недѣлю; собирались даже чуть не вокругъ свѣта.

Неудивительно, что писанія утренняго, трезваго, какъ и вообще дисциплины, онъ не выносилъ. Ночь, чай, папиросы — это осталось у него, кажется, на всю жизнь. Иногда онъ дописывался до галлюцинацій. Помню его разсказъ, что когда онъ писалъ «Красный смѣхъ» и поворачивалъ голову къ двери, тамъ мелькало нѣчто, какъ бы уносящійся шлейфъ женскаго платья. Бредовое писаніе не было для него вы-

думкою или модой: такова вся его натура. Его развязанное подсознаніе всегда стремилось въ ночь, таковъ его характеръ; но устремленіе это было подлинное, и его не безъ основанія ставили рядомъ съ Эдгаромъ По, котораго онъ зналъ, любилъ. Онъ нравился ему за то, что говорилъ о Ночи.

Андреевъ самъ чувствовалъ Міровую Ночь, и ее выразилъ — писаніемъ своимъ.

Но не надо думать, что эта Ночь имъ вполнѣ владѣла. Я уже говорилъ, что былъ въ Андреевѣ мягкій орловецъ, онъ любилъ теплый домашній бытъ, никогда въ немъ не умирала жилка московскаго студента легендарныхъ временъ; онъ любилъ русское, нашу природу, пруды и влажные, благоуханные вечера послѣ дождя въ Царицынѣ (подъ Москвою, гдѣ онъ жилъ лѣтомъ), бѣлыя березы и поля Бутова; любилъ закаты съ розовыми облаками; да и въ писаніи его кое-гдѣ, напр. въ «Жили-были», есть и свѣтъ, и цвѣтущія яблони, и славный дьяконъ. Я вспоминаю о немъ часто и охотно такъ: мы идемъ гдѣ-нибудь въ бѣлѣющемъ березовомъ лѣсочкѣ въ Бутовѣ. Май. Зелень нѣжна, пахуча. Бродятъ дачницы. Привязанная корова пасется у забора; закатъ алѣетъ, и по желтой насыпи несется поѣздъ, въ бѣлыхъ или розовѣющихъ клубахъ. Съ полей вѣетъ просторомъ и привѣтомъ родной Россіи. Мы же идемъ легко, быстро, и говоримъ взволнованно. Вотъ онъ меня провожаетъ на платформѣ — въ своей широкополой, артистической шляпѣ, въ какой-нибудь

синей рубашкѣ, съ летящимъ галстукомъ, съ возбужденными, черно-блистающими глазами. Это оживленіе и возбужденіе такъ молодитъ! И такъ хороша молодость пылкими разговорами, одушевленіемъ, легкой влюбленностью. Поѣздъ, зарей вечерней, летитъ въ Москву; смотришь въ окно, вновь переживаешь пережитое, и дома, возвратясь, заснешь не сразу.

При мнѣ Ночь, которую такъ чувствовалъ Андреевъ (и оттого на Бога возставалъ, много шумѣлъ) — эта Ночь впервые на него дохнула. Въ 1906 г. умерла его жена, отъ родовъ, въ Берлинѣ. Мы хоронили ее въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, при жестокой стужѣ. Андреевъ же остался за границей. Изъ Германіи попалъ на Капри. Жилъ тамъ тяжко, бурно. Вотъ отрывокъ изъ его письма, 9 января 1907 г. «Для меня жизнь такъ: нѣсколько людей, которыхъ я люблю, а за ними города, народы, поля, моря, наконецъ, звѣзды, и все это чужое. И если бы всѣ люди, немногіе, кого я люблю, вдругъ умерли бы, или забыли меня — я оглянулся бы и завылъ бы отъ ужаса и одиночества». Далѣе говоритъ, что хорошо, если бы мы съ женой пріѣхали туда, и прибавляетъ вновь:

«Здорово я тутъ одинъ, несмотря на Горькаго. Съ вами бы я могъ говорить о смерти Шуры, постараться понять ее».

Мнѣ и пришлось встрѣтиться съ нимъ въ Италіи, въ маѣ того же года; но говорить о томъ, о чемъ онъ писалъ, не случилось. Перебирая его письма, я наткнулся на открытку во Флорен-

цію: «Ѣду изъ Неаполя въ Берлинъ безостановочно, такъ что во Флоренціи можемъ увидаться только на минутку на вокзалѣ... Пожалуйста, приходи съ Вѣрой хоть на минутку!» Это «хоть на минутку!» и сейчасъ колетъ сердце: вотъ и не увидишь его больше, даже «на минутку!»

Мы съ женой въ свѣтлый, жаркій флорентійскій вечеръ вышли встрѣтить его, принесли букетъ розъ красныхъ (ими полна благословенная Флоренція). Въ грохотѣ, съ пылью, влетѣлъ на скромный вокзалъ международный экспрессъ, изъ перваго класса выскочилъ тотъ же Андреевъ, въ широкополой шляпѣ, съ летящимъ галстукомъ, въ артистической бархатной курткѣ, какъ знавалъ его я въ Бутовѣ, въ Москвѣ. Какъ и тогда, онъ ни слова не зналъ «по-заграничному»; въ купэ оказалась матушка его, — ни себѣ, ни ей за весь день онъ не могъ достать стакана чая. Матушка охала. Самъ онъ задыхался отъ жары въ бархатѣ своемъ, но глаза его такъ же блестѣли, какъ и въ былые годы. Онъ нюхалъ наши розы; говорили мы быстро, безтолково, ибо некогда было, и черезъ нѣсколько минутъ онъ махалъ намъ букетомъ изъ окна поѣзда уходящаго. На мгновеніе я его увидалъ, и снова забурлилъ и загромыхалъ европейскій экспрессъ, подымая за собою пыль, унося людей московско-орловскихъ. А сейчасъ, вспоминая тѣ семнадцать лѣтъ, что зналъ Андреева, я чувствую, что рядомъ съ безконечностью, насъ разлучившею, тѣ года, куда легла чуть ли не вся его художническая жизнь, — не длиннѣй краткой минутки

на вокзалѣ во Флоренціи, въ знойный, чудесный итальянскій вечеръ.

Съ этого года Андреевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Можетъ быть, тяжело ему было заводить въ Москвѣ прочную, осѣдлую жизнь. Его душевное настроеніе было бурно-мрачное, съ какими-то срывами. Перегорало горе, разъѣдало. Но натура живая, страстная гнала впередъ. Онъ никакъ еще не зналъ, что сдѣлать, какъ наладиться. «Опять съ нѣкотораго времени», пишетъ онъ отъ 17 августа 1907 г., «день мой, каждый мой день и каждая ночь — до краевъ налиты тоской. Что дѣлать, я не знаю, ибо убивать себя не хочу, въ сумасшедшій домъ тоже не хочу, а жизнь не выходитъ, а тоска, поистинѣ, невыносимая. И все о томъ же, о той же — Шурѣ, о ея смерти. Отпустила было не на долгое время, а теперь снова гвоздятъ одни и тѣ же мысли и сны. Сны! Ужасная, братъ, вещь эти сны, — въ которыхъ она воскресаетъ и всю ночь поитъ меня дикою радостью, а на утро уходитъ».

Въ Москву онъ наѣзжалъ довольно часто. Нерѣдко останавливался въ «Лоскутной», вблизи Иверской и Историческаго музея. Жившій тамъ П. Д. Боборыкинъ не безъ ужаса разсказывалъ: «представьте, я встаю въ шесть утра, къ девяти поработалъ уже; а *онъ* въ девять только возвращается». Петръ Дмитричъ, никогда за полночь не ложившійся, пившій минеральныя воды, носившій ослѣпительные воротнички, и нашъ Леонидъ Андреевъ... О, Русь!

Въ это время помню я Андреева всегда на людяхъ, въ сутолокѣ, съ интервьюерами, въ угарѣ. Это былъ годъ, когда впервые онъ вступилъ на путь театра, — путь, давшій ему славу еще шумнѣйшую, но и терніи очень острые. «Жизнь Человѣка» была первая его символическая трагедія, въ чертахъ схематически-условныхъ обнимавшая жизненный путь и судьбу «человѣка вообще». Это вещь роковая для него. Можно ее любить или не любить; но съ душевной, и писательской, и человѣческой судьбой Андреева связана она неразрывно. Въ ней кончился одинъ періодъ, начался другой. Кончилась молодость Андреева, возросла схема, патетизмъ, и яснѣе означился надломъ въ душѣ его. Въ ней есть и нѣчто пророческое о самой жизни автора — если пророчественность понимать широко. Умеръ Леонидъ Андреевъ не такъ, какъ погибаетъ Человѣкъ, и въ бѣдность не впалъ, но нѣкоторый *наклонъ* жизни своей почувствовалъ.

«Жизнь Человѣка» имѣла крупный успѣхъ — въ Москвѣ въ Художественномъ, въ Петербургѣ у Мейерхольда. Андреевъ болѣе и больше увлекался театромъ. И болѣе и больше укрѣплялся въ Петербургѣ. Сталъ очень близокъ сильно успѣвавшему издательству «Шиповникъ», въ альманахахъ издательства слылъ гвоздемъ. «Шиповникъ» же издавалъ его книги. Къ намъ, къ «Москвѣ», онъ питалъ чувства дружественныя по-прежнему; когда бывалъ, самъ читалъ свои пьесы, или присылалъ читать рукописи на «Средахъ». Но находилъ, что Москва

это «милая провинція», благодушная и теплая. Ему казалось въ Петербургѣ попрохладнѣй и построже. Ему *казалось*, что воздухъ сѣвера, воды Финляндіи, ея лѣса и сумракъ ему ближе, чѣмъ березки Бутова. Вѣрно, что въ «Жизни Человѣка» не было ужъ мѣста для березокъ. Все-таки обращать Андреева, русака, бывшаго московскаго студента въ мрачнаго отвлеченнаго философа, рѣшающаго судьбы міра въ шхерахъ Финляндіи съ помощью Мейерхольда, было жаль. Никто не вправѣ сказать, какимъ долженъ былъ быть путь его. Ему виднѣе было самому. Но можно, кажется, замѣтить, что его натура не укладывалась вся въ Финляндію и Мейерхольда.

Съ весны 1908 г. онъ поселился на своей дачѣ у Райволы, на Черной Рѣчкѣ. Эта дача очень выражала новый его курсъ; и шла, и не шла къ нему. Когда впервые подъѣзжалъ я къ ней лѣтомъ, вечеромъ, она напомнила мнѣ фабрику: трубы, крыши огромныя, несуразная громоздкость. Въ ней жилъ все тотъ же черноволосый, съ блестящими глазами, въ бархатной курткѣ, Леонидъ Андреевъ, но уже начавшій жизнь иную: онъ женился на А. И. Денисевичъ, заводился новымъ очагомъ, былъ полонъ новыхъ плановъ, болѣе грандіозныхъ, чѣмъ ранѣе, и душа его болѣе была смятена славой, богатствомъ, жаждой допить до конца кубокъ жизни — кубокъ, казавшійся теперь неосушимымъ. Обстановка для писателя (въ Россіи) — пышная. Дача построена и отдѣлана въ стилѣ сѣвернаго модернъ, съ крутою крышей съ балками подъ

потолкомъ, съ мебелью по рисункамъ нѣмецкихъ выставокъ.

Мы много говорили, очень дружественно, мнѣ хорошо было съ Андреевымъ, но жилище его говорило о нецѣльности, о томъ, что стиль все-таки не найденъ. Къ стилю не шла матушка изъ Орла, Настасья Николаевна, съ московско-орловскимъ говоромъ; не шли вѣчные самовары, кипѣвшіе съ утра до вечера, чуть не всю ночь; запахъ щей, безконечныя папиросы, нервность, мягкая развалистая походка хозяина, добрый взглядъ его глазъ, многія мелочи. Правда, стремленіе къ грандіозу находило нѣкое примѣненіе: нравилось смотрѣть съ башни въ морской бинокль на Финскій заливъ, наблюдать ночью звѣзды. Но какъ разъ рано утромъ слѣдующаго дня, проснувшись въ боковой комнатѣ для гостей, не совсѣмъ еще отдѣланной, я услыхалъ, какъ двое маляровъ, снаружи малевавшихъ на подмосткахъ, напѣвали неторопливо простую, славную нашу пѣсню. Вотъ въ ней — земля Москвы, березки Бутова, поля Орла. И нѣтъ Финляндіи. Нѣтъ майоликовыхъ отдѣлокъ, матовыхъ кубовъ, нѣтъ модерна. Нѣтъ и «Жизни Человѣка».

На этой новой дачѣ написалъ Андреевъ: «Царь — Голодъ», «Черныя Маски», «Анатэму», «Океанъ» и другое. Хорошо было удалиться изъ столицы, но это не было удаленіемъ въ Ясную Поляну, столица перекочевала къ нему въ самомъ суетномъ и жалкомъ обликѣ; взвинчивала, гнала къ успѣху, славѣ, шуму и обманыва-

ла. Кто не любитъ обольщенія успѣха? Андреевъ жадно его вкусилъ и не могъ уже забыть; не могъ уже жить, чтобы о немъ не писали, не шумѣли, не хвалили. Не знаю даже, могъ ли онъ теперь писать лишь для себя, внѣ публики. Онъ ненавидѣлъ публику и поклонялся ей. Онъ презиралъ газетчиковъ, освободиться же отъ нихъ не могъ. Для славы нужны были журналисты, налетавшіе роями, которымъ онъ разсказывалъ о своей жизни, замыслахъ, писаніяхъ; сердился, что разсказываетъ, и на завтра вновь разсказывалъ. Они печатали нелѣпые интервью, раздражавшіе друзей Андреева, а врагамъ дававшіе матеріалъ для издѣвательствъ. Вся эта чушь газетная, въ морѣ вырѣзокъ съ отчетами о пьесахъ, отзывами, критиками, бранью, клеветой, замѣтками, каждый день притекала къ нему и одурманивала душу. Врядъ ли чувствовалъ онъ себя хорошо. Тѣмъ болѣе, что все настойчивѣе въ критикѣ твердили объ упадкѣ его дарованія.

За всей этой горькой мишурой, у него былъ и свой міръ. Вотъ что говоритъ онъ въ письмахъ этого періода о *второй дѣйствительности.* «Съ каждымъ уходящимъ годомъ я все равнодушнѣй къ первой дѣйствительности, ибо въ ней только я рабъ, мужъ и отецъ, головныя боли и съ прискорбіемъ извѣщаемъ. Сама природа, — всѣ эти моря, облака и запахи я долженъ приспособить для пріема внутрь, а въ сыромъ видѣ они слишкомъ физика и химія.

То же и съ людьми: они становятся интересны для меня съ того момента, какъ о нихъ начинаетъ писаться исторія, то-есть ложь, то-есть все та же наша единственная правда. Я не дѣлаю изъ этого теоріи, но для меня воображаемое всегда было выше сущаго, и самую сильную любовь я испытывалъ во снѣ. Поэтому я, пока не сдѣлался писателемъ и не освободилъ въ себѣ способности воображенія, такъ любилъ пьянство и его чудесные и страшные сны».

Флоберъ, столь безконечно далекій отъ Андреева, говоритъ гдѣ-то въ письмѣ: la vie n'est supportable qu'en travaillant, и, правда, одурманивалъ себя работой. Для Андреева, какъ писателя настоящаго, смыслъ этихъ лѣтъ, годовъ зрѣлости, такъ же, видимо, сводился къ работѣ, какъ наркозу, уводящему отъ *скучной* дѣйствительности. «Сколько скучныхъ дней и просто неинтересныхъ людей въ первой дѣйствительности! А въ моей всѣ дни интересны, даже дождливые, и всѣ люди интересны, даже самые глупые. Сейчасъ за окнами мороситъ, просто мороситъ, и нѣтъ ничего, кромѣ просто мокрой Финляндіи и озноба въ спинѣ, — а начни описывать, и получится интересно, явится настроеніе; и чѣмъ правдивѣе я буду изображать, тѣмъ меньше останется правды. *Ибо само слово принадлежитъ ко второй дѣйствительности*, само по себѣ оно картина, разсказъ, сочиненіе».

Впрочемъ, онъ оговаривается: не вся дѣйствительность презрѣнна.

... «Не скажу даже, чтобы я былъ правъ, такъ настоятельно и убѣжденно предпочитая воображаемое сущему, и если устроить между ними состязаніе, то *окончательная, послѣдняя* красота будетъ на сторонѣ послѣдняго. Но такая красота — моменты, далеко разбросанные въ пространствѣ и времени. Не только собрать, а можно прожить всю жизнь и ни одного не встрѣтить. Немало на свѣтѣ красивыхъ людей, а разстояніе между ними — словно между звѣздами; и одинъ еще не родился, а другой давно умеръ. Пусть даже живетъ, но или онъ далеко безконечно, либо говоритъ на другомъ языкѣ, либо я совсѣмъ не знаю о его существованіи. Вѣдь всѣ эти, кого мы любимъ и считаемъ настоящими друзьями, Данте, Іисусъ, Достоевскій существуютъ только въ воображеніи нашемъ, во второй дѣйствительности, во снѣ».

Въ первой же дѣйствительности, несмотря на славу, деньги, шумъ и суету вокругъ, врядъ-ли Андреевъ чувствовалъ себя теперь хорошо. Онъ не производилъ такого впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ, видимо, становится онъ одиноче. О дружбѣ, о «мужской, крѣпкой, глубокой, серьезной дружбѣ» онъ говоритъ теперь съ горечью. («Какъ странно звучитъ слово «дружба» — ты помнишь, что оно означаетъ? Я забылъ» 8 іюля 1909 г.). И еще: ...«Замѣтилъ ли ты... что дружба ранняя ягода и приходитъ прежде другихъ? Любовь, какъ тѣнь, сопровождаетъ, пока есть свѣтъ, а для новой дружбы положенъ ранній предѣлъ. И если не захватилъ друга изъ юности,

то новаго не жди; да и стараго-то не удержишь. И не случайность для меня, что кончилась моя дружба съ Горькимъ — всѣ писатели дружатъ въ юности, а со зрѣлостью приходитъ къ нимъ неизбѣжное одиночество. Такъ оно и надо, пожалуй» (23 іюня 1911 г.).

Кажется, за эти годы Леонидъ Андреевъ и дѣйствительно новыхъ друзей не пріобрѣлъ, а отъ старыхъ отдалился, находясь въ Финляндіи. Кажется, жизнь его тамъ ограничивалась кругомъ (важнѣйшимъ, разумѣется) — семьи. Въ Москвѣ онъ появлялся рѣдко. Въ Петербургѣ литературныхъ друзей и всегда у него было мало; а въ литературѣ критической къ нему относились теперь дурно. Вообще же въ его литературной судьбѣ много *русскаго*: безудержное возношенье, столь же безпощадная брань. Ни шумъ, ни гонорары, ни интервью не могли скрыть рѣзкаго охлажденія къ нему публики. Та исключительность его, что раньше восторгала, теперь сердила. Чѣмъ громче онъ старался говорить, тѣмъ раздраженнѣй слушали. И за короткій срокъ своихъ удачъ и пораженій могъ бы вспомнить покойный слова Марка Аврелія: «судьба загадочна, слава недостовѣрна». Или же обратиться къ собственной «Жизни Человѣка».

За это время мало приходилось его видѣть. Доходили временами письма, но все рѣже. Я зналъ, что онъ обрился, что завелъ лодку моторную и скитается по шхерамъ. Мореходскіе инстинкты пробудились въ немъ внезапно; нрави-

лись брызги, пѣна, шумъ вѣтра, одиночество. Быть можетъ, нѣчто байроническое мерещилось ему въ этихъ одинокихъ блужданіяхъ. Вызовъ жизни, людямъ, гордость, честолюбіе надломленное.

Я видалъ его въ послѣдній разъ въ Москвѣ, осенью 1915 г. Шла его пьеса «Тотъ, кто получаетъ пощечины». Врядъ ли она удача; врядъ ли совершенна, какъ и вообще мало совершеннаго оставилъ Леонидъ Андреевъ. Хаосъ, торопливость и несдержанная пылкость слишкомъ видны въ его писаніи. Но какъ и во всемъ главнѣйшемъ, что онъ написалъ, есть въ этой пьесѣ андреевское, ѣдкое, очень скорбное, сплошь облитое ядомъ горечи...

Тяжкая душа, израненная и больная, мнѣ почувствовалась и въ самомъ авторѣ. Это иной былъ Андреевъ; не тотъ, съ кѣмъ философствовали мы нѣкогда на Прѣснѣ, бродили въ Бутовѣ. Надломъ, усталость, тяжко бьющееся сердце, тягостная раздраженность. И лишь глаза блестѣли иногда по-прежнему.

— Пьесу испортили, — говорилъ онъ. — Сгубили. Главная роль не понята. Но посмотри — онъ указывалъ на ворохъ вырѣзокъ, — какъ радуются всѣ эти ослы. Какое наслажденіе для нихъ — лягаться.

Онъ уѣхалъ въ Петербургъ смутный и подавленный, хоть иногда и много смѣялся и острилъ. Мы же, прощавшіеся съ нимъ тогда въ Москвѣ, его немногіе друзья, врядъ ли угадывали будущее, врядъ ли и думали, что живого, настоящаго

Андреева, въ бархатной курткѣ и съ черными глазами, не «сонъ» и не «мечту» второй дѣйствительности, — намъ уже не увидѣть.

И мнѣ трудно говорить объ этихъ заключительныхъ годахъ земного странствія Андреева.

Знаю только одно: съ октября 1917 г. онъ не возвращался даже въ Петербургъ, жилъ въ Финляндіи. Революція задѣла его чрезвычайно. Онъ ее проклялъ. Пережить ее ему не удалось. Онъ скончался въ сентябрѣ 1919 г. отъ припадка сердца — сердце у него всегда было больное и нервное.

Когда мысленно я вызываю образъ Андреева, онъ представляется мнѣ молодымъ, чернокудрымъ, съ остроблистающими, яркими глазами, какимъ былъ въ годы Грузинъ, Прѣсни, Царицына. Онъ лихорадочно говоритъ, куритъ, стаканъ за стаканомъ пьетъ чай гдѣ-нибудь на террасѣ дачи, среди вечерѣющихъ березъ, туманно-нѣжныхъ далей. Съ нимъ, гдѣ-то за нимъ, тоненькая, большеглазая невѣста въ темномъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой на шеѣ. Молодая любовь, свѣжесть, сіянье глазъ дѣвическихъ, расцвѣтъ ихъ жизни.

И навѣрно не могу я говорить съ холодностью и объективностью объ Андреевѣ, ибо молодая въ него влюбленность на всю жизнь бросила свой отсвѣтъ, ибо для меня Андреевъ вѣдь не просто талантъ русскій, тогда-то родившійся и тогда-то умершій, а, выражаясь его же словами, *милый призракъ*, первый литературный другъ, литера-

турный старшій братъ, съ ласковостью и вниманіемъ опекавшій первые шаги. Это не забывается. И да будутъ эти строки, сколь бы бѣдны онѣ ни были, дальнимъ привѣтомъ чужестранной могилѣ твоей, Леонидъ.

Сергѣй Глаголь

— Да вотъ что, — сказалъ Андреевъ, блестя своими черными, удивительными глазами: вы зайдите къ Сергѣичу, обязательно! Надо познакомиться. И вашъ разсказъ у него. Сборникъ редактируетъ онъ, я и Тимъ-Тимъ (Тимковскій).

Андреевъ далъ мнѣ письмецо, и я отправился. Сергѣй Сергѣичъ Голоушевъ, среди друзей «Сергѣичъ», по литературѣ Сергѣй Глаголь, жилъ въ Хамовникахъ, въ мѣстѣ странномъ: помѣщеніи Хамовнической части! Былъ онъ полицейскій врачъ и занималъ квартиру во второмъ этажѣ, съ окнами на площадь.

Я попалъ къ нему во врачебный кабинетъ. Мягкая зеленая мебель, книги, картины, жуткій гинекологическій эшафотъ, машина съ кругомъ, безпорядокъ, сумеречно-синеватый свѣтъ изъ окна, откуда бѣлѣлъ снѣгъ и надъ снѣгомъ, надъ каланчей, тучею галки — за бархатной портьерой плесканье воды въ умывальникѣ.

Потомъ оттуда выглянулъ высокій, очень стройный и широкоплечій человѣкъ въ ослѣпи-

тельной рубашкѣ и, вытираясь полотенцемъ, откинувши назадъ длинные волосы движеньемъ головы, пристально добрыми глазами на худощавомъ, въ морщинахъ, лицѣ взглянулъ на меня.

— А-а, душка, знаю. Садитесь, сейчасъ разговаривать будемъ.

Такъ, зимними сумерками, въ Москвѣ очень далекихъ лѣтъ, началось мое знакомство, перешедшее скоро въ дружбу, со всему городу извѣстнымъ «Сергѣичемъ». Черезъ десять минутъ показалось ужъ, что онъ мнѣ родственникъ, такая простота, открытость и широкій жестъ, чуть и картинный, были въ немъ. Конечно, къ нему можно съ чѣмъ угодно придти — и съ болѣзнью, и съ разсказомъ, и съ картиной — чѣмъ только не занимался Сергѣичъ?

Въ юности, сидя на козлахъ, мчалъ Вѣру Засуличъ изъ суда въ каретѣ, спасая ее. Побывалъ въ «мѣстахъ не столь отдаленныхъ» — ссыльно поселенцемъ. Политическую «лѣвизну» свою тамъ и оставилъ. Занялся живописью. Дружилъ съ Сѣровымъ, Левитаномъ и Коровинымъ. Въ Третьяковской галлереѣ есть его этюдъ лошади. Сталъ писать. Лѣчилъ дамъ. Статьи печаталъ и о живописи, о театрѣ, о литературѣ. Въ томъ же сборникѣ, изъ-за котораго я пришелъ къ нему, былъ и его разсказъ — не хуже другихъ. Онъ интересовался психіатріей, былъ другъ всѣхъ Россолимо и Токарскихъ, яростно превозносилъ Андреева, работалъ по гравюрѣ и офорту — что-то изобрѣлъ даже въ этомъ дѣлѣ.

Жилъ холостякомъ. Всегда къ кому нибудь пылалъ. Да женщинамъ и не могъ не нравиться, если бъ и захотѣлъ — что-то изящное и суховато-мужественное въ немъ было, и безупречное, и безкорыстное. Онъ много говорилъ, слегка даже витійствовалъ, то собиралъ, то распускалъ морщины на остроугольномъ лицѣ и широкимъ жестомъ откидывалъ волосы сѣдѣющіе. Но какъ принять его за старика! Вотъ, умеръ старымъ, въ памяти остался молодымъ.

Онъ былъ душой «Среды». Для меня, только что принятаго, эти собранія, въ частности домъ Сергѣича, навсегда связанъ съ первыми литературными шагами, первыми встрѣченными писателями, первыми чтеніями — въ полутемномъ кабинетѣ Сергѣича, подъ блѣднымъ кругомъ лампы съ зеленымъ абажуромъ, передъ старшими художниками дѣла нашего, нѣкоторые изъ которыхъ вызывали восхищеніе и жуткое волненье. Очень страшно такъ читать, впервые, не забудешь... Небольшая, полная этюдовъ Васнецова, Полѣнова, Левитана квартира Сергѣича наполнялась, сидѣли и въ гостиной подъ какими то персидскими щитами, у бухарскихъ копій, въ кабинетѣ на гинекологическомъ ложѣ, спорили о символистахъ, декадентахъ (тогда модный споръ), бытѣ, реализмѣ и т. п. А потомъ слушали — очень часто читалъ Андреевъ. Рѣже Бунинъ, Телешовъ, я и другіе. Кончалось все ужиномъ. Сергѣичъ самъ готовилъ удивительнѣйшую селедку, хоть бы въ «Прагу». Разныя водки въ графинчикахъ, пироги, грибы, за-

ливныя... вообще Москва — то русское тепло, и тотъ уютъ, немножко лѣнь, безпечность, «миловидность», что и есть старая Русь.

Расходились поздно. По скрипучему снѣгу, подъ холодными звѣздами шли пѣшкомъ, хохотали, досказывали недосказанное, дразнили другъ друга. Иногда старый писатель Гославскій, съ серебряной бородою — его звали Богомъ Саваофомъ за торжественный видъ — сильно подвыпивъ, начиналъ бранить кого-нибудь, меня, напримѣръ, — неизвѣстно за что. Звали Ваньку, усаживали Гославскаго, кто-нибудь въ родѣ безотвѣтнаго Ивана Алексѣича Бѣлоусова, въ хохлацкой шапкѣ и шевченковскихъ усахъ и увозилъ его.

Сергѣича я полюбилъ скоро и крѣпко. Да и какъ было не любить этого славнаго и такого открытаго — весь нараспашку — «прелестника» изъ Хамовниковъ? Онъ былъ мнѣ старшій, вродѣ дядюшки и заступника. Если какая бѣда, затрудненіе или болѣзнь, онъ тутъ какъ тутъ, зимой въ сѣрой мерлушковой шляпѣ, всегда живой и картинный, многорѣчиво-привѣтливый. Правда, онъ больше самъ говоритъ. Слушаетъ неохотно, разсѣянно. Чувствуешь, это только скользитъ по немъ...

На «Средѣ» мы съ нимъ и Андреевымъ были «крайняя лѣвая», т. е. защитники символистовъ: тогда здѣсь и былъ «ключъ позиціи». Сергѣича же и вообще постоянно тянуло къ новизнѣ, молодости. Наша «Среда» была весьма пожилая,

степенная. Это его не вполнѣ насыщало. И онъ водился съ художниками младшаго возраста. (Наприм., съ Петровымъ-Водкинымъ, тогда юношей. И, разумѣется, покровительствовалъ ему). Милая странность Сергѣича въ томъ состояла, что никакъ не будучи «инфернальнымъ», онъ очень любилъ въ литературѣ всякія «бездны», «тайны», достоевско-андреевское... и для чего это ему надо было? Весь онъ такъ хорошъ былъ простосердіемъ и чистодушіемъ, а любилъ «жуть». Въ тѣхъ долгихъ годахъ, что я его зналъ, за эту самую жуть онъ меня много бранилъ. Ему нравились, онъ всегда защищалъ мои «мрачныя» вещи, а другую сторону писанья — не одобрялъ.

— Зайчикъ, — говорилъ, какъ обычно откидывая рукой волосы, глядя изъ подъ пенснэ сѣрыми, живыми глазами изъ глубокихъ впадинъ, весь вытягиваясь сухимъ, остро-изящнымъ лицомъ, всегда напоминавшимъ мнѣ симпатичнаго пса, — душка, ты опять мармеладъ свой развелъ?

И щелкалъ пальцемъ по книжкѣ.

— Ты мнѣ дай, чтобы съ жутью... Понимаешь, писатель, вотъ какъ Леонидъ, онъ долженъ опускаться вглубь, въ психологію, и разворачивать передъ нами тайны и провалы души...

Я улыбался, частью виновато, частью безнадежно: что же дѣлать, каждый пишетъ по своему. И если быть вполнѣ искреннимъ, то въ дѣлахъ своего ремесла (или искусства?) и я слушалъ Сергѣича не очень внимательно, какъ слав-

наго дядюшку, но не какъ *мэтра*. Для мэтра былъ онъ слишкомъ поверхностенъ, слишкомъ *между прочимъ* въ нашемъ занятіи, которому или всего себя надо отдать, или ужъ за него и не браться.

Въ Сергѣичѣ была какая-то неаккуратность и забывчивость, барски-просторная разсѣянность. Это касалось, впрочемъ, мелочей. Если жъ въ бѣдѣ нужна поддержка, нужно черезъ всю Москву ѣхать къ больному — этого Сергѣичъ никогда не забывалъ. Много людей московскихъ, изъ которыхъ первый я, добрымъ словомъ помянутъ безсребренника.

А жизнь его была полетъ сумбурный, въ этомъ основная черта натуры: не было центра, точки, куда била бы вся сила его существа. Диллетантизмъ — вотъ слово, говорящее о несобранности души, о ея нѣкоторомъ распыленіи. Сергѣичъ все умѣлъ дѣлать, отъ гинекологіи до гравюры, и все дѣлалъ даровито, *замѣчательно* же ничего сдѣлать не могъ, ибо безраздѣльно ничему не отдавался. Его слѣдъ не начерченъ въ исторіи ни одной изъ тѣхъ дѣятельностей, коими онъ занимался. Въ немъ, въ его вкусахъ, жестахъ, картинности, доброй безпорядочности... — Русь, Москва.

Бѣдный Сергѣичъ! На его закатные дни легла страшная лапа исторіи. Узналъ бывшій студентъ въ плащѣ семидесятыхъ годовъ, спаситель Вѣры Засуличъ — на себѣ испыталъ новое царство. Сергѣича въ Москвѣ взяла смерть —

среди бѣдствій, голода, холода, и униженій. Тяжело вспоминать объ этомъ.. И какъ часто бываетъ, ущемляется сердце сознаніемъ, что вотъ ушелъ человѣкъ, доброе отъ него бралъ какъ должное, а самъ что давалъ? Мало дано, долгъ остался.

Литературный Кружокъ

Николай Николаевичъ Баженовъ — психіатръ, гастрономъ, Донъ Жуанъ, холостякъ — съ лицомъ жирнымъ и заплывшимъ, маленькими глазками, съ толстыми губами и огромнымъ кадыкомъ — онъ и водрузилъ клубно-литературное знамя надъ Москвой.

Считался парижаниномъ (и парижскимъ москвичемъ) — изъ Парижа вывозилъ галстуки, анекдоты, моды. Имѣлъ къ литературѣ отношеніе — какое? Не совсѣмъ понятно: кажется, интересовался ею. И другіе нашлись «интересующіеся»: актеры, литераторы, адвокаты, зубные врачи. Соединенными усиліями сложившись, подписавшись, соорудили въ переулкѣ съ Тверской на Дмитровку свое учрежденіе. Начали скромно, а потомъ разрослось, даже въ исторію литературы въ нѣкоторомъ смыслѣ попали.

Рядомъ съ Филипповымъ, съ калачами и булками, съ шумной кофейной (чуть не самой большой тогда въ Москвѣ), гдѣ засѣдали барышники, коммивояжеры, бѣговые жучки и прочее мелкое, но приличное населеніе — открылся Ли-

тературный Кружокъ, начались его вторники. Они очень совпали съ оживленіемъ литературнымъ: выступалъ символизмъ, появились молодые писатели особеннаго оттѣнка.

Въ «Скорпіонѣ» Поляковъ («нѣжный, какъ мимоза») издавалъ Бальмонта, Брюсова, выпускалъ «Сѣверные цвѣты», Кнута Гамсуна, Пшибышевскаго... «Homo sapiens» — кто изъ барышень не зачитывался этимъ романомъ? («Всталъ. Вскочилъ. Выпилъ рюмку коньяку» — черезъ нѣсколько строкъ: «Сѣлъ. Лицо искривилось гримасой. Выпилъ рюмку коньяку»). За мирнаго и прелестнаго гамсуновскаго «Пана» дочерей чуть не выгоняли изъ родительскихъ домовъ (съ Таганокъ, Сыромятниковъ, «чтобы не зачитывались чепухой»). Впрочемъ... и Иванъ Бунинъ въ «Скорпіонѣ» выпустилъ «Листопадъ». А совсѣмъ юный Бѣлый, тогда студентикъ голубоглазый — «Золото въ лазури» и «Симфоніи».

Но главенствовали Бальмонтъ и Брюсовъ. «Будемъ, какъ солнце», «Только любовь», «Горящія зданія» — Бальмонта въ Москвѣ сразу приняли и полюбили (молодежь, конечно). Брюсова *не* любили, но вокругъ себя онъ сумѣлъ создать нѣкую «магическую» славу. Его боялись. И прислушивались къ его теоріямъ художническимъ. Онъ редактировалъ «Вѣсы», тоже журналъ скорпіонскій.

Революція такъ революція... Въ литературѣ она начиналась, хоть и благоразумно совѣтовалъ Бальмонтъ поклонникамъ: «тише, тише совле-

кайте съ древнихъ идоловъ одежды». Молодежь есть молодежь. Благоразуміемъ она не отличалась никогда. Идоловъ типа Потапенки и Боборыкина волокли не безъ жару, да и другимъ доставалось — во славу символизма и «декаденства».

Вотъ для этихъ сраженій Кружокъ подоспѣлъ кстати. Въ небольшой залѣ Козицкаго переулка, на эстрадѣ, передъ рядами зрителей, засѣдалъ въ какомъ нибудь кофейномъ жакетѣ съ красной бутоньеркой, въ бѣлыхъ гетрахъ Николай Николаевичъ Баженовъ, — предсѣдатель, а Бальмонтъ читалъ, скажемъ, объ Уайльдѣ — тогда тоже новшествѣ и пугалѣ — Бальмонтъ молодой, горячій, «златовласый» — читалъ остро и съ задоромъ. Главное задоръ. Онъ является непроизвольно, изъ ощущенія, что говоришь о новомъ, спорномъ, что одни тебѣ будутъ яростно рукоплескать, другіе свистать. И, дѣйствительно, залъ раздѣлялся. «Старшіе» ужасались, молодежь ликовала. Получался отчасти митингъ, но скорѣе веселый. Вотъ какъ описываетъ это лѣтописецъ: «Благородные зубные врачи и статистики призывали къ завѣтамъ, Некрасову, шестидесятымъ годамъ. Юноши въ красныхъ галстукахъ — къ Уайльду. Публика свистала, это выводило изъ себя Лизавету, и она отколачивала себѣ ладоши. Черноглазая Зина тоже хлопала, хлопалъ и Петя, взволнованно улыбаясь, а солидныя дамы вокругъ пожимали плечами и выражали негодованіе. Впрочемъ, съ Лизаветой шутки были плохи. Она оборачивала свое разго-

ряченное лицо, розовѣвшее гнѣвомъ, и громко говорила:

— На дуръ не обращаю вниманія!

— Браво, — хлопалъ Петя, — браво!».

Случалось и такъ, что молодой человѣкъ, днемъ болѣе или менѣе успѣшно засѣдавшій въ восьмомъ классѣ Поливановской гимназіи, вечеромъ появлялся на эстрадѣ, въ штатскомъ, съ демоническими начесами, демонически возглашалъ:

— Окунемся въ освѣжающія волны разврата!

Не такъ особенно онъ окунался, и домашняя, довольно безобидная была тогда Москва, но такъ ужъ полагалось «устрашать» и «претерпѣвать за идею»: юноша, пожалуй, только что получилъ двойку, но зачитываясь Бальмонтомъ и Брюсовымъ, готовъ былъ отдаться на растерзаніе «мѣщанству», лишь бы не быть «какъ всѣ» и чѣмъ-то о себѣ заявить.

«Когда Лизавета съ Зиной влетали послѣ чтенія въ ресторанный залъ, вызывали онѣ неблагосклонное шушуканье дамъ и сочувствіе въ мужчинахъ. Усиливалось это тѣмъ, что въ городѣ говорили о тайномъ обществѣ козлороговъ. Ѳедюка бывалъ въ клубѣ тоже, и какъ человѣкъ толстый, легкомысленный, не внушалъ довѣрія; а его считали гросмейстеромъ ордена, какъ Лизавету съ Зиной — двумя «богородицами».

Общества, разумѣется, никакого не было. Жила молодежь бойкой и веселой, можетъ быть, и нѣсколько распущенной жизнью, но обычной въ возрастѣ этомъ: богемно, съ бродяжничествомъ

по кабачкамъ, романами и «выясненіями отношеній», схожденіями и расхожденіями — а въ общемъ, подъ крылышкомъ папашъ и мамашъ. беззаботно, скорѣе всего въ духѣ Бронныхъ и Козихъ, усовершенствованныхъ «декадентствомъ».

Но, конечно, нравилось являться въ Кружокъ компаніей человѣкъ въ десять — всѣ съ желтыми цвѣтами.

— Вотъ оно, тайное эротическое общество! И въ несуществующую «ложу» нарасхватъ стремились тѣ, у кого желтыхъ цвѣтовъ не было (а какъ хотѣлось-бы, чтобъ были!)

***

Въ Козицкомъ стало тѣсно. Дѣла шли хорошо — Кружокъ переселился — неподалеку, на Дмитровку, въ особнякъ Востряковыхъ. Востряковы сами жили на углу, тоже въ хорошемъ домѣ, но главное свое палаццо, съ полукруглымъ въѣздомъ во дворѣ, зеркальными окнами, нарядной лѣстницей съ колоннами, бѣлыми лѣпными залами, сдали Кружку. И Кружокъ въѣхалъ. Одного Баженова ужъ не могло хватить. Ставилось все на прочную ногу, съ дирекціей, комиссіями — литературной, музыкальной и пр.

Появилась «матеріальная основа цивилизаціи» — карты. Сначала карточныя комнаты были скромны, а потомъ сдѣлали цѣлую пристройку и открыли залу въ розовыхъ фрескахъ подъ Мориса Дени, разставили огромные овальные столы и укрѣпили фронтъ. Старухи въ брил-

ліантахъ, содержанки и актрисы, дѣльцы, врачи, инженеры и актеры засѣдали подъ туманно-нѣжнымъ свѣтомъ люстръ, казавшихся имъ слаще солнца, за зеленымъ полемъ, погружаясь въ міръ валетовъ и девятокъ, дамъ, королей. Лица ихъ принимали неживой оттѣнокъ. Вспоминаются зеленоватые люди, много лысинъ, жирныхъ подбородковъ, толстыхъ ушей, рукъ въ кольцахъ съ драгоцѣнными каменьями, все это нѣсколько и вялое (лишенное «свѣта и воздуха»), но нервное и выключенное изъ жизни. Навѣрно, наркотическое есть въ игрѣ. Точно-бы накурились опія. И ихъ міръ, живущій съ нами рядомъ, все-же особенный — сильно пьянящій и засасывающій (для нихъ значитъ же сладкій). Были среди нихъ и профессіоналы-игроки. Просто они жили этимъ. Являлись какъ на службу, хорошо зарабатывали.

Символистовъ и поэтовъ, художниковъ «Голубой розы» или «Міра Искусства», писателей «Знанія» или «Шиповника» для нихъ не существовало. Но чѣмъ дольше засиживались, чѣмъ больше штрафовъ платили, тѣмъ больше книгъ и журналовъ можно было купить въ библіотеку.

Туда велъ длинный коридоръ, уставленный шкафами — съ иногда цѣнными изданіями. Библіотека быстро росла. Въ читальнѣ, подъ зеленой мягкой лампой, на столѣ газеты и журналы, изданія на разныхъ языкахъ, кресла, тишина, полумракъ — другой міръ. Пробѣжитъ въ длинномъ сюртукѣ Брюсовъ, пройдетъ Юлій Бунинъ, полный, уютный, особой своей поход-

кой (слегка выкидывая ноги въ стороны), рыжеватый Иванъ Ивановичъ Поповъ, редакторъ «Женскаго дѣла» (букву д выговаривалъ, какъ т — журналъ свой называлъ «Женское тѣло»).

Вторникамъ отвели залу обширную, на шестьсотъ мѣстъ, съ занавѣсомъ, сценой-эстрадой: можно было ставить спектакли, давать концерты. Лекторы стали разнообразнѣй. Многихъ выписывали изъ Петербурга. Мережковскій, Андрей Бѣлый, Волошинъ, Маковскій, Волынскій, Яблоновскій проходятъ въ памяти, покойный Айхенвальдъ. Даже епископъ одинъ выступалъ (имени его не помню). Читали о новыхъ писателяхъ, новыхъ книгахъ, «вопросахъ пола» — въ общемъ, все стало спокойнѣе и солиднѣй. Споры, однако, бывали жаркіе, иногда до скандала. (Разъ Андрей Бѣлый съ эстрады вызвалъ на дуэль литератора Тищенку, друга Толстого. Пришлось спускать занавѣсъ, подъ руки сводить съ лѣстницы изнеможденнаго, въ истерикѣ, автора «Серебрянаго голубя»).

Эти «верхніе» вторники (въ верхнемъ залѣ) все-же приняли слишкомъ шумный характеръ. Въ нижнихъ комнатахъ уединенно собиралась «Эстетика» и «Среда».

Въ первой главенствовалъ Брюсовъ. Это было продолженіе «Вѣсовъ». Питалось дамами богатыми и снобистическими (изъ купчихъ — «Скорпіонъ» коренился въ Московскомъ Сити). Брюсовъ священнодѣйствовалъ. Молодые поэты трепетали. Почтительно безмолвствовали художники. Дамы сіяли брилліантами, кутались въ мѣ-

ха. Въ общемъ-же: скука и высокомѣріе, хотя выступали иногда замѣчательные писатели — Вяч. Ивановъ, Блокъ, Бѣлый. «Середа» называлась въ Кружкѣ «молодой», или новой — изъ прежнихъ, интимныхъ собраній у Телешова и Л. Андреева перешла въ большой просторъ, разрослась численно — и поблѣднѣла. Предсѣдателемъ ея былъ Юлій Бунинъ. Тонъ простой и не напыщенный. Составъ довольно сѣрый. Какъ въ «Эстетикѣ», читали и стихи, разсказы — беллетристовъ было больше. Направленіе въ «Эстетикѣ» символизмъ, здѣсь реалистическое. Изъ писателей извѣстныхъ — Бунинъ, Шмелевъ, Серафимовичъ, Телешовъ. Выступалъ Алексѣй Толстой (бывалъ и на «Эстетикѣ»). Но молодежи выдающейся «Середа» не вывела.

***

Вросъ Кружокъ въ жизнь Москвы съ достоинствами своими и недостатками, съ шумомъ, оживленіемъ, дебатами объ Арцыбашевѣ и Каменскомъ, концертами и лекціями. Вечеромъ заглянувъ туда, встрѣтишь знакомыхъ и друзей, просмотришь новости въ читальнѣ — врядъ-ли минуешь бѣлый ресторанный залъ. Съ молодымъ еще (но уже академикомъ) Бунинымъ займешь столъ, нашъ обычный, направо отъ двери. Къ полуночи подойдетъ Юлій Бунинъ съ какого нибудь засѣданія — въ томъ-же Кружкѣ, гдѣ съ Валеріемъ Брюсовымъ обсуждали они вопросъ, скажемъ, о поварѣ (Брюсовъ во всемъ былъ до-

тошный и неутомимый: переводить-ли Вергилія, спорить-ли о дежурномъ блюдѣ). Столики чуть не всѣ заняты. Тамъ Эфросъ со Смирновой, Лоло съ Ильнарскою, Перскій съ женой, Книпперъ, быть можетъ, Качаловъ, Правдинъ изъ Малаго театра. Шмелевъ, Телешовъ, покойный Грузинскій подсядутъ къ намъ. Встрѣтишь пріѣзжаго изъ Петербурга — Георгій Чулковъ. Изъ молодыхъ московскихъ — Ходасевичъ, Муни, Койранскій и Стражевъ. Ровно въ часъ, по хронометру, появлялся философъ Лопатинъ — у него мѣсто всегдашнее за «профессорскимъ» столомъ, черезъ залъ отъ насъ. Лысый, въ очкахъ, съ головой мудреца, начиненной идеализмами и психологизмами, былъ онъ такъ аккуратенъ, что по немъ провѣряли часы:

— Левъ Михайловичъ пріѣхалъ, значитъ, часъ ночи.

Надо сказать: подолгу въ ресторанѣ засиживались. Много шумѣли и спорили, и хохотали, и поужинавъ, заходили въ игорныя залы — можно на счастье поставить (и проиграть!) — можетъ быть, и сорвешь удачу.

А потомъ зимняя ночь, такой свѣжій, чудесный воздухъ. Сонный Ванька, ухабы, затихшія улицы Москвы, тьма.

***

Ко временамъ драмъ россійскихъ Кружокъ былъ учрежденіе цвѣтущее, съ библіотекой въ двадцать тысячъ томовъ, штатомъ служащихъ,

канцеляріями, запаснымъ капиталомъ. Могъ жертвовать на просвѣщеніе, стипендіи, помогалъ нуждающимся, выдавалъ ссуды, издавалъ журналъ (небольшой), собиралъ многосотенныя аудиторіи — литературно-музыкальныя. Въ залахъ его устраивались выставки. Во время войны тамъ былъ лазаретъ.

Въ революцію онъ сначала держался. Изъ первыхъ перешелъ къ «нимъ» Брюсовъ — началось медленное удушеніе. Горестная сцена сохранилась въ памяти изъ того времени. Старый Серафимовичъ, Александръ Серафимовичъ, многолѣтній нашъ сотоварищъ по «Средѣ» тоже объявился коммунистомъ.

Помню засѣданіе «Середы» — изъ послѣднихъ въ Литературномъ Кружкѣ — изъ совсѣмъ особенныхъ. Въ верхней комнатѣ было много народу, душно и нервно. Всѣ взволнованы, что-то виситъ надъ душой. Сидѣлъ за столомъ и Серафимовичъ, блѣдный и молчаливый. Попросилъ слова Андрей Соболь. Въ горячей, нервно-истерической рѣчи, захлебываясь, предложилъ исключить Серафимовича изъ «Середы».

— Кто противъ свободной печати и литературы, тотъ не съ нами.

Всѣ молчали. Молчаніе было тяжелое. Поднялся Чириковъ.

— Вы намъ не товарищъ. Все между нами кончено. Больше руки я вамъ не подаю. (Таковъ, приблизительно, былъ смыслъ его слова).

— Значитъ, я могу выйти? — глухо сказалъ Серафимовичъ.

Никто не отвѣтилъ — раздались аплодисменты. Онъ поднялся и блѣдный, молча, вышелъ.

Больше мы его тутъ не видѣли. Но Кружокъ онъ закрылъ быстро — «какъ контръ-революціонное гнѣздо». Сынъ его въ это время донесъ на одного юношу, гимназиста, своего-же товарища — и погубилъ его въ чекѣ. Александра Серафимовича я встрѣчалъ потомъ главою «Лито»*) — у него быстро появилась шуба и бобровая шапка. Богъ съ ними, съ бобрами. Александръ Серафимовичъ былъ всегда незадачливымъ, внутренно-озлобленнымъ писателемъ. Теперь сдѣлалъ шагъ разумный, и сравнительно процвѣлъ. Это личное его дѣло и не хочется его судить. Все-же... этотъ человѣкъ бывалъ нѣкогда въ моемъ домѣ, мы находились въ добрыхъ отношеніяхъ, изъ временъ юности сохранились даже нѣкія ласковыя слова и улыбки. Тѣмъ грустнѣе все остальное.

Сейчасъ онъ въ почетѣ, какъ и Вересаевъ. Госиздатъ издаетъ собраніе его сочиненій — практически онъ игру свою выигралъ.

---

*) Литературный отдѣлъ — было такое учрежденіе.

"Зори"

Въ 1904-06 г. г. выходилъ въ Москвѣ марксистскій журналъ «Правда». Его издавалъ В. А. Кожевниковъ, инженеръ, математикъ и фантасмагористъ. Этотъ скромный и своеобразный человѣкъ со странностями взялъ да и всадилъ чуть не всѣ свои средства въ изданіе, гдѣ сотрудники — Луначарскіе, Скворцовы, Базаровы ему же и доказывали, что онъ эксплуататоръ, буржуй, темная личность. Удивительно было его терпѣніе. Барство, должно быть, чрезмѣрное. Захотѣлъ самъ себя сожигать — и сожигалъ.

Однако, весной 1906 г. Валентинъ Алексѣевичъ, загадочно расширивъ свои глаза и поигравъ по обыкновенію ноздрями, объявилъ, что онъ еще новый журналъ хочетъ издавать, но маленькій, чисто литературный, вродѣ приложенія къ «Правдѣ» (эта «Правда» была необычайно-нелѣпаго вида: полъ аршина длины и узенькая, такъ что страница выходила чуть не газетнымъ столбцомъ). Новое дѣтище окрестили «Зори» и отдали молодежи.

Къ «Правдѣ» я имѣлъ нѣкоторое отношеніе. Первые номера мною корректировались. Я получалъ за это 50 руб. въ мѣсяцъ, пропускалъ много ошибокъ и напечаталъ тамъ два собственныхъ разсказа: «Мглу» и «Сонъ», а уже третій, «Тихія Зори», не прошелъ въ этомъ «магазинѣ», а попалъ, какъ и дальнѣйшее, въ петербургскій «Новый Путь».

Изъ корректоровъ тоже я былъ изгнанъ (вполнѣ справедливо). Но съ Валентиномъ Алексѣевичемъ сохранилъ добрыя отношенія и бывалъ въ его квартирѣ на Кудринской площади въ знаменитомъ домѣ Курносова, куда упирается Новинскій бульваръ, и откуда видна вся Москва. И вотъ въ эти «Зори» меня посадили ужъ въ редакцію.

Какъ все, что затѣвалъ Валентинъ Алексѣевичъ, наши «Зори» оказались мало златоносными: журнальчикъ, гдѣ золото пущено было на обложкѣ (и Москва на ней тоже изображена) расходился, кажется, въ 60 экземплярахъ. Существовалъ недолго — одну весну, — литературнаго вліянія не имѣлъ и теперь представляетъ величайшую рѣдкость. Но въ жизни молодой Москвы того времени извѣстную память оставилъ и не въ одной душѣ провелъ свой слѣдъ.

***

Весна, Москва! Не зря назвали мы журнальчикъ «Зори», и не зря Сергѣй Глаголь и К. К. Первухинъ пустили золото на обложку. Что-то

отъ свѣтлой зари, юношеское и чистое было въ этихъ «Зоряхъ», и навсегда онѣ для меня овѣяны свѣтомъ весны, тѣхъ особыхъ неповторимыхъ чувствъ... Насъ было нѣсколько молодыхъ литераторовъ, и два-три старшихъ, и чрезъ всѣхъ насъ прошелъ какой-то романтически-весенній токъ: «Зори» сдѣлались не только лишь журналомъ, но и умонастроеніемъ и какой-то душевной направленностью.

27 апрѣля. Открытіе первой въ Россіи Думы. Нашъ поэтъ Александръ Діесперовъ — студентъ въ очкахъ, живущій на 15 руб. въ мѣсяцъ, отшельникъ, страстный и патетическій книжникъ, — впослѣдствіи авторъ тома о Блаженномъ Іеронимѣ, — читаетъ свою лирическую передовую для «Зорь» объ эрѣ свободы, о вольномъ народѣ и о другомъ, начинающемся... Апрѣльское золото на его некрасивомъ, и умномъ, и восторженномъ лицѣ. Золото — во влажныхъ отъ волненія глазахъ, да и по насъ пробѣгаетъ содроганіе восторга. Вообще восторгъ — одна изъ важныхъ чертъ «зоризма». Мы такъ иногда называли свое настроеніе. Діесперовъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ Русь, апрѣль, колокола, березки, нѣкій градъ Китежъ, иногда приходилъ ко мнѣ, задыхаясь отъ волненія и слезъ. Онъ былъ мистикъ, но не декадентъ. Страстно поклонялся Бѣлому (временъ «Золота въ лазури»), Блоку «Прекрасной Дамы». Поэзію и святую бѣдность онъ избралъ себѣ для обрученія. Сколько его я помню, обликъ монаха въ немъ росъ, углублялся. Онъ совсѣмъ отдавалъ

уже свою жизнь другимъ, иногда съ нѣкоторою суровостью; но тогда, въ апрѣлѣ «Зорь», онъ болѣе всего остался въ моей памяти съ золотомъ слезъ восторга.

П. М. Ярцевъ, драматургъ и театральный критикъ*).

Еще нашъ зористъ былъ Владиміръ Высоцкій, — русскій полякъ съ миндалевидными индусскими глазами, изящный, томный и всегда влюбленный, бредившій Каспровичемъ, Словацкимъ («Ангелли» — его переводъ), переведшимъ всего Пшибышевскаго. Онъ воспламенялся, когда рѣчь касалась Польши или женщинъ. Вѣрный сопутчикъ по кабачкамъ, славный товарищъ въ жизни, звали мы его «Пшерва Тетмайеръ» или «Пшесмыцкій», а чаще: Пшесмыка. Въ этомъ словѣ казалось всегда мнѣ что-то ласково-нелѣпое, весьма шедшее къ человѣку богемы.

П. П. Муратова не было тою весной въ Москвѣ. Онъ писалъ намъ изъ Парижа, какъ изъ Петербурга прислалъ мнѣ А. Блокъ свое чудесное стихотвореніе, впервые у насъ въ «Зоряхъ» напечатанное (названія не помню; тамъ есть строчка: «твой узорный, твой цвѣтной рукавъ»). Андрей Бѣлый тоже былъ нашъ, но не такъ близко-лично, и на нашихъ собраніяхъ, у меня, или Ярцева, кончавшихся иногда на разсвѣтѣ, не участвовалъ. Но зористъ, и упорный, былъ то-

*) О немъ см. ниже.

гдашній ближайшій другъ его Эллисъ, — въ то время бодлеріанецъ и мистикъ, съ большой изступленностью. Онъ писалъ намъ мистическіе стихи, переводилъ Данте и всегда былъ готовъ къ крайностямъ. Однажды покойный Б. А. Койранскій оскорбительно пошутилъ надъ гипсовымъ Данте, стоявшимъ у Эллиса. Тотъ не стерпѣлъ и, схвативъ бюстъ (поруганный, по его мнѣнію), разбилъ его вдребезги. Эта мучительная и «летящая» душа прошла много испытаній, нынѣ, надо думать, нашла прочную успокоенность въ лонѣ католической церкви. (Эллисъ — ученый монахъ и переводчикъ русскихъ религіозныхъ писателей на нѣмецкій языкъ).

«Зорямъ» принадлежалъ также поэтъ Самуилъ Викторовичъ Киссинъ (Муни). Съ грустью вспоминаю его прекрасные глаза, черную еврейско-ассирійскую бороду, его всегдашнюю тоску и ненасыщенность, — съ грустью за недолгую жизнь, за горькій конецъ. (Онъ застрѣлился во время войны). И я зашелъ-бы слишкомъ далеко, если бы подробнѣй написалъ о двухъ мнѣ лично очень близкихъ зористахъ А. А. Койранскомъ и В. И. Стражевѣ. Кажется, мнѣ остается добавить, что лирико-мистическій «разсказъ» былъ у насъ представленъ П. Кожевниковымъ, Венеція — К. К. Первухинымъ, санскритъ и Индія — М. А. Эртелемъ, ученѣйшимъ филологомъ, Византія и Римъ — А. П. Воротниковымъ.

⁂

Кто мы такіе были: сотрудники, редакторы, издатели? Почему при марксистскомъ журналѣ для увеличенія его тиража печатался въ двухстахъ экземплярахъ тоненькій журнальчикъ мистико-романтическаго свойства? Почему мы всѣ собирались и *вслухъ* читали свои произведенія, а потомъ обсуждали, спорили, «выясняли отношенія», отвратительно сами корректировали и т. д. — для чего все это? Значитъ, такъ по русски полагается, чтобы выходило безтолково. Но намъ было весело и легко. Мы прожили отличную весну съ тѣмъ сознаніемъ дѣлаемаго дѣла, которое всегда есть у писателя, если даже разумомъ онъ понимаетъ, что, въ сущности, никому до его писанія дѣла нѣтъ. Какая была наша публика? На кого мы вліяли? Кому что-нибудь приносили? Женамъ, сестрамъ, разнымъ молодымъ людямъ и барышнямъ, для которыхъ я былъ Зайчикъ, а Муратовъ — Патя. Но мы такъ разохотились, что, проведя кто гдѣ лѣто 1906 года, осенью вновь соединились, и всю зиму собирались у меня на Спиридоновкѣ, гдѣ мы съ В. И. Стражевымъ вмѣстѣ сняли квартиру. Собирались для изданія новаго «органа», на этотъ разъ вполнѣ собственнаго: «Литературно-художественная недѣля». Это было продолженіемъ «Зорь», но болѣе боевого и задирчиваго типа. «Зори» никого не трогали. Въ «Литературно-художественной недѣлѣ» Б. Грифцовъ

ставилъ Блока выше Толстого, кажется, мы заодно разгромили и Рѣпина, а за нападки на Брюсова (вотъ отъ чего меньше всего отрекаюсь) вышла цѣлая исторія съ Андреемъ Бѣлымъ.

«Недѣля» наша тоже погибла, — и тоже отъ безденежья и «холодности» публики. Зористы же ходили ко мнѣ цѣлую зиму. Эти собесѣдованія были очень горячи, искренни и свѣтлы. Все таки у насъ было что то вродѣ братства, секты романтиковъ; внутренній голосъ насъ сводилъ; изъ душевной потребности родилось общеніе. Мы даже пытались опредѣлить «зорическое» міросозерцаніе. Конечно, мы все со всѣмъ «соединяли», «примиряли», разумѣется, не обходилось безъ Владиміра Соловьева. Въ то же время былъ у насъ и особенный «русскій» уклонъ и христіанскій. Съ христіанствомъ насъ сближалъ какъ бы *свѣтъ* нашихъ душевныхъ устремленій и ихъ музыка. Но мы были литературный кружокъ, а не религіозно-философскій.

***

Все это прошло; но хорошо, что было. Вспоминая Москву, всегда вспоминаешь свѣтлую горячку «Зорь». Молодость, братская дружба, энтузіазмъ, — не такъ это уже мало. И если для литературы — песчинка скромная «Зори», то для живыхъ людей, вотъ для нашихъ душъ, это время есть нѣчто.

Годы насъ разбросали — и міровыя потрясенія. Много лѣтъ ничего я не слышу о В. Высоц-

комъ, Пшесмыкѣ «Зорь». Горькое чувство мнѣ говоритъ, что всего вѣрнѣе сложилъ онъ, бѣлый офицеръ, свою головушку гдѣ-нибудь подъ Ростовомъ. Діесперовъ, если живъ, трудится въ глубинѣ Россіи. Остальные мы разбросаны по всему свѣту. Москва, Россія, Франція, Германія, Чехословакія, Америка... Міръ такъ просторенъ.

Молодость—Иванъ Бунинъ

Можно ошибиться въ годѣ, когда встрѣтились. Но не ошибешься въ томъ, что была зима, Неопалимовскій переулокъ, звѣзды на ночномъ небѣ, огненно-сухая, снѣжная пыль изъ подъ копытъ «рѣзваго». Яркій свѣтъ, тепло, запахъ шубъ въ передней профессора Р. Хозяинъ, нестарый еще психіатръ съ волнистыми волосами, въ бѣломъ галстукѣ (при пиджакѣ), пѣлъ въ гостиной у рояля, громко и смѣло:

«Цѣловался крѣпко... да-а... съ твоей же-е-ной!» (Схватывая себя при этомъ за кокъ на лбу).

Въ столовой молодежь — не то художники, не то студенты, не то поэты, не весьма основательныя дамы, и съ черными кудерьками, карими чудесными глазами сама хозяйка, Любочка Р. Всѣ эти Зиночки, Лены, Васеньки — ея пріятели. У Любы тяготѣніе къ модерну. У нея встрѣтишь и Бальмонта, и Балтрушайтиса. Она читаетъ «Симфоніи» Андрея Бѣлаго. И ея братъ, Георгій, только что вернувшійся изъ Сибири, вскорѣ разовьетъ свой «мистическій анархизмъ».

Психіатръ занимался циркулярнымъ психозомъ, ѣздилъ въ клиники на Дѣвичье Поле, на дому лѣчилъ гипнозомъ (больше пьяницъ). Принималъ у себя молодежь. Относился къ читателямъ «Симфоній» съ благодушной снисходительностью, частью какъ къ паціентамъ. Но задавала тонъ Люба — ласковостью, весельемъ, оживленіемъ. Весь этотъ кругъ литературно-артистическій носилъ оттѣнокъ легкой беззаботной художнической богемы.

Такъ же шумѣли, хохотали и танцовали въ промежуткахъ между пѣніемъ и въ тотъ вечеръ, когда въ столовой, подъ рулады баритона изъ гостиной, впервые увидалъ я Бунина. Онъ сидѣлъ за стаканомъ чая, подъ яркимъ свѣтомъ, въ сюртукѣ, трехугольныхъ воротничкахъ, съ бородкой, боковымъ проборомъ всѣмъ теперь извѣстной остроугольной головы — тогда русокаштановой — изящный, суховатый, худощавый. Ласково блестя на него глазами, встряхивая черными завитками волосъ, улыбалась изъ-за самовара Любочка.

Пѣніе оборвалось, раздались аплодисменты. Психіатръ быстро вошелъ въ столовую, оглядѣлъ всѣхъ побѣдоносно. Налилъ стаканъ воды изъ стекляннаго кувшина, залпомъ выпилъ, надышавъ туда. Поправилъ шевелюру и, сверкнувъ мужицкими своими глазками, весело спросилъ:

— Ну, какъ?

Это относилось къ пѣнію. Всѣ зааплодировали, онъ тронулъ бѣлый безсмысленный галстукъ и на лакированныхъ ботинкахъ прослѣдовалъ въ

кабинетъ, гдѣ какой нибудь Васенька выяснялъ отношенія съ какой нибудь Зиночкой.

Этотъ свѣтъ и тепло квартиры, бѣлизна скатерти, любины кудряшки, молодое оживленіе вокругъ, остроугольный, элегантный Бунинъ — такъ и смѣшались въ памяти съ морозной ночью и звѣздами надъ Москвой — въ ощущеніи остро-поэтическомъ.

***

Встрѣтились мы будто бы случайно. Но принадлежа къ одному кругу, занимаясь однимъ дѣломъ, не могли и далѣе не встрѣчаться. Видѣлись у Леонида Андреева, Телешова, Сергѣя Глаголя. А тамъ Литературный кружокъ, ресторанъ «Прага»...

Пестрой и шумной, легкой и радостной кажется теперь жизнь тогдашней Москвы. Можетъ быть, просто молодость? Необычайное по силѣ чувство жизни?

Но — и само время: какое привольное, сколь подходящее для артистическаго! Какой интересъ къ литературѣ! Сколько молодыхъ дарованій... Сколько споровъ, волненій, чтеній, удачъ и неудачъ, изящныхъ женскихъ лицъ, зимнихъ санокъ, блеска ресторановъ, позднихъ возвращеній...

Иванъ Алексѣевичъ жилъ тогда по гостиницамъ: въ номерахъ «Столица» на Арбатѣ (рядомъ съ «Прагой»), позже въ «Лоскутной» и «Большомъ Московскомъ».

Осѣдлости не любилъ Бунинъ, — нынче здѣсь, завтра ужъ въ Петербургѣ, а то въ Крыму — или, вдругъ, взяли да и уѣхали они съ Найденовымъ на Рождество въ Ниццу — тогда визъ не требовалось!

Живя въ Москвѣ, бывалъ и у насъ, по разнымъ Остоженкамъ, Спиридоновкамъ, Богословскимъ и Благовѣщенскимъ. Подъ знакомъ поэзіи и литературы входилъ въ мою жизнь: съ этой стороны и остался въ памяти. Всегда въ немъ было обаяніе художника — не могло это не дѣйствовать. Онъ былъ старше, опытнѣе и сильнѣе. Я нѣсколько его боялся, и по самолюбію юношескому ревниво себя оберегалъ. Мы говорили очень много — о стихахъ, литературѣ, модернизмѣ. Много спорили — съ упорствомъ и горячностью, каждый отстаивая свое — въ глубинѣ же, подспудно, любили почти одно и то же. Но онъ уже сложился, я лишь слагался.

На «Средахъ» слушали чужія вещи и свои читали. Леонида Андреева, милаго Сергѣя Глаголя я не стѣснялся.

Но вотъ Бунинъ именно меня «стѣснялъ». И тогда уже была въ немъ строгость и зоркость художника, острое чувство слова, острая ненависть къ излишеству. А время, обстановка, какъ разъ подталкивали писателя начинающаго «запускать въ небеса ананасомъ» (Бѣлый). Но когда Бунинъ слушалъ, иногда фразы застревали въ горлѣ.

Разъ, выѣхавъ вечеромъ изъ Москвы въ Петербургъ — Иванъ Алексѣевичъ, я, и жена моя,

занимались мы въ вагонѣ, часовъ въ десять вечера, чтеніемъ вслухъ: онъ читалъ стихи, я разсказъ (везъ его въ «Шиповникъ»). Именно тамъ, съ глазу на глазъ, въ купэ второго класса Николаевской дороги, при смутномъ свѣтѣ свѣчи, сильно мигавшей, неповторимомъ запахѣ русскаго вагона, неповторимо-плавномъ ходѣ поѣзда Имперіи и ощущалъ я давленіе въ горлѣ — на сомнительныхъ словесныхъ виражахъ. Поѣздъ неукоснительно-покойно шелъ зимними нашими полями. Тепло струилось по коридору, занавѣска на фонарикѣ покачивалась — полные своихъ плановъ, стремленій и чувствъ мы летѣли къ туманному Петрограду.

⁂

«Почему вы грустны? Почему сегодня такой молчаливый?» спрашивалъ меня иногда на «Средахъ» Бунинъ.

Въ молодости грусть, и замкнутость — не проявленіе ли силъ еще бродящихъ, неувѣренныхъ? Робости, гордости?

Во всякомъ случаѣ, простыя слова старшаго, взглядъ сочувственный, — какъ то оживляли. И хотя отвѣчалъ я не весьма складно и продолжалъ молчать, все же это облегчало, и вотъ *запомнилось*. Значитъ, было на пользу.

Въ одинъ апрѣльскій вечеръ «Середа» собралась у Сергѣя Глаголя въ Хамовникахъ.

Кто тогда читалъ, я не помню. Но въ этой самой квартирѣ, гдѣ изъ окна видна была калан-

ча, а въ комнатахъ — смѣсь акушерства съ литературой и этюдами Левитана, и подарилъ мнѣ въ тотъ вечеръ Иванъ Алексѣевичъ только что вышедшую книгу: «Пѣснь о Гайаватѣ», въ своемъ переводѣ.

Мы всегда ужинали послѣ чтенія, засиживались поздно. Извозчики громыхали, развозя по Москвѣ полусонной — кого въ Лоскутную, кого на Чистые пруды. А кто и пѣшкомъ брелъ. Я именно такъ и мѣрилъ пространство къ Молчановкѣ, тамъ въ домѣ Сусоколова, въ деревянномъ особнякѣ снималъ антресольную комнату за пятнадцать рублей — съ лежанкою, тополемъ за окномъ, выходившимъ на переулокъ Годеинскій, гдѣ за угломъ, на Арбатѣ, и жилъ Бунинъ въ «Столицѣ». Отсюда ходилъ я въ Спасо-Песковскій къ будущей своей женѣ, сюда, по скрипучей лѣсенкѣ, забѣгала и она.

Теплое было утро, влажное, тихое... — съ каплями росы, благоухающими почками тополевыми. Можетъ быть, слегка даже дождикъ накрапывалъ? Шелъ третій часъ, четвертый. Помню, сидѣлъ у окна раскрытаго, и читалъ эту «Гайавату», и мечталъ о чемъ то, восхищенный, взволнованный. И совсѣмъ стало свѣтло... — а еще что?

И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Только и всего. Поэзія была. И что то отъ нея произрастало въ сердцѣ.

⁂

Въ домѣ Армянскихъ, кораблемъ воздымавшимся на углу Спиридоновки и Гранатнаго, позже мы жили. Надъ переулкомъ свѣшивались вѣтви чудесныхъ тополей и липъ особняка Леонтьева. Недалеко отъ насъ домъ Рябушинскаго, съ собраніемъ иконъ. Недалеко и церковь Вознесенія, гдѣ Пушкинъ вѣнчался — бѣлая, огромно-плавная, съ куполомъ-небосводомъ*).

Въ домѣ Армянскихъ много у насъ уже бывало народу, во главѣ съ тою же Любочкой Р., и профессоръ заглядывалъ, и Бальмонтъ, Сологубъ, Городецкій, Чулковъ, Андрей Бѣлый... — и всѣ Зиночки, Васеньки, Машеньки прежнихъ временъ. И Муратовъ, и Стражевъ, Койранскій, Высоцкій — сверстники и сотоварищи писанья. Иногда спалъ на турецкомъ диванѣ З. И. Гржебинъ, «Шиповникъ», мой первый издатель, пріѣзжавшій изъ Петербурга. Какъ «не-аріецъ» не имѣлъ въ Москвѣ права жительства — останавливался у насъ.

И, конечно, бывалъ здѣсь Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Духъ былъ богемскій и безтолковый. Путано, шумно, нехозяйственно — но весело. И весьма молодо. Въ сущности, то же, что и у Любочки Р., только безъ пѣнія и циркулярнаго психоза. И съ преобладаніемъ литературы, еще

*) Нынѣ разрушена.

большимъ на ней удареніемъ. Очень много читали здѣсь вслухъ — и я самъ, и другіе. И Бѣлый, и Бунинъ. Старше насъ, но отчасти межъ Зиночекъ, Любочекъ, Діесперовыхъ и Грифцовыхъ молодѣя, читалъ Бунинъ стихи... Вновь насъ обольщалъ. «Острый Сиріусъ блисталъ», олень мчался средь чащу зимнюю, въ лунную ночь волки брели по снѣгамъ къ гумну. Или:

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычу жду. Скудна,
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я смѣло въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна.

Силы жизни, жажды жизни много въ немъ было въ тѣ годы.

На одномъ сборищѣ такомъ встрѣтилъ онъ у насъ тихую барышню съ леонардовскими глазами, изъ старинной дворянской семьи... Вѣра Николаевна Муромцева жила у родителей въ Скатертномъ, училась на курсахъ, вела жизнь степенную и просвѣщенную. Съ женой моей была въ давнишнихъ добрыхъ отношеніяхъ.

Тотъ вечеръ закончился частью въ Литературномъ Кружкѣ, частью въ Большомъ Московскомъ — очень поздно, и врядъ ли могъ кто либо тогда подумать, что недалеко время, когда обратится Вѣра Николаевна Муромцева въ Вѣру Николаевну Бунину.

Но это именно и случилось. И весной слѣдующаго года уѣхали они въ дальнее путешествіе.

⁂

Помню чтеніе «Астмы» въ домѣ Муромцевыхъ, въ комнатѣ Бунина съ гильзами, табакомъ — комнатѣ какъ бы помѣщичьяго дома (только ружей на стѣнѣ не хватало, да лягавой собаки). «Деревню» читалъ авторъ нѣсколько вечеровъ, въ столовой, подъ висячей лампой, тоже по-деревенски. Слушали: братъ Юлій, Телешовъ, покойный Грузинскій, да мы съ женой. Это было уже другое — новая полоса въ писаніи его, да и въ жизни иное пришло. Онъ крѣпъ, росъ, временно отходилъ отъ лиризма болѣе молодыхъ лѣтъ. Черезъ два-три года выбрали его въ Академію, по разряду изящной словесности, и мы бурно отпраздновали это событіе въ московской «Прагѣ». Нѣсколько позже — 25-лѣтній его юбилей, тоже очень торжественно, на всю Москву, чуть не цѣлую недѣлю. Это значитъ, уже «маститый», академикъ...

Жизни же наши шли, какъ кому полагалось. Вмѣстѣ приближались мы къ рубежу, въ грохотѣ и огнѣ котораго погибло все прежнее — кромѣ таинственныхъ слѣдовъ въ памяти и душѣ. Къ нимъ и обращаешься теперь, какъ бы изъ другого міра...

Юлій Бунинъ

Москва богата улицами, переулками. Ихъ имена порой причудливы. «Середа» примѣнила этотъ словарь къ шуточнымъ кличкамъ своихъ сочленовъ. Телешовъ назывался «Уголъ Денежнаго и Большой Лѣнивки», Сергѣй Глаголь (за краснорѣчіе) — «Бреховъ переулокъ», Гольцевъ — «Бабій городокъ», Андреевъ — «Ново-Проектированный». У Ивана Бунина прозвища не было, но его брата Юлія съ отдаленныхъ временъ окрестили «Старо-Газетнымъ» переулкомъ.

Юлій Алексѣевичъ никогда въ Газетномъ не жилъ и въ газетахъ не писалъ. Онъ былъ редакторомъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія» изъ Староконюшеннаго переулка. Знающіе говорили, что это лучшій педагогическій журналъ. Мы, несвѣдующіе, могли только утверждать, что журналъ помѣщается по лѣвой сторонѣ Староконюшеннаго, во флигелѣ особняка Михайлова. Юлій Алексѣевичъ всегда сидитъ въ своей квартиркѣ-редакціи — на стѣнѣ Св. Цецилія — читаетъ рукописи, пьетъ чай и куритъ. Изъ окна видна зелень Михайловскаго сада, въ комнат-

кахъ очень чисто, тихо, если зайти часовъ въ двѣнадцать, то весьма вѣроятно, что тамъ и Иванъ Бунинъ, и что они собираются въ «Прагу» завтракать.

Юлій Алексѣевичъ невысокъ, плотенъ, съ бородкой клинушкомъ, небольшими умными глазами, крупной нижней губой, когда читаетъ, надѣваетъ очки, ходитъ довольно мелкимъ шагомъ, слегка выбрасывая ноги въ стороны. Руки всегда за спиной. Говоритъ баскомъ, основательно, точно продалбливаетъ что-то, смѣется очень весело и простодушно. Въ молодости былъ народовольцемъ, служилъ статистикомъ, а потомъ располнѣлъ и предсталъ законченнымъ обликомъ русскаго либерала.

— Юля, — кричала ему въ Литературномъ Кружкѣ веселая молодая дама. — Я васъ знаю, вы изъ либерализма красную фуфайку носите!

Юлій Алексѣевичъ подхохатывалъ своимъ скрипучимъ баскомъ и увѣрялъ, что это «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Былъ онъ, разумѣется, позитивистомъ и въ науку «вѣрилъ». Жилъ спокойной и культурной жизнью, съ очень общественнымъ оттѣнкомъ: состоялъ членомъ безчисленныхъ обществъ, комиссій и правленій, засѣдалъ, «заслушивалъ», докладывалъ, выступалъ на съѣздахъ, и т. п. Но пошлостей на юбилеяхъ не говорилъ. Нѣжно любилъ брата Ивана — нѣкогда былъ его учителемъ и наставникомъ, и теперь жили они хоть отдѣльно, но видались постоянно, вмѣстѣ ѣздили въ Кружокъ, на Середу, въ «Прагу». На

Середѣ Юлій Алексѣевичъ былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ и любимыхъ сочленовъ, хотя и не обладалъ громкимъ именемъ. Его спокойный и благородный, джентльмэнскій тонъ цѣнили всѣ. Что-то основательное, добротное, какъ хорошая матерія въ дорогомъ костюмѣ, было въ немъ, и съ этимъ нельзя было не считаться. Когда Середа выступала какъ нибудь общественно, Юлій Алексѣевичъ всегда стоялъ во главѣ.

Онъ не сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и это странно, ибо именно «Юлій», какъ мы его дружески называли, являлъ собой типъ «Русскихъ Вѣдомостей», онъ потому и назывался «Старо-Газетнымъ», что носилъ въ себѣ воздухъ, дыханіе нѣкоего міра. «Юлій» былъ мѣра, образецъ и традиція. Въ сущности, по немъ одному, по его рѣчи, сужденіямъ, засѣданіямъ, заграничнымъ поѣздкамъ, можно было почувствовать всю ту жизнь, все то время.

***

Узнавъ объ объявленіи войны, онъ впалъ въ тяжелое уныніе.

— Мы погибли, — сказалъ въ іюлѣ 1914 года брату Ивану.

Дальнѣйшему, видимо, уже не удивлялся. По странному упорству не захотѣлъ ѣхать съ братомъ на югъ въ 1918 году и остался въ Москвѣ — наблюдать гибель міра, къ которому принадлежалъ, и подъ который самъ закладывалъ нѣкогда динамитный патронъ.

Нельзя было во времена моей молодости представить себѣ дня, когда не вышли бы «Русскія Вѣдомости». Трудно себѣ вообразить и то, чтобы Юлій Алексѣевичъ не засѣдалъ во флигелькѣ Михайловскаго дома надъ корректурами «Вѣстника Воспитанія». И однако, все это случилось. Люди съ красными флагами выгнали людей въ красныхъ фуфайкахъ. «Исторія» предстала въ нѣкій часъ просто и грозно, опрокидывая и давя «джентльмэнскій» укладъ, тонкой пленкой висѣвшій надъ хаосомъ.

Надвигались страшныя зимы 19-20 годовъ. Тутъ не до Середы, не до литературы. Только бы не погибнуть! Середа къ этому времени понесла уже большой уронъ: умеръ Леонидъ Андреевъ, умеръ и Сергѣй Глаголь, и Тимковскій. Иванъ Бунинъ уѣхалъ на югъ. Я въ Москву лишь наѣзжалъ, изъ деревни. Юлія Алексѣевича встрѣчалъ, но не часто. Ни «Русскихъ Вѣдомостей», ни «Вѣстника Воспитанія» уже не существовало. «Юлій» былъ грустенъ, недомогалъ. Пальто его совсѣмъ обтрепалось, шапочка также. Изъ Михайловскаго флигелька его выжили. Что сдѣлали со Св. Цециліей? Вѣроятно, сожгли въ печуркѣ (но она вѣдь, и есть Дѣва-Мученица). Какъ и всѣ, жилъ онъ впроголодь.

Въ 1920 году, когда я перебрался вновь въ Москву, здоровье Юлія Алексѣевича было ужъ совсѣмъ неважно. Нуженъ былъ медицинскій уходъ, лѣченіе, правильное питаніе... — въ тогдашней-то голодной Москвѣ!

Послѣ долгихъ хожденій, обиванья пороговъ его устроили въ сравнительно приличный домъ отдыха для писателей и ученыхъ въ Неопалимовскомъ. Тамъ можно было жить не болѣе, кажется, шести недѣль. (Мѣсто, гдѣ написана извѣстная и, въ своемъ родѣ замѣчательная, «Переписка изъ двухъ угловъ» Вяч. Иванова и Гершензона — тоже памятка русскихъ бѣдствій). Раза два ему срокъ продлили, но потомъ пришлось уступить мѣсто слѣдующему, перебраться въ какой-то пріютъ для стариковъ въ Хамовникахъ.

Я былъ у него тамъ въ теплый іюньскій день. «Юлій» сидѣлъ въ комнатѣ грязноватаго особняка, набивалъ папиросы. На желѣзныхъ кроватяхъ съ тоненькими тюфячками валялось нѣсколько богодѣленскихъ персонажей. Мы вышли въ садъ. Прошлись по очень заросшимъ аллеямъ, помню, зашли въ какую то буйную, глухую траву у забора, сидѣли на скамеечкѣ и на пенькѣ. «Юлій» былъ очень тихъ и грустенъ.

— Нѣтъ, — сказалъ на мои слова о братѣ, — мнѣ Ивана ужъ не увидѣть.

Этотъ свѣтлый московскій день, съ запущеннымъ барскимъ садомъ, нѣжными облаками, съ густотой, влагой зелени, съ полуживымъ Юліемъ Алексѣевичемъ, остался однимъ изъ самыхъ горестныхъ воспоминаній того времени.

Черезъ нѣсколько дней «Юлій» обѣдалъ у меня въ Кривоарбатскомъ. Обѣдалъ! Въ комнатѣ, гдѣ жена стряпала и стирала, гдѣ я работалъ, а

дочь училась, онъ съѣлъ тарелку супа и, правда, кусочекъ мяса.

— Какъ у васъ хорошо! — все говорилъ онъ. — Какъ вкусно, какая комната!

Больше живымъ я его уже не видалъ.

***

Въ іюлѣ представитель нашего Союза добился отъ власти, чтобы Юлія Алексѣевича помѣстили въ лѣчебницу. Назначили больницу «имени Сѣмашко» — «лучшее, что мы можемъ предложить». Когда племянникъ привезъ Юлія Алексѣевича въ это «лучшее», то врачъ задумчиво сказалъ ему: — Да, что касается медицинскаго ухода, у насъ вполнѣ хорошо... но знаете... кормить то больныхъ нечѣмъ.

Юлій Алексѣевичъ, впрочемъ, не затруднилъ собою, своей жизнью и питаніемъ хозяевъ этого заведенія: онъ просто умеръ, на другой же день по пріѣздѣ.

Мы хоронили его въ Донскомъ монастырѣ, далеко за Москва-рѣкой, тоже въ сіяющій, горячій день, среди зелени и цвѣтовъ. Старые друзья, остатки Середы, всѣ явились поклониться сотоварищу, въ горькій часъ Россіи уходившему. Онъ лежалъ въ гробу маленькій, бритый, такой худенькій, такъ непохожій на того «Юлія», который когда то скрипучимъ баскомъ говорилъ на банкетахъ рѣчи, представлялъ собой «русскую прогрессивную общественность», редактировалъ сборникъ Середы, или забравшись съ

ногами на кресло, подперевъ обѣими руками голову, такъ что все туловище наваливалось на столъ, читалъ и правилъ въ Староконюшенномъ статьи для «Вѣстника Воспитанія».

II.

"Дѣло богемы"

«Утромъ нѣжность, сверхземное успокоеніе Ассизи открылись и глазамъ моимъ. Теперь, съ высоты того же балкона я увидѣлъ то, что такъ таинственно молчало вчера. Я увидѣлъ дѣятеля этого молчанія, это была воздушная бездна въ блѣдныхъ, перламутрово-сиреневыхъ тонахъ. Священная долина Умбріи! Тонкій туманъ стелется въ ней по утрамъ, заволакивая скромныя селенья: тѣ какъ бы евангельскія Беттоны и Беваньи, близъ которыхъ проповѣдывалъ Святой Бѣднякъ».

Вотъ настроеніе счастливаго паломничества, которое совершали мы, въ простенькихъ условіяхъ, но съ большимъ одушевленіемъ, осенью 1910 г. Молодость, беззаботность, склонность къ восторженности. Венеція, Римини, Ассизи...

На возвратномъ пути остановились во Флоренціи. Прелестенъ былъ, какъ всегда, городъ. Полны, изящны дни.

«И тихо жизни быстротечной
«Надъ нами пролетала тѣнь.

Въ одинъ изъ этихъ дней подали мнѣ телеграмму изъ Москвы.

— «Vieni subito difendere Vittorio».

Поэтъ В. С., очень близкій мнѣ тогда человѣкъ, находился въ это время въ Пизѣ. Какъ могъ я его защищать? И отъ кого? Почему надо было немедленно возвращаться въ Москву?

Вечеромъ на площади Виктора Эммануила, въ кафэ, гдѣ прислуживали официанты въ красныхъ фракахъ, я прочелъ, что Бурцевъ раскрылъ въ литературной богемѣ Москвы грандіозную провокацію: ея душой была Ольга Путята. Она оговорила Бурцеву своего гражданскаго мужа, небезызвѣстнаго московскаго литератора С. — онъ, яко-бы, соучаствовалъ въ ея дѣлахъ. Вотъ почему надо возвращаться. «Рѣчь» перепечатала это изъ «Русскихъ Вѣдомостей». «Русскія Вѣдомости» считались въ Москвѣ верхомъ солидности. Если *тамъ* появилось, значитъ, правда. Какъ защищать? Чѣмъ опровергнуть утвержденіе: «онъ тоже зналъ, и помогалъ, и пользовался отъ меня деньгами?»

Если въ Москвѣ *повѣрятъ*, человѣкъ убитъ. Всѣ отвернутся отъ него. Ни одна его строчка не появится въ печати. Никто не подастъ ему руки.

Кончилось наше мирное путешествіе. Началась «жизнь». Надо было въ нее возвращаться.

**
*

Литературная молодежь того времени связь съ революціей имѣла. Революція считалась носительницей свободы противъ произвола. Революція заступалась за низшихъ. Въ революціи, наконецъ, было извѣстное воодушевленіе. Императорскій же режимъ медленно, но безостановочно разлагался. Молодежи естественно хотѣлось новаго, свѣжаго и патетическаго.

Патетизмъ-то оказался жалкимъ, «новые» люди убогими, но подъ тогдашнюю линію все это сходило. Извѣстный гипнозъ былъ. Почему нибудь вѣдь давали мы свои квартиры подъ «явки»? Таинственныя личности съ «паролями», «литературой», иногда шрифтами и обоймами появлялись-же въ четвертомъ этажѣ дома на углу Арбата? Шумѣли, спорили, раздавали приказанія, оставляли въ комнатахъ поразительный безпорядокъ, и были за рѣдкими исключеніями удивительно непріятные люди, говорившіе на жалкомъ жаргонѣ («массовка», «столовка», «отзовизмъ» и т. д.), — безпредѣльно самоувѣренные, но не показавшіе еще когтей во всю. Въ то время, по молодости лѣтъ, я иногда удивлялся, какъ это насъ не арестуютъ: идешь по Арбату, и видишь «типа» въ синей рубашкѣ подъ жилетъ, въ широкополой бандитской шляпѣ — онъ поворачиваетъ въ переулокъ... и я встрѣчаю его у себя на квартирѣ. Но вѣдь слѣпому-же ясно, что эти подозрительныя, и такъ рѣзко выдѣляющіяся фигуры не зря явля-

ются. Почему-же имъ позволяютъ собираться такъ открыто? Позже все разъяснилось.

Наша личная связь съ революціей была поверхностна. Нѣкоторые-же изъ друзей моихъ вклинились въ нее крѣпче — по сердечнымъ дѣламъ. Тутъ то и появляется Путята.

Наше съ нею знакомство восходитъ къ 1904 г. Она сблизилась тогда съ моимъ пріятелемъ В. В., переводчикомъ Пшибышевскаго, Тетмайера и другихъ. Они поселились вмѣстѣ, въ изящной и пріятной квартиркѣ, на Долгоруковской — Ольга Федоровна всегда заводила уютъ, сама была элегантная и миловидная маленькая женщина. Происхожденіемъ изъ западнаго края, полу-полька, хорошо «стелилась подъ стопы паньски», хорошо одѣвалась, была привѣтлива и образована. Тоненькая фигурка съ красивыми карими глазами. В., ея друга, мы называли Пшесмыцкимъ, или просто «Пшесмыкой» — Пшесмыка былъ музыкантъ, тонкая и даровитая натура, его миндалевидные глаза и нѣсколько индусскій обликъ несли въ себѣ извѣстную пряность: нѣчто среднее между «индусскимъ гостемъ» изъ оперы и московскимъ Пшибышевскимъ. Разумѣется, онъ много пилъ. Но много и работалъ. Ольга Федоровна отлично имъ владѣла, и они жили, несмотря на его богемскую непутевость, довольно ладно.

Но времена измѣнились. О. Ф. «разлюбила» Пшесмыку и сошлась съ нашимъ общимъ другомъ В. С. Ихъ жизнь, однако, хуже сложилась.

С. не былъ такъ мягокъ и удобенъ для управленія. Самолюбивый и съ характеромъ, очень умный, по образованію филологъ, бросившій учительство для литературы, онъ попалъ въ самую горячку начала вѣка. Вокругъ дѣлались быстрыя и шумныя литературныя карьеры. Ему выбиться не удавалось. Изъ скромнаго учительскаго быта онъ попалъ въ кипѣніе богемы, въ новую жизнь съ Литературнымъ Кружкомъ, собраніями, лекціями, пестротой и сутолкою ресторановъ, въ кругъ изящныхъ женщинъ, легкихъ романовъ, въ ту нарядную пѣну, которой тогда было такъ много. Для Путяты онъ оставилъ семью, дѣтей. Но и съ ней жизнь его оказалась тяжелой. Ссоры, ревность, съ ея стороны — даже попытки самоубійства.

Еще зимою 1910 г. по Москвѣ пошли слухи о «подозрительности» Путяты. Помню вечеръ, когда мнѣ и женѣ сообщили, что Путята считается предательницей. Помню ощущеніе оцѣпенѣнья... Ольга Федоровна, которая у насъ-же устраивала явки, у которой мы иногда ночевали, которая при насъ переправляла кого-то заграницу (и сходило удачно!), наконецъ, съ кѣмъ жена моя на ты... Правда, она всегда была лживой, могла и ластиться, и хорькомъ куснуть (вообще походила на коварнаго звѣрька польской закваски) — все-же предательство?

— Кто и чѣмъ можетъ это доказать?

Доказательствъ прямыхъ не было. Но изъ партіи ее уже, кажется, удалили. Не то, что «разоблачена», а «подозрительна».

— Да, рѣшили мы: но, можетъ быть, просто слухи? Сплетни? Какъ-же такъ вдругъ Ольга Федоровна провокаторъ? Мало-ли что болтаютъ. Такія вещи надо доказывать.

В. С. также — и съ негодованіемъ — обвиненіе отвергъ.

Положеніе осталось неяснымъ. Время шло, улики не являлись. Но Путята худѣла, мрачнѣла, замыкалась въ себѣ. Личныя ихъ отношенія становились все хуже.

Однажды весною С., засидѣвшись у меня вечеромъ, сказалъ:

— Проводи меня до дому. Мнѣ что-то очень грустно. Оля все грозится покончить съ собою и отомстить мнѣ такъ, что и въ голову не придетъ.

Его жизнь въ это время тоже приняла нѣсколько болѣзненный оттѣнокъ. Онъ много игралъ въ карты. Много волновался изъ-за литературныхъ неудачъ. Имѣла она основаніе и ревновать его.

Лѣтомъ, въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ ней, на случайныя деньги (онъ игралъ на бѣгахъ, скачкахъ), С. уѣхалъ въ Италію, съ нашей легкой руки входившей въ моду. Путята — въ Парижъ. Тамъ и созналась Бурцеву, что уже нѣсколько лѣтъ служитъ въ охранѣ и... — вспомнила угрозу! — что и С. знаетъ объ этомъ, помогаетъ и пользуется ея деньгами. Бурцевъ все это сообщилъ печати.

*
* *

Мы мгновенно собрались изъ Флоренціи. Въ Москвѣ картина оказалась тяжкой. Да, такъ и вышло, какъ мы предполагали: кромѣ ближайшихъ друзей всѣ отвернулись отъ С. Раньше я не видалъ, чтобы нравственное страданіе такъ искажало физически. С. сталъ какой-то иной, измѣнился цвѣтъ лица его, звукъ голоса, выраженіе глазъ. Всегда-то худой, теперь онъ обратился въ трость. На тоненькой шеѣ нѣсколько набокъ, сидѣла голова съ сѣрыми, на выкатѣ, замученными глазами. Онъ сразу прекратилъ всѣ уроки, всѣ литературныя дѣла и всѣ знакомства.

Предстояла борьба. Пятеро его друзей подписалось подъ вызовомъ «Русскимъ Вѣдомостямъ». Вызовъ появился въ «Русскомъ Словѣ». Мы въ страстной формѣ удостовѣряли лживость обвиненія и свидѣтельствовали о порядочности С.*). Онъ-же потребовалъ третейскаго суда.

Если бы газета не пошла на судъ, оставалась только дуэль. Косвенно это дано было понять — «Русскія Вѣдомости» на третейскій судъ пошли.

*
* *

Вспоминая ту зиму, ничего не помню въ ней кромѣ этого «дѣла богемы». Оно стало кров-

---

*) Среди подписавшихъ — П. П. Муратовъ и тотъ самый В. В., отъ котораго Путята ушла къ С.!

нымъ моимъ дѣломъ. *Моего* друга безчестили. *Моя* квартира оказалась «свѣтлымъ пятномъ для охраннаго отдѣленія» (на этихъ то «явкахъ» и выслѣживали кого надо. Вотъ почему насъ и не арестовывали!). Вся наша литературная группа прямо или косвенно задѣта. Если С. могъ *знать* о ремеслѣ своей жены и продолжать съ ней жизнь, то каковъ онъ, какова среда, каковы мы всѣ...

Въ обществѣ приходилось сражаться постоянно.

— Позвольте, — говорили намъ, — Путята служитъ въ охранѣ, получаетъ жалованье, мужъ втеченіе двухъ лѣтъ ничего не замѣчаетъ? Ну, это сказки! А откуда-же у нея деньги, онъ не соображалъ?

Надо сказать, что жила Путята довольно таинственно. Считаясь членомъ партіи, куда-то иногда отлучалась «по партійнымъ» дѣламъ, ночевала дома не всегда, вела «конспиративныя» знакомства, и т. д. Услѣдить за ней было-бы нелегко. Деньги ей будто-бы присылали родные. Она хорошо одѣвалась, и при врожденной лживости отлично обманывала не только С., но и нашихъ, болѣе искушенныхъ дамъ насчетъ цѣны своихъ туалетовъ («по случаю», «на распродажѣ», и т. д.). Да и получала она немного. Какъ скупо платятъ за предательство! Сперва 35 руб. въ мѣсяцъ, а потомъ, ужъ на четвертый годъ — 100. «Серебреники» немногимъ превышали Іудины.

Все это такъ. Но посторонніе не знали семейной жизни С., не знали, что именно весной ихъ отношенія вполнѣ разладились, не знали о ея истерической ревности и истерически-выросшей ненависти къ нему. Не знали и о прямой угрозѣ.

Начался судъ. Онъ былъ поставленъ серьезно. Предсѣдатель — Филатовъ, глава адвокатскаго сословія въ Москвѣ. Стороны — профессора, писатели, извѣстные юристы (Н. В. Давыдовъ). Засѣданія происходили на квартирѣ Филатова, въ обстановкѣ почти Окружного Суда. Разбиралось все по существу. Допросили море свидѣтелей. Запрашивали Бурцева и Бѣлоруссова (парижскаго корреспондента). Путята не пожелала ни подтвердить, ни опровергнуть своего показанія.

Засѣданія шли въ нервномъ, остромъ стилѣ. «Русскія Вѣдомости» взяли тонъ прокурора, стараясь топить С. Онъ яростно защищался и переходилъ постоянно въ нападеніе. Мы показывали тоже въ страстномъ тонѣ, всѣ приблизительно одно: С. честный человѣкъ, мы знаемъ его жизнь день за днемъ, провокаторша мстила изъ ревности, оговоръ голословенъ, и т. д. Позиція С. была такая: газета нарушила литературную этику, возводя вздорныя обвиненія. Она должна за это отвѣтить.

Съ обѣихъ сторонъ ставка была немалая. Этимъ и объяснялось упорство борьбы.

⁂

В., на судѣ показывавшій за С., жалѣлъ Путяту. Даже нѣсколько разъ съ ней видѣлся. Онъ считалъ, что она погибшій человѣкъ... — все-же, это была его прежняя любовь, да и «славянская мягкость» въ немъ говорила. И надо сказать, трудно, очень трудно заушить уже опозореннаго, уже распятаго преступника. Какая-бы Путята ни была, я вспоминаю ея лицо за этотъ годъ позора и сравниваю съ прежнимъ: дорого ей обошлись тридцать пять сребрениковъ. Какимъ затравленнымъ звѣрькомъ выглядѣла она уже тогда, когда надъ ней только скоплялась туча подозрѣній!

Припоминаю одну ночь, еще до суда. Мы были въ Литературномъ Кружкѣ. Туда заѣхалъ и С. Мелькнула изящная фигурка О. Ф. Потомъ исчезла, неся уже за собой грузъ двусмысленныхъ взглядовъ. Черезъ полчаса С. вызвали къ телефону. Онъ вернулся бѣлый, съ дергавшимся на щекѣ мускуломъ: О. Ф. только что отравилась, вернувшись домой, но жива, ее отправили въ Старо-Екатерининскую больницу.

...Три часа ночи. Послѣ блеска, говора, вина, электричества — пріемная больницы, холодные и темные коридоры. Едва свѣтитъ лампочка. Мы съ женою и С. сидимъ и ждемъ. Сверху доносятся вопли, какая-то полоумная икота. Ольгу Федоровну водятъ подъ руки по коридору, не давая заснуть — способъ борьбы съ остатками яда, только что выкачаннаго изъ желудка.

Мы тогда, по наивности, думали, что это послѣдствіе ссоры съ С. Но кажется, именно въ тотъ вечеръ въ клубѣ кто то ясно далъ ей понять, что ее подозрѣваютъ.

Въ зиму-же «процесса» она не появлялась ужъ нигдѣ. Болѣзненную, полудикую жизнь велъ и С. Онъ цѣлыми днями дремалъ у себя въ номерѣ, безсмысленно бродилъ по улицамъ, приходилъ ко мнѣ почти ежедневно — съ воспаленнымъ, какъ-бы пьянымъ лицомъ, горячими руками... При его мучительномъ самолюбіи, уже ранѣе растравленномъ неудачами, при недостаткѣ моральной силы, вести жизнь «человѣка съ пятномъ», «подсудимаго» было ужасно. Иногда мы демонстративно «вывозили» его на люди, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ (державшимся къ нему холодновато). Но чаще — играли въ шахматы, или обсуждали подробности будущихъ засѣданій, возможныхъ нападеній и отвѣтовъ. Онъ становился маніакомъ.

Въ эту самую зиму, столь для него горькую, нашлась однако юная душа, совсѣмъ молоденькая дѣвушка, слѣпо въ него влюбившаяся именно потому, что онъ какъ бы «отверженный», что идя по Тверской въ своемъ зимнемъ пальто и мѣховой оленьей шапкѣ съ наушниками, онъ не знаетъ, поклонится-ли ему встрѣчный знакомый, или нѣтъ.

Эта дѣвушка вышла за него замужъ.

**
*

«Дѣло» тянулось всю зиму. Иногда намъ казалось, что оно вообще никогда не кончится. Въ самомъ составѣ судей происходили перемѣны, мы думали, что они просто перемрутъ до окончанія его. Судьи распалились тоже очень. Споръ о текстѣ постановленія шелъ, кажется, чуть не мѣсяцъ.

«Приговоръ» оказался полной нашей побѣдой. Судъ выразилъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» порицаніе за неосторожность, съ какою они взвели тяжкое и бездоказательное обвиненіе на неповиннаго человѣка.

**
*

Съ тѣхъ поръ прошло семнадцать лѣтъ.

Тѣ, кто тайкомъ ходили къ намъ на «явки», ѣздятъ теперь въ автомобиляхъ, живутъ въ Кремлѣ, носятъ почтенный титулъ убійцъ нашихъ дѣтей. Тѣ, кто тогда волновались и спорили, друзья и враги — одинаково оказались въ изгнаніи. «Русскихъ Вѣдомостей» нѣтъ вовсе. Италія жива и всегда будетъ жить, всегда будетъ прекрасной Италіей — но и она сейчасъ иная...

Въ анфиладѣ событій, катастрофъ и трагедій все разсказанное — песчинка. Но живые люди участвовали въ немъ, гибли, боролись и подымались — въ малыхъ размѣрахъ это и есть обликъ жизни.

Путята исчезла. Никогда больше не видалъ я ея хорьковаго лица, карихъ глазъ, элегантной фигурки. Весной 1911 г. ея портретъ, какъ «провокаторши» появился въ газетахъ рядомъ съ приговоромъ. И дальше — забвеніе. Изъ Москвы она куда-то уѣхала. Перекинулась ли въ революцію, вновь, по иному, къ большевикамъ? Была-ли гдѣ нибудь комиссаршей или нарядной чекисткой? Спекулировала-ли? Или служила шпіонкой иностранной державы? Прошелъ слухъ, что большевики разстрѣляли ее. Это очень возможно. О, какъ крѣпко боролась — думаю — за жизнь эта маленькая, хитрая, остро-пронзительная и въ концѣ концовъ очень несчастная предательница.

И главное лицо пьесы... С. — Всяко въ жизни бываетъ. Онъ просто побѣды не выдержалъ. Или слишкомъ она запоздала? Страданья зимы раздавили его. Онъ уже не оправился. Впалъ въ глубокій мракъ. Все, какъ кошмаръ, преслѣдовали его подозрѣнія. Силы быть *выше* людей у него не нашлось, въ Москвѣ онъ не удержался и, женившись, погрузился въ первоначальный свой бытъ — сталъ учителемъ въ провинціи.

Это былъ, одно время, ближайшій мнѣ человѣкъ. Мы любили другъ друга. Многое вмѣстѣ пережили, вмѣстѣ начинали литературный путь, даже вмѣстѣ жили. Страннымъ образомъ, то самое «дѣло богемы», въ которое оба мы столько вложили страсти, изъ котораго вышли побѣдителями — оно то и развело насъ...

Я не знаю объ С. ни звука.

Флоберъ въ Москвѣ

Нельзя сказать, чтобы у насъ хорошо знали Флобера. При жизни перевелъ двѣ его новеллы Тургеневъ («Легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ» и «Иродіаду»). Переводы эти очень полны, богаты, и какъ все, что писалъ Тургеневъ, проникнуты въ языкѣ духомъ свободы, непринужденности — чѣмъ отъ самого Флобера Тургеневъ очень отличался: во французскомъ писателѣ было гораздо больше суровой выработки, зашнурованности. Переводы Тургенева отличны. Всетаки «Юліанъ» вышелъ тяжелѣе, менѣе музыкаленъ и шершавѣе, чѣмъ подлинный. Страннымъ образомъ, нарядъ нашего языка кажется нѣсколько грузнымъ для этой вещи!

«Госпожу Бовари» перевели еще въ шестидесятыхъ годахъ. Позже — «Сентиментальное воспитаніе», «Искушеніе св. Антонія», «Саламбо» (тоже при жизни автора) — и очень плохо. По этимъ лубочнымъ изданіямъ никакъ Флобера узнать нельзя.

Какъ слѣдуетъ началъ онъ просачиваться къ намъ въ девяностыхъ годахъ — посмертно. Семи-

десятые, восьмидесятые были у насъ глубоко провинціальны. Флоберъ не пришелся бы къ мѣсту. Но въ девяностыхъ произошло нѣкое освѣженіе. Измѣнился подходъ къ искусству. Ослабѣло давленіе «общественности». Художество заявило права нерушимыя, какъ бы потребовало Великую Хартію вольностей — и получило ее.

Эту полосу мы по себѣ уже знаемъ, и не о ней рѣчь. Но ея воздухъ оказался благопріятнымъ для Флобера.

Однимъ изъ раннихъ его цѣнителей русскихъ явился князь А. И. Урусовъ — диллетантъ-эстетъ, не профессіоналъ, но человѣкъ тонкій и со вкусомъ. Отъ блестящей адвокатской дѣятельности урывалъ онъ время для литературы. Прославлялъ Флобера въ Москвѣ среди писателей, артистовъ. Очень неплохо самъ переводилъ отрывки изъ него. Флобера вознесъ въ «Вѣчныхъ спутникахъ» Мережковскій (но сколь мнѣ извѣстно не переводилъ). Большими его поклонниками оказались Бальмонтъ и Бунинъ. Къ моему величайшему удивленію и Максимъ Горькій.

***

Въ 1904 году попался мнѣ отъ К. Д. Бальмонта урусовскій экземпляръ «Искушенія св. Антонія». Бываетъ, что лицо человѣческое сразу, необыкновенно понравится. Бываетъ такъ и съ книгою. Съ первыхъ же звуковъ, словъ Флобера, ощутилъ я, что этой мой. Я въ него влюбился. Флоберъ на нѣкоторое время сталъ моей

маніей. Какъ истый влюбленный, я не допускалъ спора о немъ, тѣмъ болѣе — осужденія.

«Искушеніе св. Антонія» вещь очень трудная, неблагодарная. Въ формѣ видѣній проходятъ въ ней страны, народы, цари, іересіархи, красавицы, бѣсы, учители Церкви, звѣри, самъ Діаволъ. Въ концѣ Христосъ является въ дискѣ солнца, какъ бы обнимая природу и міръ. Все это втиснуто въ триста страницъ. Движенія и развитія нѣтъ. Вещь глубокой внутренней горечи. И глубокой поэзіи. Держится вся на красотѣ слова. Нѣкоторые звуки «Искушенія» доставляли мнѣ почти физическое удовольствіе... Но удовольствіе это — на любителя. Среди читателей немного поклонниковъ было у него — находили скучноватымъ, въ родѣ второй части «Фауста». Французской публикѣ, при появленіи своемъ, «Искушеніе» вовсе оказалось не по зубамъ. Русская могла судить лишь по отвратительному переводу, губившему все.

И вотъ мнѣ вздумалось перевести его на русскій. Предпріятіе очень рискованное, требовавшее большихъ знаній, силы въ собственной словесности и — крѣпости, зрѣлости. Всего этого явно не хватало. Приходилось брать увлеченіемъ.

Я взялся страстно. Засѣлъ въ Румянцевскомъ музеѣ за разныхъ гностиковъ, за Василидовъ, Валентиновъ, за словарь Миня, исторію Вавилона — и мало ли еще какой премудрости нѣтъ въ «Искушеніи!» — хотѣлось же, переводя любимаго писателя, знать все, о чемъ идетъ рѣчь. Одновременно читались и другія его вещи —

«Бовари», «Саламбо», «Три новеллы». Много радостнаго и прекраснаго далъ этотъ романъ съ Флоберомъ, радость чистѣйшаго искусства, радость ученія, общенія съ великимъ художникомъ, столь простымъ, благороднымъ, одинокимъ. Среди зимы удавалось уѣзжать недѣли на три въ деревню, подъ Каширой, и въ отцовскомъ домѣ невозбранно трудиться надъ флоберовскимъ словомъ. Окно небольшой комнаты съ ковромъ по стѣнѣ надъ тахтой, съ рогами и ружьями на нихъ, голландской печью, всегда жарко натопленной, выходило на открытый балконъ. Лѣтомъ онъ тонулъ въ жасминѣ. Теперь, въ декабрьскіе дни, метель завивала по немъ бѣлыя змѣи, онъ весь въ туманѣ, на стеклѣ окошка налипли снѣжные узоры, иглы, звѣзды, фантазіи не хуже таинственныхъ странъ Флобера. За небольшимъ столомъ бился нѣкто надъ трудными мѣстами мастера, искалъ, вставалъ, ходилъ... Метель трясла немолодую крышу дома, дергала ставни. Изъ окна тянуло холодомъ. Ритмическою прозой надо было описывать Царицу Савскую, Византію, Римъ, Египетъ. (Особенно хотѣлось передать звучаніе флоберовской прозы, ея музыку. На этомъ пути случалось пускаться и въ сомнительныя предпріятія, чрезмѣрно напрягая языкъ).

Поддерживало то, что самъ Флоберъ писалъ мучительно. Борьба, погоня его за словомъ (или фразой) были изумительны. Прелестны его художническія бдѣнія въ Круассэ, въ одиночествѣ, манера самому себѣ вслухъ читать написанное...

Иногда ночью я просыпался, подъ тотъ же зимній, пустынный вѣтеръ, и въ ужасѣ вскакивалъ съ тахты: зажигалъ свѣчку, какъ гимназистъ, недоучившій урокъ, бѣжалъ къ столу, смотрѣлъ въ рукописи — вдругъ да ошибся на такой то строчкѣ!

Работа шла медленно. Заняла не менѣе года. Раза три переводъ переписывался. Весь былъ испещренъ поправками, вставками, зачеркнутыми словами.

Лѣтомъ, отъ тѣхъ же Бальмонтовъ, получилъ я переписку Флобера, въ четырехъ томахъ: книги принадлежали Александрѣ Алексѣевнѣ Андреевой, сестрѣ супруги Константина Дмитріевича. Нынѣ Александры Алексѣевны нѣтъ въ живыхъ. Прекрасный человѣкъ, старый достойный литераторъ, прежняя Москва! — не могу безъ волненія вспомнить ея особнякъ въ Брюсовскомъ, ея книжные шкафы, ея самое — высокую, представительную даму, съ очками на кругловатомъ лицѣ... «Correspondance de Gustave Flaubert» — четыре тома въ коричневыхъ шагреневыхъ переплетахъ — какъ связано это съ Александрой Алексѣевной, ея солидностью и добросовѣстностью, ея черныхъ шелковымъ платьемъ съ золотой цѣпочкой. И дальше — лѣто въ деревнѣ, дожди, сладкій запахъ жасмина, пушокъ весенняго тополя, упавшій на страницу Correspondance. У себя во флигелѣ запоемъ читалъ я эти удивительныя письма, лучше ихъ ничего не знаю въ эпистолярной литературѣ. Видѣлъ Круассэ, домъ Флобера, Сену, его садъ, жизнь суровую и

одинокую, высшимъ достоинствомъ проникнутую. И высшей грустью. «La vie n'est supportable, qu'en travaillant» — навсегда лѣнивому запомнились слова великаго столпника нашего искусства.

***

Въ зрѣлости знаешь, что ни отъ чего міръ не сдвинется, ни отъ твоихъ дѣлъ, ни отъ твоей жизни, ни отъ смерти. Нѣкій высшій смыслъ дѣланія остается, конечно. Безъ этого всѣ мы обратились бы въ поденщиковъ. Очень загадочная вещь — смыслъ творчества! Къ счастью, въ душѣ заложенъ непонятный разуму законъ, или таинственная сила, черезъ года, десятилѣтія влекущая все къ одному: строителя — къ строенію, дѣльца къ дѣламъ, политика къ властвованію, художника къ словамъ, звукамъ, краскамъ.

Это влеченіе надъ-жизненно. Въ зрѣлости повинуешься ему, какъ знаку свыше, и только. Въ юности кажется, что «дѣло» необходимо и для окружающаго міра. Это даетъ, конечно, подъемъ огромный.

Мучась надъ Флоберомъ, я былъ убѣжденъ, что малѣйшій промахъ имѣетъ всероссійское значеніе. Что я могу задѣть священную особу Литературы. Что вся работа эта вообще необычайно важна. Кругомъ были каширскія поля и молчаливые пейзане, въ тѣ времена загадочно помалкивавшіе. Какъ страшно важно для нихъ,

хорошо выйдетъ Флоберъ по-русски, или плохо!

«Искушеніе» появилось въ сборникѣ «Знанія». Затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ «Знаніи»-же. Солнце вставало совершенно какъ раньше. И въ государствѣ россійскомъ никакихъ событій не произошло. Гонораръ заплатили хорошій — читатели же, какъ и прежде, находили, что «Искушеніе св. Антонія» вещь... ну, скажемъ, тяжеловѣсная. Знавшіе переводчика лично, опасались задѣвать при немъ Флобера.

На смѣну «Знанію» выросъ «Шиповникъ» (создатель его, З. И. Гржебинъ, покоится сейчасъ на здѣшнемъ кладбищѣ). Въ одномъ изъ сборниковъ «Шиповника» появилось въ моемъ же переводѣ «Простое сердце» (тамъ есть ошибка, до которой никому нѣтъ дѣла, и сами эти сборники разлетѣлись дымомъ по лицу Совдепіи: меня же она и сейчасъ жалитъ). Друзья мои шиповники, Гржебинъ и Копельманъ, пріѣзжая изъ Петербурга ко мнѣ въ Москву и у меня останавливаясь, много наслышались о Флоберѣ. И задумали издать собраніе его сочиненій по-русски.

***

Когда Флоберъ умеръ, Тургеневъ, большой его почитатель и цѣнитель, опубликовалъ въ Россіи призывъ подписываться на памятникъ Флоберу — первая попытка международной дружественности въ литературѣ.

Къ стыду Россіи она провалилась. Русскіе не доросли до общеевропейскаго чувства прекраснаго. На призывъ лучшаго своего писателя не только не откликнулись — засыпали его насмѣшками (и оскорбленіями!) за самую мысль о солидарности. Какой то тамъ Флоберъ! Собирать на Флобера! Тургеневъ получалъ ругательныя письма.

Пишешь объ этомъ съ горечью — и за Россію, за Тургенева, и за Флобера. Но съ чувствомъ отдыха вспоминаешь, что всетаки, хоть черезъ тридцать лѣтъ, нѣкій реваншъ Флоберъ въ Россіи взялъ.

Огромные томы собранія сочиненій выходили со статьями, примѣчаніями, варіантами. «Госпожу Бовари» перевела Чеботаревская подъ ред. Вячеслава Иванова, «Саламбо» — Минскій, «Искушеніе» — мое, «Сентиментальное воспитаніе» — В. Муромцевой подъ ред. Бунина, «Письмами» занимался Блокъ, для «Трехъ новеллъ» взяли переводы Тургенева и мой. Изданіе не закончилось (не хватало, кажется, «Бувара и Пекюше»), помѣшала война и революція. Всетаки и то, что вышло, давало уже Флобера въ подобающемъ видѣ. Изданіе это было некоммерческимъ: Флоберъ никогда никому прибылей не давалъ и самъ умеръ въ бѣдности. Тѣмъ болѣе надо помянуть добрымъ словомъ починъ «Шиповника».

Гдѣ сейчасъ эти отлично изданныя книги? Кто ихъ читаетъ?

Пожелаемъ, чтобы для Россіи будущаго сталъ Флоберъ «Вѣчнымъ спутникомъ» — прекраснымъ и нужнымъ образомъ Запада.

Гоголь на Пречистенскомъ

Пречистенскій бульваръ связанъ съ чѣмъ-то повышеннымъ, неопредѣленно-романтическимъ. Романтика начинается уже съ Никитскаго бульвара, съ дома Талызина, гдѣ жилъ и умеръ Гоголь. Это область купола Христа Спасителя: здѣсь всегда онъ плыветъ въ небѣ надъ идущимъ — какъ золотистый корабль. И чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ сильнѣй ощущеніе легкости, надземности. За Арбатской площадью, на Пречистенскомъ, геній мѣстности самое слово: Пречистая. Бульваръ вѣдь, дѣйствительно, чище и тише, и благообразнѣй другихъ. Александровское училище, церковка, контора Удѣловъ (гдѣ столько живалъ Тургеневъ), домъ Рябушинскаго — и зеленый откосъ къ бульвару. Зеленый и опрятный бульваръ: дѣти съ нянькамн, студентъ на лавочкѣ съ книжкой, розовый закатъ, сквозь наливающіяся почки липъ. Лѣтомъ прохладно отъ густой листвы. Ранней весной — первый обтаиваетъ откосъ, глядящій на югъ и первая зазеленѣетъ на немъ травка. Вообще-же, вспо-

миная милое это мѣсто, всегда ощущаешь свѣтъ и облегченіе.

Гоголь любилъ Пречистенскій бульваръ. Въ немъ самомъ не было свѣтлаго, но стремленіе къ красотѣ — Рима-ли, Италіи, нашихъ золотыхъ куполовъ — всегда жило. И то, что прославить писателя Москва рѣшила на Пречистенскомъ, не удивляетъ. Въ 1909 г. исполнилось столѣтіе рожденія его. На Тверскомъ бульварѣ Пушкинъ ужъ входилъ въ пейзажъ, задумчиво поглядывая со Страстного на площадь съ трамваями. Очередь дошла до Гоголя. Времена были мирныя, денегъ достаточно. Памятникъ заказали скульптору Андрееву, Николаю Андреевичу, и разослали приглашенія на празднество по Россіи и Европѣ.

***

Той зимой жили мы въ Римѣ. Уѣзжая весной изъ Москвы, бросили квартиру, лѣто провели въ деревнѣ, а тамъ въ Италію. Возвращаясь, не очень-то безпокоились объ устройствѣ: Москва велика, гдѣ нибудь да приткнемся. (Всѣ тогда въ нашемъ кругу такъ жили: неужели стали-бы заводить «обстановочки», сберегательныя книжки, и т. д.?).

И на этотъ разъ мы не ошиблись. Получили двѣ комнаты большой квартиры на Сивцевомъ Вражкѣ, у близкаго намъ человѣка. Занимали низъ стариннаго особняка. Мои окна выходили во дворъ, за заборомъ котораго стоялъ домъ Гер-

цена. Наискосокъ жилъ Бердяевъ — его кабинетъ смотрѣлъ на герценовскій дворъ. Была теплая, сѣрая зима, со снѣгомъ, послѣ Италіи холоднымъ. Въ нашемъ домѣ все шло чинно, нѣсколько и въ старомодномъ духѣ. Дѣвочки ходили въ гимназію, горничная Домаша въ бѣломъ фартукѣ аккуратно подавала на столъ въ большой столовой. Въ окнахъ тащился на санкахъ Ванька, по ухабамъ Сивцева Вражка. Домаша, три мѣсяца назадъ пріѣхавшая изъ Рязанской губерніи, жеманно говорила, что ужъ ничего не помнитъ, какъ тамъ живутъ у «мюжиковъ». Однимъ словомъ, была вокругъ старая, простецкая и пріятная Москва — вплоть до этого самого Николая Андреевича, сосѣда, скульптора изъ Большого Афанасьевскаго. Я его зналъ довольно хорошо. Нѣкогда, въ ясныя январскія утра ходилъ къ нему въ студію, огромную, свѣтлую, гдѣ онъ сажалъ меня на вертящійся стулъ, вертѣлъ туда-сюда какъ игрушку — вертѣлъ и тотъ глиняный бюстъ, что лѣпилъ съ меня.

Для самого Гоголя не нужна была натура. Но для Тараса Бульбы (въ барельефѣ постамента) позировалъ ему Гиляровскій, всей Москвѣ извѣстный, толстый, добродушный старожилъ, ходившій въ поддевкѣ и высокихъ сапогахъ — журналистъ, правда, смахивавшій на Тараса Бульбу.

Николай Андреевичъ самъ былъ крѣпкій человѣкъ, мѣщански-купецкаго происхожденія, съ густымъ бобрикомъ, бородою лопатой, острымъ и живымъ взглядомъ. Руки у него сильныя, и весь

онъ сильный, тѣлесный, очень плотскій. Гоголь мало подходилъ къ его складу. Но вращался онъ въ нашихъ кругахъ, литературно-артистическихъ. Розанова, Мережковскаго, Брюсова читалъ. Болѣе сложное и глубокое пониманіе Гоголя, принесенное литературою начала вѣка, было ему нечуждо, хоть по существу мало имѣлъ онъ къ этому отношенія. Во всякомъ случаѣ, замыслилъ и сдѣлалъ Гоголя не «творцомъ реалистической школы», а въ духѣ современнаго ему взгляда: Гоголь измученный, согбенный, Гоголь видящій и страшащійся чорта — весь внутри, ничего отъ декораціи и «позы». Однимъ словомъ, памятникъ не выигрышный. Кажется, и проектъ его вызвалъ сопротивленія: находили, что писатель получается что-то мизерный. Не только генеральскаго нѣтъ въ немъ, но больше смахивалъ на хилую, пригорюнившуюся птицу (Гоголь сидитъ, какъ извѣстно — въ тяжкой и болѣзненной задумчивости).

Все-же проектъ утвердили. Зимой помятникъ поставили, въ самомъ началѣ Пречистенскаго, противъ стѣны тира Александровскаго училища. Но былъ онъ еще закрытъ — до торжественнаго момента.

Весна выдалась холодная, въ апрѣлѣ перепадалъ снѣгъ съ дождемъ. Гоголю предстояло явиться безъ блеска: подлинно хмурою личностью литературы. Всѣмъ завѣдывала Дума и Общество Любителей Россійской Словестности. Западники, славянофилы, ссорившіеся на пушкинскихъ торжествахъ, перевелись. Литература

дѣлилась на «реалистовъ» и «символистовъ». Не было никого сколько нибудь равнаго Тургеневу, Достоевскому (Толстой не въ счетъ, онъ доживалъ послѣднiе дни)... Чеховъ въ могилѣ. Надо сознаться: и «реалисты», и враги ихъ отнеслись къ Гоголю равнодушно. «На Пушкина» съѣхалась вся братiя (Тургеневъ даже изъ за-границы). Гоголя удостоили совсѣмъ немногiе — неловко даже вспомнить...

Открывали памятникъ въ сырости, холодѣ, липы едва распускались. Трибуны окружали монументъ. Народу много. Помню минуту, когда упалъ брезентъ и Гоголя мы, наконецъ, увидѣли. Да, неказисто онъ сидѣлъ... и нѣкiй вздохъ прошелъ по толпѣ. Потомъ Грузинскiй, Предсѣдатель Любителей Словестности, говорилъ рѣчь...

Алексѣй Евгеньевичъ, пожилой, основательный профессоръ, читалъ на женскихъ курсахъ русскую литературу. Сейчасъ былъ параденъ (во фракѣ, пришлось доставать цилиндръ), нѣсколько блѣденъ, но бодро и привычно сказалъ, что полагается.

Въ офицiальныхъ торжествахъ всегда есть сторона печальная — надо упомянуть о «великомъ художникѣ», «свѣточѣ, ведущемъ насъ по пути добра и красоты» — удивляться и негодовать на это не приходится. Такъ было, такъ будетъ. Все это давно описано у Флобера (сельскохозяйственный съѣздъ въ «Мадамъ Бовари»), наслушались мы такихъ рѣчей и на гоголевскихъ торжествахъ.

Первое открытое засѣданіе было днемъ въ Университетѣ. За отсутствіемъ писателей, пришлось говорить людямъ далекимъ отъ литературы, но «почтеннымъ». Ясно запомнилась на трибунѣ въ актовомъ залѣ фигура знаменитаго кадета-юриста. Говорилъ онъ крѣпко, самоувѣренно, сильно выпячивая бѣлую крахмальную грудь. Видно, что знаетъ цѣну себѣ и словамъ своимъ — мы-же, слушавшіе, такъ и не поняли, что въ нихъ цѣнно.

Были иностранцы, представители университетовъ. Изъ французовъ Мельхіоръ де Вогюэ, Лирондель. Нѣмцы отсутствовали. У Вогюэ лучше всего былъ зеленый академическій мундиръ. Англичанинъ — въ длинномъ черномъ сюртукѣ, стоячихъ воротничкахъ, бритый, мягко-благодушный. Говорилъ ровно, скромно и почтительно. Вѣроятно, хорошо. Я понялъ только два слова: gogolian realistik. Они казались мнѣ очень смѣшными, и вызывали веселое настроеніе.

А въ общемъ... Московскій Университетъ, профессора, дамы, черные сюртуки, бороды, интеллигентскія голеница изъ подъ брюкъ, академики на эстрадѣ за столомъ... какая скука!

Нельзя сказать, чтобы скучно оказалось на другомъ собраніи, въ Консерваторіи. Выступалъ тамъ Валерій Брюсовъ.

***

«Но послѣдній царь вселенной,
«Сумракъ! Сумракъ! — за меня».

Мало зналъ я писателей, кого такъ не любили-бы, какъ Брюсова. Нелюбовь окружала его стѣной; любить его, дѣйствительно, было не за что. Горестная фигура — волевого, выдающагося литератора, поэта, но больше «дѣлателя», устроителя и кандидата въ вожди. Его боялись, низкопоклонствовали и ненавидѣли. Льстецы сравнивали съ Данте. Самъ онъ мечталъ, чтобы въ исторіи всемірной литературы было о немъ хоть двѣ строки. Казаться магомъ, выступать въ черномъ сюртукѣ со скрещенными на груди руками «подъ Люцифера» доставляло ему большое удовольствіе. Родомъ изъ купцовъ, ненавидѣвшій «русское», смѣсь таланта съ безвкусіемъ, желѣзной усидчивости съ грубымъ разгуломъ... Тяжкій, нерадостный человѣкъ.

Я сидѣлъ на эстрадѣ, когда вышелъ онъ къ рампѣ читать рѣчь. Помню его спину, фракъ, выдававшіяся скулы, рѣзкій, какъ бы тявкающій голосъ. Изъ всѣхъ выступавшихъ онъ единственный придумалъ нѣчто своеобразное. Гоголя считалъ «испепеленнымъ» тайными бурями и страстями, художникомъ-гиперболистомъ, далекимъ отъ мѣры Пушкина. Сравнивалъ выдержки изъ него съ Пушкинымъ, и какъ-бы побивалъ его имъ.

Все это очень хорошо, одного не было: капли преклоненія, любви. Рѣчь *не для* юбилея. Не того ждала публика, наполнявшая залъ. Понималъ-ли онъ это? Врядъ-ли. Душевнаго такта, какъ и мягкости никакъ отъ него ждать нельзя было. Онъ читалъ и читалъ, его высокая худая

фигура разрѣзала собой пространство, въ глубинѣ дышавшее толпой. Но съ нѣкоторыхъ поръ въ живомъ этомъ, слитномъ существѣ стала пробѣгать рябь. Что-то какъ будто вспыхивало и погасало: сдерживались. И вотъ Брюсовъ, описывая Гоголя физически (внѣшній обликъ, манеры), все сильнѣе сталъ клонить къ тому, насколько онъ былъ непривлекателенъ. Когда упомянулъ что-то о его желудкѣ и пищевареніи — въ залѣ вдругъ прорвалось.

— Довольно! Безобразіе! Долой!

Кое-гдѣ повскакали съ мѣстъ, махали шляпами, студенческими фуражками, тростями.

— Не за тѣмъ пришли! Позоръ! Похороны какія то!

— Не мѣшайте! Дайте слушать — кричали другіе. Раздались свистки. Свистали дружно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Брюсовъ поблѣднѣлъ, но продолжалъ. Было уже поздно. Публика просто разозлилась и улюлюкала на самыя безобидныя вещи. Распорядители волновались — «скандальчикъ» въ духѣ праздника гувернантокъ въ «Бѣсахъ». Единственно что могъ сдѣлать — и сдѣлалъ Брюсовъ: наспѣхъ сократилъ, пропускалъ цѣлыя страницы. Кончилъ подъ свистъ и жидкіе демонстративные аплодисменты.

***

Такъ что гоголевскія торжества проходили неважно. Единственно весело оказалось на ночномъ раутѣ въ Думѣ.

...Около полуночи подымались мы по лѣстницѣ, среди разодѣтой, нарядной, живой толпы. Николай Ивановичъ Гучковъ, городской голова, во фракѣ, во всемъ парадѣ встрѣчалъ прибывающихъ у входа. Залы быстро наполнялись. Много было свѣта, гула, знакомыхъ и незнакомыхъ; съ кѣмъ-то здоровались, кому-то насъ представляли...

Москва показала тутъ гостепріимство. Фрукты, угощенія, цвѣты, шампанское. Какія-то опять рѣчи — кажется, привѣтственныя иностранцамъ — но все это быстро потонуло въ общемъ и веселомъ гомонѣ. Разбились по компаніямъ, разсѣлись по столамъ и началось московское объѣденіе и хохотъ. Мало походило это на Европу. И благонамѣренный gogolian realistik въ пуританскихъ воротничкахъ не безъ удивленія озирался, какъ и старый Вогюэ въ зеленомъ мундирѣ съ пальмами.

Мы засѣли съ Василіемъ Розановымъ. Кто-то подсаживался, кто-то отсаживался, лакеи таскали бутылку за бутылкой шампанское — могу сказать, хорошо я тогда узналъ Розанова... — всю повадку его, манеру, словечки, трепетный блескъ небольшихъ глазокъ, весь талантъ, зажигавшійся чувственностью, женщиной. Очень былъ онъ блестящъ и милъ въ ту дальнюю ночь гоголевскихъ торжествъ.

Всѣ шутки его, и блестки отблистали, какъ и ночь прошла. Мы возвращались на разсвѣтѣ мимо Гоголя того-же, дѣтища Николая Андреича, изъ-за котораго столько наговорились ораторы.

Гоголь сумрачно сидѣлъ на бульварѣ. У ногъ его, съ барельефовъ, глядѣли Чичиковы, Хлестаковы, знакомый Гиляровскій-Бульба. Воробьи чирикали. Бульваръ былъ пустыненъ.

Праздники кончились. Наша жизнь пошла намъ данной чредой — гоголева по своему. Какъ и при жизни, мало его любили. Одинокимъ Гоголь прожилъ. Одинокимъ перешелъ въ вѣчность.

Но напрасно отнеслись къ нему такъ жители Москвы. Памятникъ вовсе не плохъ; и въ пейзажъ бульвара вошелъ — внесъ ноту скорбную. Можно удачнѣе его сдѣлать. Но и мимо такого не пройдешь: среди зелени распускающейся Пречистенскаго бульвара задумчивѣй будешь продолжать путь.

Ю. И. Айхенвальдъ

«Te spectem suprema mihi cum venerit hora,
«Te teneam moriens, deficiente manu»
«На тебя буду смотрѣть въ послѣднiй
мой часъ,
«Къ тебѣ припаду слабѣющею рукой».

Это двустишiе, приведенное въ одномъ изъ моихъ разсказовъ, въ послѣднее время занимало Юлiя Исаевича. Онъ дважды писалъ весною моей женѣ: «Спросите Б. К., откуда взяты эти стихи?»

Я отвѣтилъ: кажется, изъ Катулла. И показалось страннымъ, почему они его такъ пристально интересуютъ?

Лѣтомъ въ Берлинъ прiѣзжала къ нему изъ Москвы жена, Нина Кирилловна — погостила и уѣхала (вся его семья въ Москвѣ). Юлiй Исаевичъ снова остался одинъ. Онъ жилъ скромно, почти бѣдно, писалъ въ «Рулѣ» литературные обзоры, читалъ лекцiи, давалъ уроки. Безсмысленный трамвай раздробилъ ему черепъ. Онъ впалъ въ безпамятство. Не приходя въ себя,

скончался. Ни на кого онъ не смотрѣлъ въ предсмертный часъ. Ни на чью руку не опирался.

Юлій Исаевичъ былъ очень замкнутъ, очень весь «въ себѣ». Онъ плохо видѣлъ, носилъ очки большой силы. (Никогда не видалъ звѣздъ. Путешествовалъ по Италіи, но не полюбилъ ея: не разсмотрѣлъ. И смерти своей не увидѣлъ). За этими очками жилъ глубиной и чистотой души, очень сильной и страстной, очень упорной. Литература, книги — вотъ его область. Онъ писалъ о писателѣ такъ, какъ видѣлъ его въ своемъ уединенномъ сердцѣ, *только такъ*, и въ оцѣнкахъ бывалъ столь же горячъ, столь же «ненаученъ», какъ и сама жизнь. Всѣ его писанія шли изъ крови, пульсецій, изъ текучей стихіи. Можно было соглашаться съ нимъ или не соглашаться, одобрять или не одобрять его манеру, но это былъ художникъ литературной критики и, за послѣднія десятилѣтія, вообще, первый русскій критикъ.

Какъ всѣ страстные, онъ бывалъ и пристрастенъ. Вознося Пушкина и Толстого, рѣзко не любилъ Гоголя и Тургенева. Театръ отрицалъ вполнѣ. Не выносилъ Бѣлинскаго, за что много поношеній принялъ отъ учителей гимназій.

Изъ живущихъ, дѣйствующей арміи...

...Тутъ одна его черта очень ясна: никогда онъ не обижалъ слабыхъ, молодыхъ, неизвѣстныхъ. Напротивъ, старался поддержать. Но «кумиры» повергалъ. Брюсовъ находился въ полной славѣ, когда сказалъ о немъ Айхенвальдъ: «преодолѣн-

ная бездарность». То же произошло и съ Горькимъ («Горькій и *не начинался...*»).

Айхенвальдъ возросъ на нѣмецкой идеалистической философіи. Хорошо зналъ Канта, Гегеля, особенно ему былъ близокъ Шопенгауэръ. Отлично перевелъ онъ «Міръ, какъ воля и представленіе» — точно по-русски написана эта книга въ его изложеніи.

Въ немъ самомъ была горечь, тотъ возвышенный, экклезіастовскій пессимизмъ, который можно не раздѣлять, но мимо котораго не пройдешь. Вотъ ужъ поистинѣ: любилъ онъ красоту, и жизнь, и свѣтъ, но оплакивалъ міръ. Грубость, насиліе, свирѣпость, все, что съ такой полнотой поднесено нашему поколѣнію, было для него безвыходной печалью. Въ себѣ самомъ онъ носилъ начало Добра. И въ платоновскія идеи вѣрилъ. Но послѣдняго Добра, воплощеннаго, кажется, цѣликомъ въ сердце не принялъ.

Война потрясла его. По самому началу онъ рѣшилъ, что побѣдитъ Германія, а Россія погибнетъ. Въ первомъ онъ ошибся. Но Россія, его породившая, Россія, которую онъ любилъ безмѣрно, пушкинско-толстовская Россія пала — тутъ онъ угадалъ.

***

Юлій Исаевичъ жилъ въ Москвѣ на Новинскомъ бульварѣ, въ семьѣ, тихой трудовой жизнью. Читалъ лекціи на женскихъ курсахъ, въ воздухѣ дѣвической влюбленности. Былъ отлич-

ный ораторъ. Предъ началомъ выступленья, слегка горбясь, протиралъ очки и ровнымъ голосомъ, словами иногда играющими (онъ любилъ фіоритуры) живописалъ литературные портреты.

На кафедрѣ, какъ и въ трамваѣ, у себя дома былъ одѣтъ тщательно, и скромно. Всегда безукоризненныя манжеты. Ослѣпительные носовые платки. Чуть-чуть пахло отъ него духами.

Особенно силенъ онъ былъ въ полемикѣ — сильнѣе, чѣмъ въ лирическомъ утвержденіи. Мы съ женою присутствовали однажды на его сраженіи изъ-за Бѣлинскаго (въ Москвѣ, въ Клубѣ Педагоговъ). Учителя гимназій шли на него въ атаку безконечными цѣпями. Онъ сидѣлъ молча, нѣсколько блѣдный. «Какъ-то Юлій Исаевичъ отвѣтитъ?» спрашивали мы другъ друга шопотомъ. — Онъ всталъ и, прекрасно владѣя волненіемъ, внутренно его накалявшимъ, въ упоръ разстрѣлялъ ихъ всѣхъ, одного за другимъ. Онъ буквально сметалъ враговъ — доводами точными, ясными, безъ всякой грубости или злобы. Просто *устранялъ*.

Грубымъ Юлій Исаевичъ и вообще не могъ быть, если-бъ и захотѣлъ — джентльмэнъ-рыцарь. За это время, что его нѣтъ уже въ живыхъ, все вспоминаешь его, и сквозь душевное волненье, слышишь его тихій голосъ, видишь изящныя руки, застѣнчивую улыбку, его манеру наклонять голову и слегка поддакивать ею, его сутулую фигуру, даже излюбленные его бѣлые отложные воротнички и запахъ духовъ —

если не ошибаюсь, ландыша. Вотъ онъ въ пальто съ барашковымъ воротникомъ, не первой молодости, спѣшитъ на лекцію по снѣжнымъ улицамъ Москвы, еще мирной, вотъ ведетъ дѣтей своихъ, одной рукой мальчика, другой — дѣвочку — черезъ Арбатскую площадь. Ахъ, если бы эти мальчикъ и дѣвочка шли съ нимъ и по улицамъ Берлина въ тотъ роковой день... не писалъ бы я этихъ строкъ.

Но его семья въ Москвѣ. Шесть лѣтъ прожилъ онъ одиноко въ нѣмецкой странѣ, одиноко и умеръ въ ней.

***

Помню его въ революцію. Вмѣстѣ мы бѣдствовали, холодали и недоѣдали, стояли за прилавками Лавокъ Писателей. Вмѣстѣ страдали душевно (что скрывать: много страдали).

Юлій Исаевичъ былъ одиночка, аристократъ, художникъ. И — изъ тѣхъ, кто «къ ногамъ народнаго кумира не клонитъ гордой головы». Аристократъ, всю жизнь работалъ и всегда ходилъ въ потертомъ пальто, и деньги презиралъ, и аскетически жилъ. Но никакой хамъ не могъ заставить его облобызать себя. Да, онъ сильно умѣлъ любить и ненавидѣлъ какъ слѣдуетъ. Злой ткани въ немъ не было, но отъ зла онъ отталкивался. Ничто не привлекало бы его къ нему. Онъ сказалъ разъ свѣтловолосой дѣвочкѣ въ эмиграціи, его «единомышленницѣ», какъ онъ выражался:

— Если весь міръ, Наташа, признаетъ *ихъ*, то мы съ вами *не* признаемъ. И ваша мама.

Въ этомъ онъ весь. Онъ не переносилъ самогона, махорки, чубаровщины. Живя до своей высылки въ Москвѣ, не умолкалъ. Въ Союзѣ Писателей, на Тверскомъ бульварѣ, вскорѣ послѣ убійства Гумилева прочелъ восторженный докладъ о Гумилевѣ и Ахматовой.

Разумѣется, его въ концѣ концовъ выслали.

**
*

Въ томъ же Союзѣ Писателей. Для принятія въ члены требовалось представить книгу. Ее давали читать кому-нибудь въ правленіи. Нерѣдко Айхенвальду. Прочитавъ, часто онъ говорилъ:

— Ну, конечно, очень слабо...

— Значитъ, не принять? (У насъ были довольно строгія требованія «уровня» литературности).

Тутъ низвергатель Бѣлинскихъ и Брюсовыхъ *всегда* отвѣчалъ:

— Нѣтъ, отчего же. Зачѣмъ мы его будемъ обижать.

Онъ улыбался застѣнчиво, потряхивалъ курчавыми волосами, вынималъ свой безукоризненный платокъ, распространявшій запахъ духовъ, но сдвинуть его съ мѣста, переубѣдить было нельзя. Онъ сидѣлъ за своими очками, какъ въ крѣпости. Въ ней рѣшалъ про себя и для себя разные вопросы — и ужъ тогда дѣло кончено: ему легко было отдать что угодно изъ вещей,

денегъ, но *себя*, свои мнѣнія, свою истину онъ никому уступить не могъ. Мнѣнія его иногда бывали причудливы. Но мы всѣ, его сотоварищи по правленію, знали отлично: какъ бы онъ ни былъ расположенъ сердцемъ къ тому, къ другому изъ насъ, мнѣнія своего не измѣнитъ. Онъ спокойно голосовалъ одинъ противъ всѣхъ. Впрочемъ, это, кажется, была и въ жизни излюбленная его позиція: именно одинъ, именно наединѣ съ собою, своимъ сердцемъ.

Для людей очень «современныхъ» Айхенвальдъ долженъ казаться старомоднымъ. Онъ не скрывалъ своего пассеизма. Онъ даже особенно на немъ настаивалъ — революція у него, какъ и у многихъ, обострила это чувство. У него были нѣкоторыя нерушимыя позиціи, съ которыхъ онъ и дѣйствовалъ. Для людей спорта и фокстрота онъ неинтересенъ. То, что онъ любилъ, тому, въ сущности, всегда поклонялось и поклонится человѣчество въ лучшей своей сердцевинѣ — доколѣ оно не обратится въ механическихъ «роботовъ». Онъ не любилъ смотрѣть «впередъ», но его очень любила молодежь, и у него всегда былъ для нея привѣтъ, сочувствіе, вниманіе. Какъ ясно представляю я его себѣ, напримѣръ, среди молодежи монпарнасскаго христіанскаго движенія!

Ибо за старомодною его внѣшностью, за нелюбовью къ Маяковскимъ и тому подобнымъ, жила въ немъ душа очень яркая, очень своя, очень утонченная и сложная.

Онъ какъ-то не признавалъ Исторіи, теченія и измѣненія жизни. Въ этомъ былъ, можетъ быть, одностороненъ. Но Исторія не была ему нужна, ибо онъ жилъ свѣтомъ души, свѣтомъ Вѣчности.

***

Онъ любилъ тишину, книги, семью, дѣтей. Онъ провелъ конецъ своей жизни въ грохотѣ европейской столицы и полномъ одиночествѣ. Онъ ненавидѣлъ машины и «цивилизацію». Машины отмстили ему и убили его въ расцвѣтѣ силъ.

П. М. Ярцевъ

Для однихъ — «извѣстный театральный критикъ и драматургъ», для меня Петръ Михайловичъ, «Ярчикъ», какъ его мы звали.

Рѣдѣющіе, каштановые волосы, зачесанные назадъ. Большой лобъ, въ пору шекспировскому. Подъ нимъ свѣтлые, огромные глаза, такъ глубоко засаженные, что глядятъ точно изъ пещеръ, обрамленныхъ крѣпкими, костистыми арками — худоба и остроугольность ихъ удивительна. Низъ лица явно стремится къ треугольнику съ рыжеватой бородкою. Мягкая и не первой юности шляпа, черный галстухъ, длинный сюртукъ, крылатка и сѣрые матерчатые перчатки, голова нѣсколько вдавлена въ плечи, брови насуплены — такъ проходитъ Ярцевъ въ скромномъ старомодномъ обликѣ своемъ по переулкамъ Москвы, близъ Арбата, по Плющихѣ, въ Левшинскомъ...

Петръ Михайлычъ появляется въ моей памяти зимою 1905 года. Художественный театръ репетировалъ тогда «У монастыря», трехъактную лирическую его пьесу. Автора вовсе не зна-

ли въ литературѣ. Что-то ставилъ онъ въ Петербургѣ, чуть-ли не у Суворина. Но Художественный театръ... Сразу могъ онъ дать славу, деньги, положеніе. Говорили, что Немировичъ увлекается новой пьесой и новымъ драматургомъ. Драматургъ жилъ въ небольшой квартиркѣ на Плющихѣ. Въ кабинетѣ его висѣлъ Ибсенъ, лежало нѣсколько книгъ. Столъ былъ покрытъ сѣрымъ сукномъ, обои сѣро-зеленоватые. Тутъ писалъ, курилъ, пилъ крѣпчайшій черный кофе хозяинъ. Онъ и дома сидѣлъ въ сюртукѣ — очень длинномъ, не весьма новомъ. Нѣчто и донкихотское, и монашеское было въ его обликѣ.

Ему поручили отдѣлъ театра въ одномъ журналѣ — онъ меня пригласилъ писать. Кажется, я почти ничего и не написалъ, но мы познакомились и сдружились на многіе годы.

Репетиціи шли. Онъ потиралъ тонкія руки, шагалъ изъ угла въ уголъ ибсеновскаго кабинета. Московскіе морозы трещали за окномъ съ темными занавѣсками. Приближалась премьера — декабрьская новинка театра.

Кто пьесы ставилъ, знаетъ, что такое театръ. Вѣроятно, легко это поймутъ любители азартной игры. Ни книга, ни журналъ ничего общаго съ театромъ не имѣютъ. Театръ есть встрѣча съ публикой безъ ширмъ — съ *толпой*. Въ ея рукахъ успѣхъ или провалъ. Въ томъ дуновеніи сочувствія или вражды, какое вызываешь. Нельзя угадать чувствъ многоглаваго противника. Что то «доходитъ», что то «идетъ въ гробъ» —

самъ великій знатокъ театра, самъ Немировичъ не разъ ошибался.

Неясно помню содержаніе пьесы. Вращалась она вокругъ любви — сложныхъ и туманныхъ чувствъ. Одно дѣйствіе происходило въ гостиницѣ при монастырѣ — за окнами снѣгъ, зима, Качаловъ ходитъ по сценѣ въ мягкихъ, бѣлыхъ ьаленкахъ. Нѣкую роль игралъ букетикъ ландышей. Германова была прелестна. Но пока на сценѣ мечтательно разговаривали, въ зрительномъ залѣ упорно молчали, молчаніемъ равнодушнымъ.

Знатокъ театра ошибся. Если «доходила» тишина чеховская, то ярцевская не дошла. Спектакль медленно, какъ то беззвучно уходилъ въ небытіе — безъ раздраженія или неодобренія: просто соскальзывалъ.

Въ антрактахъ кое гдѣ появлялся авторъ въ длинномъ сюртукѣ, съ прекрасными глазами, нервными, худыми руками. Зрители равнодушно бесѣдовали о постороннемъ.

***

Пьеса, написанная «для себя», успѣха не имѣла. Она шла — выдержала десятка полтора представленій, но автора не прославила. Ярцевъ остался тѣмъ же: глубокой и тонкой натурою артистической, публику не побѣдившей. Онъ держался замкнуто, благородно. Попрежнему пилъ крѣпкій кофе, курилъ въ ибсеновскомъ кабинетѣ, пожималъ сухощавыя руки и много о чемъ-то думалъ.

Онъ жилъ совершенною птицей небесной. Болѣе беззаботнаго, безсребренаго и неприспособленнаго человѣка я не встрѣчалъ. Правда, и время было особенное. Четверть вѣка, прошедшая съ тѣхъ поръ, кажется столѣтіемъ. Что сказалъ бы кто нибудь изъ насъ о пайкахъ, смычкахъ, пятилѣткахъ! Считалось, что настоящій человѣкъ — это романтикъ, живущій неуловимыми томленіями сердца, красотой (стиха, Италіи, театра). «Хлѣбъ нашъ насущный» — второстепенно. (И по болѣе легкимъ условіямъ той жизни хлѣбъ этотъ легче и приходилъ. *Культа* же сытости не было)...

Всетаки, вспоминая Петра Михайловича, думаю, что будь онъ одинъ, врядъ-ли бы выдержалъ: мѣра его отвращенія къ практицизму все превосходила. Но за нимъ стояла подруга, вѣрная и преданная, Марія Зиновьевна, Марія и Мароа одновременно. Она его опекала и берегла. Дѣлила радости, горести, волновалась писаніемъ, волновалась и тѣмъ, какъ платить за квартиру, гдѣ достать денегъ. Ея мягкая, большая фигура, тихій голосъ, улыбка черныхъ глазъ — тоже неразрывно съ нимъ связаны, какъ и онъ съ ея обликомъ.

Ярцевъ отрицалъ собою всякій складъ и порядокъ. Никакое «крѣпкое и зрѣлое» общество не можетъ на такихъ людяхъ держаться. Или онъ загадочно пьетъ свой кофе, или уходитъ — неизвѣстно куда и неизвѣстно насколько.

— Петръ Михайловичъ, ты будешь дома обѣдать?

— Да, Машенька... Да, можетъ быть, буду.

— Я вѣдь должна навѣрно знать.

— Ну да, конечно... Я непремѣнно постараюсь.

Одно дѣло стараться, другое знать. Петръ Михайловичъ былъ тогда глубоко богеменъ. Надъ чашкою кофе могъ сидѣть безъ конца въ кафэ, что то записывать, о чемъ то размышлять. Встрѣтившись съ кѣмъ нибудь изъ молодежи, могъ оказаться въ кабачкѣ, отъ сумрачной молчаливости перейти къ нервической оживленности, яко бы загорѣться — поправляя галстукъ и откидывая назадъ волосы увлекательно говорить о театрѣ, все на нервахъ, на нервахъ... Гдѣ же тутъ знать, когда вернешься? И что именно приготовила Машенька, и на какія деньги!

— Это не то. Это мелочи!

Мы издавали въ то время журнальчикъ «Зори». Ярцевъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ его и соредакторомъ.

Послѣ редакціонныхъ собраній — чаще всего у Ярцевыхъ — шли бродить по Москвѣ, спорили на бульварахъ, засѣдали въ кафэ или ресторанчикѣ «Богемія» — случалось, тамъ и раннюю весеннюю зарю встрѣчали.

Ярцевъ любилъ такую жизнь. Будучи старше насъ, загорался не меньше. Хотя нерѣдко — такъ же быстро и гасъ: губокимъ неврастеникомъ былъ всегда, и всегда въ сердцѣ его лежало зерно горечи. Душевное опьяненіе лишь временно затопляло эту горечь.

«Романтическій человѣкъ съ раненою душой» — такъ можно было бы опредѣлить его. Онъ мечталъ объ особенномъ театрѣ, (исходя, впрочемъ, отъ Станиславскаго), о высокомъ, духовно-облегченномъ искусствѣ. Ему хотѣлось, чтобы чувства на сценѣ сквозили чистѣйшими, прозрачными красками. Дѣйствительность, даже въ Художественномъ театрѣ, этого не давала. Чаще всего несла она успѣхъ «Дѣтямъ Ванюшина».

Огромность требованій Ярцева къ театру, къ любви, къ жизни ставила его въ тяжкія положенія. Во многомъ и неуспѣхъ «Монастыря» съ этимъ связанъ.

***

На углу площади, у Москва-рѣки, выходя фасадомъ на Храмъ Христа Спасителя, стоялъ большой красный домъ, выстроенный затѣйливо въ стилѣ сѣвернаго модернъ: съ крутоскатною крышей, отдѣлкою зеленой майоликой, большими окнами — извѣстный «домъ Перцова». Тамъ были и квартиры, и отдѣльныя студіи. Въ квартирахъ жили люди болѣе солидные. Въ студіяхъ художники, актрисы. Тамъ тихо обитала «монахиня» Художественнаго театра Бутова, удивительный обликъ благочестивой художницы сцены. Тамъ, съ нею рядомъ, помѣщался Александръ Койранскій, — «Саша Койранскій» — острый, живой, печальный и рѣзкій. Женопо-

добный Поздняковъ пробѣгалъ нерѣдко коридоромъ. Осипъ Самойловичъ Бернштейнъ таилъ свои шахматныя комбинаціи, Баліевъ начиналъ «Летучую мышь». Много извѣстныхъ и видныхъ людей Москвы — артистовъ, литераторовъ, художниковъ перебывало тутъ.

Въ одной изъ студій Ярцевъ «раскинулъ свой театральный шатеръ». Онъ увлекался опытами молодого интимнаго театра. Пожалуй, это была завязь позднѣйшихъ театральныхъ начинаній типа Вахтангова и Михаила Чехова. Выбралъ онъ для постановки мою небольшую пьеску «Любовь». Какъ всегда, намѣренія его были предѣльны. Въ вещи лирической, не-театральной, написанной съ молодою восторженностью хотѣлъ онъ передать какой-то трепетъ, паѳосъ, опьяненіе. Исполнители — молодежь, барышни изъ театральныхъ школъ, начинающіе актеры. Барышни благоговѣйно смотрѣли въ его глубоко-запавшіе глаза, но на репетиціи запаздывали. Актеры — то кто-нибудь заболѣвалъ, то мѣняли исполнителя, то репетиція начиналась послѣ полуночи, когда кончался театръ. Все шло нескладно, безпорядочно. Но создавало удивительный бытъ. Около репетицій толклись и посторонніе. Получался не то клубъ, не то кафэ, не то театръ. Безпрерывно варился кофе, на низкихъ диванахъ полусидѣли, полулежали зрители и исполнители, нельзя было и разобрать кто за чѣмъ пришелъ. Среди ночи пили коньякъ. Пріѣзжалъ Леонидъ Андреевъ, трехугольный Мейерхольдъ, кто то игралъ на роялѣ. Борисъ Пронинъ, помощникъ ре-

жиссера Художественнаго театра, съ открытой шеей и бѣлымъ отложнымъ воротничкомъ какъ у Блока, вихремъ носился, вздувая энтузіазмъ. Художникъ писалъ какую то декорацію, но впрочемъ, никто толкомъ не зналъ, будетъ ли декорація или все пойдетъ «на сукнахъ». Главное же, никто не зналъ, откуда взять денегъ и какъ, собственно, все это показать.

— Милый, мама, голуба, — кричалъ Пронинъ. — Все будетъ! Все чудесно устроится... Ахъ, да, все будетъ замѣчательно!

Петръ Михайловичъ пилъ черный кофе, и устало закрывая глаза, привычнымъ жестомъ поправляя на головѣ волосы, говорилъ:

— Да, да. Все будетъ. Все придетъ. Главное — да. Остальное все мелочи. Это такъ. Да. Остальное — не надо.

Но тутъ срывался Борисъ Пронинъ, терзая свой артистическій галстукъ.

— Боже мой! О, я идіотъ! Безъ десяти восемь. Черезъ десять минутъ давать занавѣсъ въ Камергерскомъ... Боже мой!

И улеталъ.

Мы проводили чуть не цѣлые дни въ этомъ коловращеніи. Иногда можно было уйти съ Ярцевымъ въ ресторанъ и тоже просидѣть часовъ пять. Разъ случилось, что мы трое — онъ, я и переводчикъ Владиміръ Высоцкій, общій нашъ другъ и пріятель Пшибышевскихъ и Тетмайеровъ, на такомъ ресторанномъ засѣданіи чуть не уѣхали заграницу — такъ, ни съ того ни съ сего. Выработали даже маршрутъ — Кра-

ковъ, Венеція, Вѣна, что то въ двѣнадцать дней — и въ мечтахъ пережили всѣ прелести поѣздки.

Глупо все это? Можетъ быть. Но жилось интересно. Не намъ однимъ. Почему то толпился же народъ въ нашей «студіи»?

***

Предпріятіе развалилось, разумѣется, деньги оказались не такой «мелочью». Нѣкоторое время Ярцевъ, въ нелегкихъ условіяхъ, прожилъ еще въ Москвѣ. Потомъ перебрался въ Кіевъ.

Его привязанность къ театру не остыла. Начались годы театрально-критической работы. Онъ писалъ въ «Кіевской Мысли». Но максимализмъ не оставлялъ его. Онъ всегда требовалъ предѣльнаго. Кого любилъ, тому поклонялся (Станиславскому, напримѣръ). Но и къ любимому былъ строгъ. То же, что отвергалъ, отвергалъ начисто. Въ жизни изящный, безобидный, неспособный питать злобу, въ писаніи бывалъ и рѣзокъ, безпощаденъ. Многіе актеры ненавидѣли его.

Въ Кіевѣ съ нимъ произошелъ скандалъ. Однажды, когда въ длинномъ своемъ сюртукѣ, скрестивъ на груди руки, сидѣлъ Петръ Михайловичъ въ партерѣ, ожидая поднятія занавѣса, на авансцену вышелъ нѣкто и заявилъ, что пока Ярцевъ въ театрѣ, актеры не желаютъ играть. Ярцевъ поправилъ волосы, застегнулъ

сюртукъ, всталъ и спокойно вышелъ. («Это не то! Это не главное!» — сказалъ, вѣроятно). Но оказалось именно, что главное. За нимъ поднялась и ушла, въ знакъ протеста, вся кіевская пресса. Премьера осталась безъ рецензентовъ. Актерамъ пришлось туго — такого случая насилія надъ критикомъ еще въ театрѣ не бывало. Кіевскіе рецензенты выступили затѣмъ сообща, печатно. За ними поднялись русскіе писатели и драматурги и въ столицахъ. Актерамъ предстояло или сдаться, или попасть подъ бойкотъ полный. Они предпочли первое. На этотъ разъ Петръ Михайлычъ побѣдилъ вполнѣ, самъ, разумѣется, никакъ не дѣйствуя.

Изъ Кіева попалъ, затѣмъ, въ Петербургъ. Тутъ писалъ въ «Рѣчи» у Гессена и Милюкова. Художественный театръ защищалъ страстно и во всеоружіи (весной художественники всегда являлись въ Петербургъ съ новыми постановками). Станиславскій окончательно пришелъ тогда къ своей теоріи театра (внутреннее переживаніе актера, «сквозное дѣйствіе», и т. п.). Всѣмъ этимъ онъ дѣлился съ Ярцевымъ въ бесѣдахъ долгихъ, увлекательныхъ, всегда Петра Михайловича воодушевлявшихъ. Такъ что писать онъ могъ о Станиславскомъ не со стороны, а изнутри. Его статьи того времени, вѣроятно, лучшее, что написано о Художественномъ театрѣ.

Изъ Петербурга же уѣхалъ онъ однажды, съ томомъ «Братьевъ Карамазовыхъ» (Достоевскаго всегда глубоко чтилъ) въ Оптину. Монастырь оказалъ на него великое, удивительное

дѣйствіе. Всегда ища въ жизни и *искусствѣ чистоты, красоты, святости,* онъ нашелъ ее въ Оптиной. Образы старцевъ — онъ засталъ, если не ошибаюсь, о. о. Анатолія и Нектарія — показались ему ни съ чѣмъ несравнимой высоты и красоты. «Смирись, гордый человѣкъ» — Петръ Михайловичъ специфически гордымъ не былъ, но тщету, засоренность, грязь нашего земного рядомъ съ истинно-святымъ почувствовалъ. Своеобразно онъ ощутилъ старцевъ, бесѣдующихъ съ простымъ народомъ — какъ величайшихъ артистовъ, полныхъ духовнаго искусства. Помню, онъ говорилъ, что въ глазахъ, рукахъ, благословляющемъ жестѣ Анатолія кромѣ всего прочаго была несравнимая театральная красота. Она являлась непосредственнымъ выраженіемъ духа.

Съ «Братьями Карамазовыми» въ рукахъ изучалъ онъ каждую мелочь оптинскаго пейзажа, обстановки, быта, провѣряя Достоевскаго: и нашелъ, что при всей своей фантастичности, *здѣсь* Достоевскій очень точенъ.

Петръ Михайловичъ написалъ объ Оптиной нѣсколько замѣчательныхъ статей. Ихъ слѣдовало издать книжкой. Но не таковъ былъ Ярцевъ, чтобы заботиться о жизненномъ, реальномъ.

***

Самъ родомъ изъ Коломны, почвенною любовью любилъ онъ все русское, особенно же московское. Съ годами эта любовь росла. Въ ли-

тературѣ онъ держался Достоевскаго, Лѣскова, Аполлона Григорьева. Театръ признавалъ лишь національный. Очень высоко въ немъ ставилъ Островскаго и Чехова. И въ жизни — къ самой Москвѣ, ея храмамъ, «древлему благочестію», складу, говору, московскимъ людямъ, московскимъ извозчикамъ, трактирамъ, Замоскворѣчью, банямъ, — питалъ неистребимую привязанность.

Одно время, передъ войной, жилъ въ номерахъ на Балчугѣ, у Чугуннаго моста. Тутъ далеко уже было отъ Прониныхъ и Мейерхольдовъ. Вставалъ очень рано, часовъ въ шесть, и шелъ куда-нибудь въ простую чайную. Ему нравились «человѣки» въ бѣлыхъ рубашкахъ, расписныя чашки и подносы, крутой кипятокъ, простые русскіе люди въ поддевкахъ, съ намасленными проборами, торговцы, прасолы. За «парой чая» сидѣлъ Ярцевъ и писалъ, любуясь видомъ на Кремль, золотымъ лучемъ солнца, типами Островскаго у прилавка.

Полагалъ онъ теперь, что театръ долженъ выражать народную душу, суть, теплоту. Щепкина считалъ основателемъ русскаго театра, Станиславскаго (родомъ съ Хивы, за Яузою) его достойнымъ продолжателемъ.

Мы встрѣчались въ это время часто. Ѣздилъ онъ и ко мнѣ въ деревню. Любилъ землю нашу, сѣно, ржи, яблоки, телѣги и березы, дрожки, мягкій пейзажъ средней Россіи. Мы гуляли довольно много и въ Москвѣ, тогда еще мирно-благодатной. Помню, онъ водилъ меня въ трак-

тиръ Егорова въ Охотномъ ряду — примѣчательность московская, о которой не имѣлъ я понятія. Невзрачный двухъэтажный домъ рядомъ съ «Континенталемъ». Внизу извозчичій трактиръ, во второмъ этажѣ «купецкій». Сюда сходились съ ранняго утра чаевничать охотнорядцы. Въ невысокой комнатѣ столики, сидятъ распаренные купцы, пьютъ чай (тоже съ шести утра! — въ десять вечера все закрывалось). Въ клѣткахъ канарейки. Ярославцы и владимірцы, въ бѣломъ, бойко разносятъ подносы съ чайниками, кипяткомъ и стаканами, чудными калачами, баранками. Днемъ можно обѣдать. Тутъ главная приманка Егорова — удивительнѣйшіе осетры, балыки, растегаи, рыбныя солянки — все это на грязноватыхъ скатертяхъ, съ колченогими вилками къ приборамъ, съ деревянными солонками, но качествомъ не уступая первокласснымъ «Эрмитажамъ», «Прагамъ».

Трактиръ Егорова любилъ Островскій. Мы и обѣдали въ комнатѣ Островскаго — боковой, съ каминомъ, вѣчно пылавшимъ, съ особыми канарейками, потертыми диванчиками краснаго бархата и большой, потемнѣвшей картиной во всю стѣну, если не ошибаюсь, что то китайское на ней изображалось*).

---

*) Комната эта столь знаменита, что когда въ Александринскомъ театрѣ ставили пьесу Островскаго, режиссеръ и художникъ пріѣзжали къ Егорову писать декорацію.

...Тепло, пахнетъ ухой, поддевками, синеватый туманъ, дрова трещатъ, благообразный немолодой владимірецъ въ бѣломъ передникѣ, вкуснѣе говорящій по-русски, чѣмъ та осетрина, которую только что поставилъ, подаетъ намъ шкаликъ «Ерофеича»: кромѣ егоровскаго трактира не было по Москвѣ нигдѣ этого Ерофеича — николаевскихъ временъ водки, настоенной на травахъ. И на потертомъ диванчикѣ мы сидимъ ...сколько и о чемъ можно наговориться съ Петромъ Михайлычемъ, когда онъ въ духѣ, въ ударѣ — въ обстановкѣ, ему нравящейся!

***

Все это кончилось. Подошла война, революція, не до театра стало, не до поэзіи и любованія Москвой. Въ октябрѣ впервые дрогнули купола Кремля подъ шрапнелями большевиковъ. Эти шрапнели рвались и надъ Савеловскимъ переулкомъ, вблизи Остоженки, гдѣ жилъ тогда Ярцевъ съ Маріей Зиновьевной. Какъ и другимъ, какъ всѣмъ намъ, пришлось имъ быть свидѣтелями униженія и разгрома Москвы.

...Я попалъ изъ деревни въ Москву побѣжденную, — подъ раннимъ зимнимъ снѣгомъ, съ сумрачнымъ карканьемъ воронъ на крестахъ церквей, съ разрытою кое гдѣ мостовой, чуть не со слѣдами запекшейся крови. Впрочемъ, снѣжокъ все заметалъ — вводилъ въ страшную зиму голода, холода, примусовъ, разобранныхъ заборовъ.

Какъ и всѣ, дрогли и голодали Ярцевы, въ сумеречной квартирѣ перваго этажа по Савеловскому. Марія Зиновьевна боролась отчаянно. Откуда то добывала крупу, хлѣбъ... порціями аптечными. — Петръ Михайлычъ подтапливалъ печурку — чѣмъ придется. Онъ такой же все былъ худой, такъ же погруженъ въ Русь, такъ же поддерживался и духовно, и внѣшне, все тою же Маріей Зиновьевной. Когда нечего было ѣсть, сидѣлъ покорно и тихо. Питался любимымъ кофе. Изможденный и тощій, въ бархатной кацавейкѣ жены, накинутой на плечи, съ воротникомъ живописно раскинутымъ вокругъ тонкой шеи, подобно жабо, походилъ остроугольнымъ лицомъ и бородкой на испанскаго гранда. Изгнаніе начиналось для всѣхъ насъ. Петръ Михайловичъ могъ терпѣть голодъ и холодъ, но не орду, не татарщину, въ чьихъ рукахъ мы оказались. Крики газетъ, афиши на стѣнахъ, митинги, волчьи зубы вокругъ, муть, кровь, заплеванность... горько и вспомнить.

Иногда въ изнеможеніи, закрывая огромные глаза, окончательно ушедшіе въ пещеры, сидѣлъ онъ подолгу передъ разгорѣвшейся печуркой, неподвижный, полумертвый.

— Петръ Михайлычъ, съѣшь, вотъ тутъ осталась корочка.

— Нѣтъ, ничего, Машенька. Я не голоденъ. Я не хочу ѣсть. Это не то.

Голодъ былъ для него «мелочь», «не то»...

Не имѣя ни средствъ, ни, въ сущности — силъ, сверхъестественнымъ напряженіемъ воли

женской, женской любви, вывезла таки его Марія Зиновьевна изъ Москвы. Они «отступили» на Кіевъ.

И затѣмъ... все, что полагается русскимъ на югѣ: ужасы разныхъ «властей», погромы, чуть не пѣшкомъ новыя отступленія, до самаго Понта Эвксинскаго, до кораблей, увозившихъ троянцевъ отъ пылающаго Иліона.

***

Я не видалъ больше Ярцева, и никогда не увижу. Но теперь, вспоминая эту жизнь полную тревогъ, горестей, бѣдности, энтузіазма и преданности *высокому*, съ большой радостью (странно сказать: почти гордостью) думаю о завершающихъ, изгнаннических ея годахъ. Съ великимъ счастіемъ замѣчаю, что въ болгарской столицѣ не палъ, а выросъ Ярцевъ. Не растерялъ въ Энеидѣ своей, а пріобрѣлъ. Глубокую любовь къ Россіи вывезъ вмѣстѣ съ вѣрною подругой и на чужой землѣ потрудился.

Онъ работалъ режиссеромъ въ болгарскомъ Народномъ театрѣ. Оптина и «Святая Русь» не прошли даромъ. Въ театральный свой трудъ внесъ онъ всю страстность *служенія*, безкорыстнаго и безоглядного. Въ мои годы, въ Москвѣ, лишь начиналъ путь обращенія. Въ изгнаніи его заканчивалъ. Рѣдкій, и *русскій* случай: дѣятель театра, проникнутый Церковью. Это дало ему, думаю, особыя силы. Сгладило угловатости, успокоило, какъ то *внѣдрило* въ жизнь. Всѣ это

чувствовали. И маленькая квартирка Ярцевыхъ стала особымъ центромъ — привязанности, благожеланія, любви. «Весь театръ, школа, актеры, отъ самаго маленькаго до большого любили его нѣжно, и въ трудныхъ условіяхъ болгарской жизни находили у него прибѣжище. Всѣ болгарскіе писатели, художники шли къ нему». (Изъ письма). «...Домъ былъ радостный, теплый, уютный... шли люди и находили успокоеніе у него. Онъ былъ очень просвѣтленный и мудрый, очень былъ религіозенъ, посѣщалъ всѣ службы, молился утромъ и вечеромъ и ежедневно заходилъ въ церковь».

Послѣдняя его постановка была «Горе отъ ума». На ней онъ и надорвался. Приходилось торопиться, спѣшить къ сроку — онъ самъ наблюдалъ за швальней, носился изъ этажа въ этажъ вверхъ и внизъ, даже не пользуясь лифтомъ. «Онъ былъ какъ на крыльяхъ, и вся швальня работала весело и радостно для него. Они его обожали. Когда кончили все, первый портной подошелъ къ П. М., обнялъ его и сталъ цѣловать въ плечи и все повторялъ: «Какъ я васъ люблю, Петръ Михаличъ».

Вѣрно и «Петръ Михаличъ» любилъ простыхъ болгарскихъ людей, какъ нѣкогда простыхъ русскихъ — находилась въ немолодомъ «Ярчикѣ» теплота, доброта.

Послѣ спектакля онъ слегъ — не сразу даже къ доктору обратились... причина все та же (нужно, чтобъ было чѣмъ платить). Начались

жженія въ груди. Смерть пришла мгновенно, онъ скончался на рукахъ Маріи Зиновьевны.

Ярцевъ, будто бы человѣкъ мирный, тихій, всѣ свои годы воевалъ. Съ упорствомъ, страстностью, любовью нѣчто отстаивалъ. Умеръ онъ на позиціяхъ. Самое страшное — быть побѣжденнымъ: сдаться, въ холодѣ, равнодушіи. Онъ прекрасный примѣръ не-сдавшагося, не-побѣжденнаго. Богатства онъ не нажилъ: денегъ не любилъ, они къ нему не шли, тоже не любили. Но вотъ, сломить его «князь тьмы» не смогъ.

Въ глубокой горечи его утраты чувствую и радость:

— Не посрамилъ земли русской Петръ Михайлычъ.

Надежда Бутова

...На родинѣ, въ Саратовѣ, она была учительницей. Высокая, худая, диковатая, все помалкивала, тайкомъ копила деньги, молча разсталась съ сестрой, сѣла въ поѣздъ и однажды вышла на вокзалѣ московскомъ изъ вагона третьяго класса, въ поношенной шубкѣ, съ потертымъ чемоданчикомъ, пледомъ въ ремняхъ. Кончилось дѣло съ Саратовымъ. Начались меблированныя комнаты Москвы. Стала она разучивать стихи, басни, отрывки. И на экзаменѣ въ школѣ Художественнаго театра вниманіе привлекла. Чѣмъ? Саратовскимъ напоромъ, мощію земли, темпераментомъ глухимъ и цѣломудреннымъ?

Нельзя сказать, чтобы красотой: красива не была. Лицо весьма русское, можетъ быть, и съ татарскимъ оттѣнкомъ — нѣсколько широки скулы, съ яркимъ румянцемъ, загорѣлымъ, худымъ румянцемъ; надъ скулами же глаза непомѣрной бирюзы. (Могутъ эти глаза быть ласковы, могутъ быть почти страшны). Голосъ низкій и глуховатый. Крѣпкія тонкія руки, прекрасные волосы. А во всей ней деревенское нѣчто,

крестьянское: повязать платочкомъ, послать на поденную, а потомъ въ хороводъ пѣсни пѣть. Или черничкою въ монастырь.

— Для монахинь пригодится на сценѣ, для царицъ опальныхъ, для Островскаго... Ростъ, понятно, великъ...

Можетъ быть, и не сказалъ такъ экзаменаторъ, а безсознательно пролетѣло въ немъ и безсознательно ростъ легкою грустью скользнулъ: не полагается головой выше всѣхъ быть на сценѣ.

Все равно. Ее приняли. Стала она ученицей, упорной и страстной. Иначе ужъ не могла, по натурѣ. Ночей отъ волненія не спала, предъ Станиславскимъ благоговѣла. Но и характера оказалась нелегкаго. Всегда что то сидѣло въ ней свое, любимое или нелюбимое. За любимое могла жизнь отдать, съ нелюбимымъ лучше не подступайся. Съ младости была набожна, истова. Любила порядокъ, чистоту, строгость. Не выносила куренія, неряшливости, актерской распущенности. Нѣкое древнее упрямство было въ ней, раскольничье. Двѣсти лѣтъ назадъ за двуперстное сложеніе жизнь отдала бы — не постѣснялась бы.

Художественный театръ всегда заглатывалъ актера — изъ китова чрева, въ сущности, хода ужъ не было. А особенно для актрисъ. Актрису молодую и податливую, можно «разработать» какъ угодно, и будетъ она говорить не «я», а «мы, Художественный театръ», и каждый звукъ голоса Станиславскаго, каждое его движеніе

станутъ ея собственными: искренно она увѣрена, что *это и есть она.*

Надежда Сергѣевна тоже говорила «мы», восторженность Художественнаго театра въ ней сидѣла, но и свое было. Одолѣть его не удалось никому, хотя даръ ея не принадлежалъ къ крупнымъ, скорѣе направлялся вглубь: неблагодарный даръ. Впрочемъ выигрышнаго, удобнаго для успѣха въ ней вообще ничего не было. Успѣхъ въ эту судьбу не входилъ.

Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ *свое* разрасталось. Тѣмъ труднѣе съ ней становилось.

***

Я зналъ Надежду Сергѣевну уже «взрослой», извѣстною актрисой, строгой, требовательной, нѣсколько въ тѣни, безъ шумной популярности, но съ прочностью. Была она какъ бы и совѣстью Художественнаго театра, его праведницей. (Головой выше физически, головой выше душой). Въ труппѣ держалась одиноко, прохладно: не помню особенныхъ ея пріятелей изъ актеровъ. «Я не могу ни съ кѣмъ жить вмѣстѣ, близко», говорила она. И никакіе капустники, никакія попойки не занимали ее (конечно, зубоскалили актеры надъ ея отшельничествомъ: но побаивались).

Платья она носила темныя, волосы пышно зачесывала назадъ. На груди крестъ. Въ толпѣ сразу замѣтишь ея худую, широкоплечую фигуру, надъ всѣми возвыщающуюся. Разговоръ

тихій, степенный, но могла и смѣяться по дѣтски. Не дай Богъ разсердить ее — и особенно важнымъ, не пустякомъ, а идейнымъ: новозавѣтный человѣкъ, она впадала и въ библейскій гнѣвъ.

Жила холостякомъ, въ студіи красно-зеленаго, сѣвернаго модернъ дома Перцова, противъ храма Христа Спасителя. Сосѣди въ коридорѣ тоже были у ней актеры, художники. Огромное окно выходило на храмъ. Кремль виднѣлся направо, Москва-рѣка, мостъ. Въ студіи у нея прохладно и «благолѣпно». Вотъ гдѣ не можетъ ужъ быть богемскаго безпорядка! Иконы въ углу, лампадка, деревянный столъ, русская скамья. Вышитыя полотенца, сѣраго сукна диванъ (Художественный театръ!). Фотографіи Станиславскаго, Немировича, Чехова. Много книгъ на полкахъ. Картины, рисунки современныхъ художниковъ — иногда и сосѣдей по перцовскому дому.

«Подъ образами» можно въ пять часовъ пить у ней чай, разговаривать — бесѣда всегда интересна, нѣчто горнее въ ней, какъ и въ самой хозяйкѣ. Скучно никогда не было, и плоско тоже никогда.

Въ долгихъ нашихъ, и ушедшихъ разговорахъ, театръ присутствовалъ неизмѣнно — главнѣйшее для нея. Говорила она медленно, ища словъ: старалась точно передать, что нужно. Закрывала глаза, бралась за виски, глуховато выцѣживала...

Радостно бесѣдовать съ *художникомъ*, съ тѣмъ, кто искусствомъ своимъ дышитъ, насквозь его

знаетъ и можетъ сказать живое (а значитъ, и новое: всегда живое есть новое). Надеждѣ Сергѣевнѣ съ годами тѣснѣе, неуютнѣе, становилось въ театрѣ. Terre à terre Станиславскаго, плотскость его, гоньба за «жизненными» мелочами, затрудняли. Хотѣлось большаго. Это не удавалось. И она много томилась.

— Онъ... великій актеръ, что тамъ говорить, и искатель... Ну, вы понимаете, этотъ человѣкъ въ вѣчномъ безпокойствѣ, вѣчно добивается... онъ не можетъ *просто такъ* сдѣлать... — она сжимала себѣ виски, разводила длинныя руки, какъ бы дорисовывая пальцами: ему надо наполнить... чтобы образъ весь налитой... и всѣ подробности... *свои*, созданныя.

Потомъ останавливалась, говорила еще тише и ужъ совсѣмъ ясно, даже легко:

— Но онъ не поэтъ. Поэзіи, духовнаго не чувствуетъ, для него этого нѣтъ, онъ весь, весь, тутъ... и литературы не чувствуетъ и многаго — высшаго — вовсе не знаетъ. Комедійный актеръ, не духовный...

Вотъ чего ей хотѣлось. Не нравились клистирныя трубки Мольера, смѣшныя штучки «кавалера» въ «Хозяйкѣ гостиницы». Античная трагедія, можетъ быть, Достоевскій, Шекспиръ, Кальдеронъ...

Для нея самой мало на сценѣ оказывалось подходящаго. Въ «Трехъ сестрахъ» была она одной изъ сестеръ, но надолго не удержалась — можетъ быть, изъ за росту (и большей силы, чѣмъ тамъ нужно было! Не тотъ темпераментъ,

не тотъ тонъ). Замѣчательно сыграла у Островскаго Манеѳу — («Идетъ Егоръ, съ высокихъ горъ...») — и тоже не совсѣмъ въ тонѣ спектакля. Дала гротескъ, силу подземную, дикую... вспомнила свой Саратовъ. Но инокинь, древнихъ царицъ, какъ и Федръ, Медей не было въ репертуарѣ. Играла она иногда страшныхъ старухъ — превосходно, но мало.

Театръ не совсѣмъ заполнялъ, не совсѣмъ радовалъ.

Было у ней и другое: женское сердце. Можно знать ея внѣшнее, роли, театръ, послужной списокъ. Чувствъ не узнаешь. Замкнута, запечатана. Лишь временами доходило дыханіе *того*, отъ всѣхъ скрытаго. Иногда особенный блескъ глазъ, иногда нѣкій стонъ...

Трудно объ этомъ говорить.

***

Подошла революція.

Въ театрѣ собирались ставить оперетку. Надежда Сергѣевна переѣхала изъ дома Перцова. Теперь была у ней квартира — небольшая, столь же чинная и поднебесная, только окна въ садъ выходили. Среди деревьевъ выступала церковка московская. Что то отъ келіи, монахини вошло, упрочилось здѣсь навсегда. Но съ великою нѣжностью сосѣдствовалъ и великій гнѣвъ. На слова скорби, бѣды могла отвѣчать она взглядомъ утѣшенія необычайнаго, ласки, любви. А когда зашла рѣчь о комиссарѣ, прежнемъ зна-

комомъ ея, завернулась въ платокъ, голову вдавила въ плечи, длинною рукою погрозила:

— Проклинаю! Проклинаю я его и всѣхъ ихъ!

И была похожа на боярыню Морозову, которую у Сурикова везутъ въ саняхъ въ ссылку, а она высохшею рукой, въ цѣпяхъ утверждаетъ двуперстіе. Трудно укрощать страсти. Смирилась ли она? Или такъ и ушла, раздираемая? Духовникъ только можетъ объ этомъ знать. А мы знаемъ другое, и удивляемся, напримѣръ, тому, какъ не засадили, не убили Надежду Сергѣевну, прямо въ лицо называвшую убійцами кого слѣдовало, не подававшую руку сановникамъ, на всѣхъ перекресткахъ громившую ихъ. Отъ нея не было пощады. (И теперь, когда нѣтъ ея, можно сказать: ей обязанъ жизнью видный бѣлый — нынѣ тоже умершій — у ней за ширмами чуть не мѣсяцъ скрывавшійся. Что-жъ, и чеку, и смерть встрѣтила бы она въ грозномъ спокойствіи). Многіе ея боялись. Нѣкоторые не любили — она стѣсняла. Но другіе преклонялись. Всегда вокругъ нея ютились нѣкія благоговѣйныя дѣвицы. Ихъ она пригрѣвала, одаряла чистотой своей и свѣтомъ. Занималась въ студіи, ставила пьесу Тагора, вдалекѣ отъ суеты, предпринимательства большой сцены. Театръ могъ быть ей близокъ теперь лишь какъ храмъ. — Лишь высочайшій звукъ могла она въ немъ допустить. И ужъ не ей, понятно, принимать участіе въ банкетѣ Луначарскому. (Давалъ Художественный театръ)...

Все больше отдавалась она Церкви. Православіе у ней было страстнымъ, прямымъ, аскетическимъ, мученическимъ. Она читала много Евангеліе, св. Отцовъ, молилась, постничала. Кіотъ надъ аналоемъ появился, вся квартирка стала похожа на церковь и внѣшне, да и внутренне, излученіемъ своимъ. Сама она какъ будто все росла, но и худѣла, и свѣтлѣла. Духовникъ ея былъ о. Медвѣдь, а потомъ перешла она къ извѣстному о. Алексѣю Мечеву.

Надежда Сергѣевна принадлежала къ нашему кругу, средне-интеллигентскому. Но вотъ не всѣ же въ немъ «рыхлые интеллигенты!». Ничего вялаго не было въ ней. Инокиня-актриса, праведница въ веригахъ на сценѣ: рѣдкая и яркая фигура, можетъ быть, слишкомъ для женщины сильная, обликъ Руси древней... — то, что можно еще въ жизни любить. И о чемъ вспомнишь почтительно.

Какъ многимъ праведницамъ, ей дана была смерть мучительная. Горловая чахотка заѣла ее. Но душевно сломить не могла (хоть и стенала Надежда Сергѣевна, и тосковала по человѣчески). Одна она не оставалась. Тѣ же преданныя дѣвицы смѣнялись у ея ложа.

Въ страшный морозъ, солнечный, съ жгучимъ вѣтромъ, шли мы за ея длиннымъ гробомъ. Москва замерзала и голодала. Надежда Сергѣевна не видала уже ея позора.

Предъ Художественнымъ театромъ, въ Камергерскомъ переулкѣ служилъ о. Алексѣй Мечевъ литію.

III.

„Мы, военные..."

ЗАПИСКИ ШЛЯПЫ

I.

Юнымъ студентомъ, обитая на Арбатѣ, проходилъ я нерѣдко по Знаменкѣ въ Румянцевскій музей, и на углу площади Арбатской, съ памятникомъ Гоголя, булочной Савостьянова и старинной церковкой, видѣлъ приземистое зданіе, двухъэтажное, съ колоннами, временъ начала XIX вѣка. Зналъ, что это Александровское военное училище, и былъ глубоко къ тому равнодушенъ. Училище и училище. Выпускаетъ пѣхотныхъ офицеровъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Меня интересуютъ книги и литература. Я всегда очень любилъ Москву. Меньше всего, однако, могли бы меня заинтересовать: лагеря на Ходынкѣ, кадетскій корпусъ въ Лефортовѣ, да училище на Знаменкѣ...

***

Лѣтомъ 1916 года призвали ратниковъ ополченія 2-го разряда.

Не желая итти на войну солдатомъ, я рѣшилъ поступить въ военное училище.

Странная была та осень въ деревнѣ — послѣдняя обычная, человѣческая. Вотъ запись о ней:

...«Березы Рытовки, и узенькая тропка, по которой выходили мы на зеленя, покой равнинъ, сѣрые вечера сентябрьскіе съ красной рябиной, зеркалами прудовъ, крикомъ совы и лиловой луной изъ-за лѣса — все осталось, какъ воспоминаніе прощальное и свѣтлое. Однажды, выходя изъ лѣса, набрели на гнѣздо птички, опустѣлое. Взяли съ собой. Сентиментальность? Но такъ захотѣлось. Пересѣкли межой поле, и внизу Притыкино, пруды и мельница, деревья парка. Колокольня мирно подымалась изъ ложбины. И спокойный, мягко сѣроватый ликъ небесъ, дымки надъ деревнями, дальній лепетъ молотилки, дальняя, какъ облачко, стая грачей, свивавшаяся, развивавшаяся надъ овинами, все ясное, родное... такъ пронзительно печальное, какъ будто мы навѣки съ нимъ прощались».

Навѣки не навѣки, но 1-го декабря подъѣзжалъ я, на извозчичьихъ санкахъ, въ новыхъ высокихъ сапогахъ, съ чемоданчикомъ, къ фронтону того самаго зданія на Знаменкѣ, мимо котораго высокомѣрно нѣкогда проходилъ. Попрощался съ женой у подъѣзда, и какъ снопъ былъ поданъ въ невѣдомый мнѣ, и казавшійся суровымъ, барабанъ. Десятки такихъ же сноповъ съ разныхъ концовъ Россіи и Москвы подавались въ тѣ же самыя двери, въ большинствѣ моло-

дежь. Но они были веселѣй, бурнѣй и беззаботнѣе меня.

Низкая прихожая, лѣстница наверхъ, огромные коридоры, огромныя, холодноватыя залы и дортуары. Вотъ насъ переодѣваютъ — въ цейхгаузѣ какой то бойкій типъ раздаетъ гимнастерки и шинели: вѣрнѣе, всѣ сами набрасываются на груду этого добра, онъ только наблюдаетъ. Скоро нѣчто мѣшкообразное, съ погонами, однако, оказывается на мнѣ. Я заранѣе наголо остриженъ, этотъ форменный нарядъ, высокіе сапоги, сразу меня топятъ: не чувствую себя прежнимъ. Что то случилось. Меня зачисляютъ во вторую роту. Я юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска. Долженъ маршировать, «строиться» къ обѣду, «строиться» на молитву, по трубѣ вставать... мнѣ должно бы быть не тридцать пять, а двадцать лѣтъ... И такъ далѣе.

Первый день было чувство, что просто попалъ въ тюрьму. Никто мнѣ ничего дурного не дѣлалъ. Но меня самого, *такого*, къ какому привыкъ, съ книгами, рукописями, медлительными прогулками — больше не существовало. Былъ юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска, и притомъ «шляпа»*). Шляпа, разумѣется, первосортная. Съ военной точки зрѣнія такое существо не радуетъ. Но и у шляпы есть душа, сердце, воображеніе. На-

*) Слово жаргонное. Означаетъ безнадежно «штатскаго» и нерасторопнаго человѣка.

примѣръ, лежитъ этотъ юнкеръ-шляпа впервые на своей койкѣ въ ротѣ. Огромная колонная зала. Холодновато, сумракъ. У столика дежурнаго маленькая лампочка — небольшое пятно свѣта. Въ аккуратныхъ станкахъ винтовки. Рядомъ, сбоку, насупротивъ храпятъ юноши — мой сосѣдъ, двадцатилѣтній Бартеневъ задуваетъ изо всѣхъ силъ (обычная его мольба впослѣдствіи: сразу же тормошить при утренней трубѣ, а то никакъ не проснется). Разъ, другой въ ночь войдетъ дежурный офицеръ, пройдетъ по ротѣ, съ дежурнымъ юнкеромъ при тесакѣ: провѣритъ все ли въ порядкѣ, правильно ли сложено платье у спящихъ (полагалось складывать его аккуратно, и перевязывать ременнымъ поясомъ, не туго, но и не слабо. Кое гдѣ офицеръ подымаетъ этотъ пакетикъ жалкій: «Велите подтянуть туже...» «Слушаюсь, ваше высокоблагородіе...»).

Шляпѣ не спится. Что такое? Гдѣ это онъ? Почему остриженъ, лежитъ въ холодной залѣ? Вотъ она, новая жизнь! Это только начало. Это еще «миръ», война впереди. Если миръ таковъ, что же самое то, «настоящее»?

И часы бѣгутъ, въ тоскѣ, одиночествѣ. Добѣгаютъ до какой то странной и даже таинственной минуты, когда сѣро-синеватая мгла въ окнахъ и вся пустынность колонной залы вдругъ разрывается отъ рева дикаго, неистоваго, — врядъ ли устояли бы и стѣны Іерихона! Половина шестого. Сигналъ къ жизни. Мощь его расчитана именно на Бартеневыхъ и имъ подобныхъ, на силу молодого сна.

Начинаютъ въ холодѣ копошиться фигуры. Зажигается свѣтъ. Одинъ за другимъ тянутся въ умывальную заспанные «извозчики» (первая, царская рота называется «жеребцы», мы, вторая, «извозчики»). А потомъ строятъ «къ чаю»; длинными, гулкими коридорами сходятъ роты одна за другой (ихъ у насъ двѣнадцать) — въ полумглѣ, въ начинающемся зимнемъ разсвѣтѣ внизъ въ огромную столовую, гдѣ молитва и чай съ булкою за деревянными столами, а тамъ вновь строятъ, вновь ведутъ — лекціи, строевыя занятія, гимнастика: машина заработала.

***

Мы, вновь прибывшіе, называемся «фараонами». Насъ надо обломать, хоть сколько нибудь привести въ военный видъ, и только тогда можно пустить въ отпускъ (мало ли опасностей на волѣ: а вдругъ встрѣтишь генерала, да не станешь во время во фронтъ, прозѣваешь рѣзваго капитана, только что вернувшагося съ фронта? Сядешь въ театрѣ, не спросясь у старшаго по чину офицера? Жизнь сложна). И вотъ, кто хочетъ въ субботу итти въ отпускъ, долженъ выдержать «экзаменъ чести». Это для шляпъ дѣло нелегкое. Казалось бы, не такъ уже хитро: бодро и весело подойти, остановиться, сдѣлать подъ козырекъ, отрапортовать, повернуться и отойти... Но это цѣлая наука! Элементы гимнастики (можетъ быть, и балета) входятъ сюда. И не мало надо попотѣть, прорепетировать со

своими же, прежде чѣмъ командиръ роты пропуститъ. Но тогда завоевано право отпуска, священное право, то, чѣмъ всѣ здѣсь дышатъ и о чемъ мечтаютъ старые и малые, простые юнкера и портупеи, шляпы и строевые орлы.

Кромѣ отпуска есть еще развлеченіе въ трудовой жизни: три раза въ недѣлю, съ пяти до семи, ждутъ насъ въ пріемной жены, сестры, друзья — къ намъ является уголокъ прежней, «милой» жизни. Но и въ залу эту, полную благожелательныхъ, веселыхъ лицъ со всяческими приношеніями (конфеты, пирожки, яблоки, мало ли чего можно натащить въ Москвѣ еще человѣкообразной) — къ нимъ туда не такъ то легко проникнуть. Нѣкіе Церберы стерегутъ. Надо пройти черезъ маленькую дежурную комнату и сдѣлать, казалось бы, простую вещь: подойти къ дежурному по училищу офицеру, взять подъ козырекъ и сказать, что юнкеръ такой то роты проситъ разрѣшенія пройти въ пріемную. Тутъ то вотъ и таятся для шляпы опасности. Обыкновенный юнкеръ войдетъ, быстро исполнитъ номеръ — и ужъ онъ среди болтающихъ и восхищающихся дамъ, барышень, невѣстъ. Шляпѣ грозятъ отовсюду опасности.

I. Распахнувъ дверь, съ перепугу онъ не замѣтитъ, сколько звѣздочекъ на погонѣ дежурнаго и на бѣду бахнетъ капитану:

— Господинъ поручикъ...

Или поручику:

— Господинъ капитанъ...

Но тогда дѣло предрѣшено:

— Кру-гомъ!

II. Или онъ разбѣжится и у самаго столика какъ вкопанный замретъ со своей сакраментальной фразой (а надо за два шага, до столика) и тогда опять:

— Кру-гомъ!

III. Или, въ ужасѣ, вмѣсто «въ пріемную» скажетъ: «въ отпускъ» и снова:

— Кру-гомъ!

Но жизнь научаетъ. Шляпѣ тоже вѣдь хочется повидать родныхъ. И онъ «ловчитъ»: заранѣе разузнаетъ, кто дежурный, и въ какомъ чинѣ, въ отворяющуюся дверь на глазъ размѣритъ, гдѣ сдѣлать балетное па — въ концѣ концовъ малые эти пустяки не остановятъ: въ пріемную всетаки прорвешься.

И какая радость — видѣть родное лицо, получить какія нибудь шоколадки... Когда человѣку живется туго, всякая малость такъ освѣжаетъ, такъ помогаетъ...

Но особенно, конечно, важенъ отпускъ.

Въ отпускъ идутъ по субботамъ — и лишь тѣ, кто за недѣлю чистъ и безупреченъ, преступленіями не замаранъ, репетиціи сдалъ. Послѣднее не такъ то легко. Въ четыре мѣсяца надо пройти двухлѣтній курсъ — хоть наскоро и съ сокращеніями — все таки трудно и въ днѣ нашемъ все разсчитано по минутамъ, до одиннадцати по вечерамъ мы зубримъ. (Помню одно свое пораженіе: двойку по топографіи — не туда какъ то заѣхалъ по картѣ. Ночь безъ сна, удвоенное зубренье, на другой день у того

же нѣмца двѣнадцать, и въ отпускъ всетаки ушелъ).

Часъ отпуска — часъ блаженный. Одѣваемся, чистимся, другъ другу оправляемъ пояса, складки шинели на спинѣ.

— Отпускные, стройся!

Выбѣгаемъ, толкаясь, какъ маленькіе, въ коридоръ. За нѣкую мзду типъ въ цейхгаузѣ выбралъ выходную шинель получше, обмѣнилъ прежнюю. То же и съ фуражкой. Сапоги вычищены, поясъ затянутъ, пряжка съ орломъ сіяетъ. Иногда стоимъ съ первой ротой, съ «жеребцами» — они по одной стѣнкѣ, мы по другой. Всѣ въ хорошемъ расположеніи духа. Пока не пришелъ офицеръ, развлекаемся, какъ умѣемъ. У насъ свои задиралы, у нихъ свои.

— И-го-го-го! — гогочетъ какой нибудь нашъ Гущинъ, румяный и веселый парень. — Го-го! — и дѣлаетъ видъ, что подымается на заднія ноги, скачетъ на одномъ мѣстѣ...

— Эй, извозчикъ, — кричитъ правофланговый жеребецъ: — въ Большой театръ, полтинникъ! Живо! Въ Оперу опоздали!

Гущинъ копытомъ роетъ землю.

— Т-с-съ!

Дежурный офицеръ. Все волшебно мѣняется. Ни жеребцовъ, ни извозчиковъ, замершіе, въ струнку, грудь впередъ, голова нѣсколько на отлетѣ, юнкера, — тѣ, что веселыми, молодыми тѣлами, дѣлаютъ во дворѣ ротное ученье, ходятъ за Дорогомилово въ походъ, маршируя бойко поютъ «Взвейтесь соколы орлами...»

Осмотръ опять касается того, все ли въ порядкѣ, туго ли стянуты пояса, всѣ ли пуговицы на мѣстѣ — Александровецъ долженъ быть въ отпуску на высотѣ своего училища.

И вотъ, хлопнула тяжелая входная дверь, заснѣженный тротуаръ, десятки молодыхъ лицъ, проѣзжающій Ванька (на этотъ разъ настоящій уже извозчикъ, а не символическій), Арбатская площадь въ сизости сумерекъ, галки на золотомъ крестѣ церковки.

Молодежь разбѣгается. Шляпа весело, но и осторожно идетъ къ себѣ на Арбатъ, норовитъ больше переулками. Того и гляди, изъ-за памятника Гоголя, въ сумеркахъ выскочитъ какой нибудь штабсъ-капитанъ, и ты во время не откозыряешь...

— А подать сюда Ляпкина-Тяпкина.

Или же другая крайность: вдругъ козырнешь земгусару (въ сумеркахъ всѣ кошки сѣры: генеральный штабъ, земскій союзъ... да не дай Богъ, еще гимназистъ взрослый пролетитъ на лихачѣ... Жутко подумать, если и ему честь отдашь).

Но впереди домъ, свой уголъ, жена, Арбатъ, что можетъ быть радостнѣй субботняго вечера!

II.

Да, блаженъ отпускъ, блаженъ вечеръ субботы. Въ двухъ комнаткахъ переулка у Пречистенки все кажется такъ свѣтло, чисто и уютно!

Пусть бы и не двѣ, а одна, но вотъ съ этимъ мирнымъ снѣгомъ за окномъ, съ вороной на дворѣ, смѣшно прыгающей около корки, съ кустикомъ, запушеннымъ бѣлымъ... Благовѣстъ церкви рядомъ — знаменитой пріютской Дурновскаго переулка — тоже особенный: милаго московскаго захолустья. (Тамъ замѣчательный хоръ, чудная служба. Если бы не усталость, хорошо бы по чуть протоптанной тропкѣ дойти ко всенощной).

Но никуда не пойдешь. Никакого желанія двигаться. Столько надвигался, столько напрыгался на параллеляхъ, набѣгался въ строевомъ ученіи — только-бъ лежать, пить чай, читать — самое большее газету, и чувствовать, что ни фельдфебель, ни дежурный офицеръ въ эту комнатку съ образами и мѣщанскими занавѣсками не войдутъ, не придется вскакивать, какъ угорѣлому и опять садиться по командѣ:

— Занимайтесь своимъ дѣломъ!

Здѣсь, если заглянетъ, то какая нибудь Аксинья или Матрена, полуотворитъ дверь, робко высунется: дома ли, молъ, баринъ? Самоварчика свѣженькаго не поставить-ли? Баринъ дома, онъ въ субботу всегда, безнадежно и какъ то райски дома... и безконечно можетъ распивать чаи. Ночью же будетъ, просыпаясь, бормотать спросонку:

— Встать! Смирно! На первый-второй расчитай-сь!

Но уже воскресный день — иной. Вечеромъ надо уходить. Горизонтъ мирнаго утра съ кала-

чемъ, бубликомъ, свѣжимъ масломъ омраченъ дальней тучей. Ее почти не видать, но она надвигается — медленно, неотвратимо. До завтрака большая часть неба свѣтла. «Мы», здѣшніе, — изъ Дурновскаго, еще въ большинствѣ. Съ двухъ-трехъ часовъ перевѣсъ получаютъ «они»: военная машина на Знаменкѣ, предъ которой мы ничто.

Къ девяти надо возвращаться. Тутъ все точно, очень строго. Если опоздалъ хотя бы на нѣсколько минутъ, мѣсяцъ безъ отпуска. Такъ что держи ухо востро! И держали. Лишь самые отчаянные являлись къ третьему звонку. Шляпы забирались раньше. Шляпа грустно появляется у колоннъ фасада, часовъ въ восемь съ чѣмъ-нибудь, и простившись съ другомъ, ныряетъ въ знакомыя, на блокѣ, двери.

Въ передней свѣтло. Дожидаются нѣсколько юнкеровъ.

— Кто нынче дежурный?

— Капитанъ Тимохинъ.

Ладно. Хоть и изъ «Войны и Мира», да зато навѣрно знаешь, что ужъ капитанъ. И черезъ двѣ минуты, въ дежурной комнатѣ, вытянувшись предъ Тимохинымъ, вовсе на толстовскаго непохожимъ, гаркнетъ шляпа:

— Господинъ капитанъ, юнкеръ второй роты пятнадцатаго ускореннаго выпуска изъ отпуска прибылъ!

«Прибылъ!» Какое важное событіе. Прибываютъ цари, президенты... Скромный-же воинъ, столь торжественно прибывшій, полутемной лѣ-

стницей взбѣгаетъ во второй этажъ, пустыннымъ, гулкимъ коридоромъ идетъ къ себѣ въ колонную — «извозчицкую». Койки еще пусты. Темно, холодно. Лишь въ глубинѣ, у столика дежурнаго, лампочка подъ темнымъ абажуромъ (бѣдняга цѣлый день сидѣлъ тутъ, сторожилъ стѣны и винтовки — дежурство его выпало на субботу).

— Ну, вотъ, — говоритъ онъ, зѣвая, — распишитесь. Хорошо погуляли?

***

Мѣняется жизнь, но мѣняется и человѣкъ. Каждая утренняя труба, каждое умыванье на холодѣ, каждый обѣдъ внизу въ столовой какъ то его мѣняютъ. Черезъ кобылу, конечно, до гробовой доски шляпа не перепрыгнетъ, и въ строю его фигура не изъ блестящихъ (портупеемъ никогда не быть), но въ предѣлахъ шляпскихъ своихъ возможностей онъ пообтесывается и привыкаетъ. Учится хорошо. Устаетъ сильно. Тѣломъ похудѣлъ, подтянулся, живетъ изо дня въ день, почти безъ думъ, едва поспѣвая за непрерывнымъ, неустаннымъ ходомъ жизни. Есть въ его монашеско-военномъ бытіи малыя радости и кромѣ отпуска: время отъ половины пятаго до четверти шестого. Тутъ имѣетъ онъ право растянуться у себя на койкѣ, пожевать шоколадку, принесенную женой, и блаженно, съ дѣтской простотой на нѣсколько минутъ выйти изъ условій жизни — зачерпнуть иного міра,

тоже безсвязнаго, но отъ барабана далекаго... Именно нѣсколько минутъ. Та же труба, что зоветъ къ суду утромъ, такъ же разрываетъ уши ревомъ въ неизмѣнную минуту. Перемиріе окончено. До трубы можно лежать не вставая, хоть бы самъ батальонный вошелъ. Теперь надо вставать, хотя въ ротѣ и никого нѣтъ.

Да и не очень належишься. Раза два въ недѣлю репетиціи. Днемъ на лекціяхъ, готовиться можно лишь по вечерамъ — и до одиннадцати клонятся стриженыя юнкерскія головы надъ учебниками.

Самое страшное въ пѣхотѣ — артиллерія, въ Александровскомъ пѣхотномъ артиллерійскій полковникъ Александеръ: живой, бодрый пятидесятилѣтній человѣкъ, бодростью-то и нагоняющій на юнкеровъ ужасъ.

— Юнкеръ, чѣмъ-же пушка отличается отъ гаубицы?

Ему почти весело, онъ того гляди захохочетъ, а пѣхотинецъ помалкиваетъ.

— А какова траэкторія?..

Юнкеръ краснѣетъ. Полковникъ-же чувствуетъ себя превосходно.

— Юнкеръ, если не умѣете говорить, можетъ быть, намъ споете?

Юнкеръ и пѣть не умѣетъ. Юнкеръ не знаетъ ничего и о взрывчатыхъ веществахъ...

— Слѣдующій!

Полковникъ совсѣмъ развеселился. Радостно ставитъ ноль. (Страннымъ образомъ, шляпѣ именно у него и повезло: получилъ двѣнадцать,

очень рѣдкій баллъ. Друзья-извозчики устроили ему овацію. И онъ ощущалъ славу болѣе, чѣмъ выходя на вызовы въ театрѣ Корша, на премьерѣ пьесы).

Зато ученѣйшій и старенькій генералъ по фортификаціи, кротостью больше походившій на монаха, подвергался беззастѣнчивымъ жульничествамъ. Правда, предметъ его трудный. Хорошо ему, старичку въ золотыхъ погонахъ зигзагами, всю жизнь рисовавшему разные брустверы да блиндажи: онъ то ихъ наизусть помнитъ, вѣроятно, во снѣ способенъ изобразить какое нибудь «укрытіе». А мы только укрываемся отъ разныхъ репетицій... — да и вообще развѣ можно такую науку, инженерно-строительную, усвоить въ четыре мѣсяца?

Выходъ простой: самопомощь. Пока генералъ грустно объясняетъ что-то слабымъ, какъ у ветхаго священника, голосомъ юнкеру у одной доски, къ другимъ доскамъ, гдѣ томятся два другихъ юнкера, летятъ подкрѣпленія: выдранныя странички изъ лекцій.

— Господа, прошу потише!

Бываетъ такъ, что стрѣла съ подкрѣпленіемъ упадетъ у самыхъ ногъ генерала, или онъ обернется въ ту минуту, когда юнкеръ Гущинъ вслухъ читаетъ безтолковому юнкеру Гундасову страницу учебника.

— Па-а-громче! Не слыш-но! Па-жалуйста, па-а-громче!

Генералъ страдальчески вздыхаетъ.

— Господа, я принужденъ буду налагать взысканіе...

Всѣ вытягиваются, лица безпредѣльно постны, добродѣтельны. Ни въ какія генеральскія взысканія никто не вѣритъ. Но конецъ странички Гущинъ черезъ нѣсколько минутъ читаетъ, все-же, тише.

— Па-а-громче! — слышится отъ доски.

— Пажа-луйста, па-а-громче!

* * *

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ», пѣли въ церквахъ: «возсія мірови свѣтъ разу-ума». Юнкеровъ распустили на три дня. Въ Дурновскомъ была елочка. Мы съ нѣкою грустью прятались за ней отъ будущаго — фронта, невдали ужъ рисовавшагося, всѣхъ раскатовъ, ужасовъ войны. Но многаго не понимали и не различали еще въ жизни. Міръ-же все не понималъ «свѣта разума», вѣрнѣе, отъ него отрекался. Тѣ-же бойни шли, и сама родина наша, сама Россія и Москва близились къ страшному рубежу.

Новый годъ встрѣчали у друзей, въ роскошной квартирѣ близъ Мясницкой. Ужинъ былъ мало похожъ на юнкерскіе. Воронежская хозяйка, тяжелаго купеческаго рода, блеснула жемчугами, угощеніемъ. Хрусталь сервировки, цвѣты, индѣйка, мороженое, шампанское, полякъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ, дамы въ бальномъ, мужчины въ смокингахъ... — прежній русскій міръ точно давалъ послѣднее свое представленіе: спектакль передъ закрытіемъ сезона.

Кромѣ пріятеля моего, хозяина — европейскаго приватъ-доцента государственнаго права — помню другого приватъ-доцента, анархическаго, помню еще кой-кого изъ всѣмъ извѣстныхъ московско-россійскихъ фигуръ. Но вотъ запомнился больше другихъ въ тотъ вечеръ Кокошкинъ, можетъ быть, и потому, что не сразу меня узналъ.

— Боже мой, вы... стриженый, въ этой странной на васъ формѣ...

Кокошкинъ былъ надушенъ, элегантенъ, кончики его усовъ, вздымавшихся полукружіями, слегка покачивались, когда нѣжнѣйшимъ платочкомъ проводилъ онъ по нимъ. (Эти усы помню еще съ университета, студентомъ, когда у него держалъ экзамены). Кокошкинъ остался все тотъ-же, такой-же культурно-нарядный, такой-же московскій «кадетъ», интеллигентъ, способный, кромѣ государственнаго права, поговорить и о музыкѣ, о Вячеславѣ Ивановѣ.

Говорили, конечно, много о войнѣ. Розовый докторъ Блюмъ, съ серебряной шевелюрой, бодрый, веселый, все и всѣхъ знающій, явился поздно. Блестя глазами черносливными, вкусно выпилъ водки, закусилъ икрой, обтеръ салфеткой усъ съ капелькою растаявшаго снѣга. Наливая вторую рюмку, благодушно кивнулъ мнѣ и черезъ столъ чокнулся.

— Ура! За армію и за побѣду до конца!

Опрокинулъ рюмку, проглотилъ, и засмѣялся такъ раскатисто и весело, точно побѣдить было

ему нисколько не труднѣй, чѣмъ выпить эту водку.

— У меня самыя свѣжія новости. Да, мы были на волоскѣ, едва не заключили мира. Не забывайте, что императрица и вся партія ея... нѣмецкой оріентаціи... Сепаратный миръ, а? Какъ это вамъ понравится?

Онъ обвелъ всѣхъ взглядомъ ласково-побѣдоноснымъ.

— Сепаратный миръ, когда Германія и до весны не продержится!

— А *вы* долго будете держаться? — спросилъ кто-то.

— Да, но позвольте, вамъ извѣстно, сколько теперь вырабатываютъ въ день шрапнелей на заводахъ?

Поднялся споръ. Блюмъ такъ распоряжался шрапнелями и пулеметами, точно они лежали у него въ карманѣ.

Въ двѣнадцать часовъ, разумѣется, чокались, пили шампанское (за побѣду, за скорый миръ, за всеобщее счастье — мало-ли за что можно пить въ веселую минуту, за обѣденнымъ столомъ, при яркомъ свѣтѣ, хрусталѣ, дамахъ, цвѣтахъ?). Было шумно, и какъ всегда подъ Новый годъ грустно-весело. Все-же, шла война. (За «сѣрыхъ героевъ» тоже, конечно, выпили). Не всѣ были такъ радостно-самоувѣрены, какъ Блюмъ. Кой у кого сжималось, все-же, сердце, смутнымъ, и волнующимъ щемленіемъ.

...Мы вышли поздно. По Москвѣ морозной, цѣпенѣющей отъ холода, мчалъ насъ лихачъ въ

Дурновскій. Знакомыя созвѣздія неслись надъ головой, въ узкихъ, знакомыхъ улицахъ. На Лубянской площади у костра грѣлись извозчики. Думали-ль мы тогда, *чѣмъ* будетъ впослѣдствіи это мѣсто, этотъ домъ Страхового Общества?

Небо, да тайна были надъ нами въ канунъ года, такъ шумно встрѣченнаго. Года, разбившаго наши жизни, залившаго Москву кровью. А Кокошкина, съ его надушенными усами, приведшаго къ кончинѣ мученической.

III.

Перваго февраля 1917 г. старшая половина нашей роты вышла въ прапорщики. Мы съ завистью смотрѣли, какъ въ колонную нашу залу натаскивали свѣжую обмундировку, офицерскія шашки, фуражки, какъ вчерашніе сотоварищи надѣвали болѣе элегантные сапоги, получали великолѣпные револьверы-кольты. И неукоснительно, по движенію стрѣлки произошла перемѣна: дружески съ нами попрощавшись, обратившись въ чистенькихъ, иногда даже изящныхъ прапорщиковъ, внезапно исчезли. На ихъ мѣсто, въ тотъ-же часъ появились «фараоны», вполнѣ еще шляпы, такіе-же, какъ мы были два мѣсяца назадъ, наполовину въ штатскомъ, растерянные, робѣющіе. Нельзя сказать, чтобы мы ихъ цукали. Но даже шляпы декабрьскія все-же смотрѣли на февральскихъ нѣсколько сверху внизъ. Ихъ такъ-же, какъ и

насъ готовили къ экзамену чести. Какъ «опытные» строевики, мы снисходительно давали имъ совѣты, учили, обдергивали топорщившіяся гимнастерки, заправляли пояса подъ хлястики шинелей. Вообще, чувствовали себя господами.

Лично я, впрочемъ, въ эти недѣли потерпѣлъ жестокое пораженіе. Хорошимъ строевикомъ не былъ никогда, все-таки, на третьемъ мѣсяцѣ юнкерства, казалось бы, долженъ былъ кое что смыслить въ командованіи. Курсовые офицеры знали, что я писатель. Нѣкоторые относились ко мнѣ съ подчеркнутой любезностью. Эта любезность однажды меня и погубила. Обычно вечеромъ роту расчитывали или фельдфебель (юнкеръ-же), или портупей — юноши изъ самыхъ ловкихъ, залихватскихъ, смѣлыхъ. Поручикъ Н., желая оказать мнѣ вниманіе, стоя передъ фронтомъ роты, вдругъ вызвалъ меня.

— Ну-ка, расчитайте роту!

Подъ свѣтомъ неяркихъ лампъ шеренга юношей — многіе среди нихъ пріятели, съ которыми вмѣстѣ разбирали и чистили винтовки, другіе — робкія новыя шляпы, еще неподтянутыя и мѣшковатыя. Расчетъ роты производился каждый вечеръ. Всѣ команды какъ будто знакомы:

— Рота смир-но!

Это-то я зналъ навѣрно. Фараоны съ благоговѣйнымъ ужасомъ подтянулись. Рота дѣйствительно затихла, обратилась въ молодую, живую и неподвижную изгородь.

— На первый второй расчитайсь!

Тоже не плохо.

Какъ въ заводной игрушкѣ головы поворачивались слѣва направо, и эта волна быстро, легко бѣжала съ одного фланга къ другому. Теперь надо раздвинуть взводы, вздвоить ряды, сдѣлать еще какія-то мелочи, повернуть направо и колонной двинуть внизъ, въ столовую.

Что со мной сдѣлалось? Очень простая вещь. Я скомандовалъ такъ, точно-бы самъ находился *въ строю,* а не *передъ строемъ.* И все вышло наоборотъ, какъ въ зеркалѣ. Команда магическое слово. Съ ней не спорятъ и ее не обсуждаютъ. Взводы покорно исполнили, что имъ было приказано: фараоны съ окаменѣлыми лицами полѣзли другъ на друга, плечо на плечо: вмѣсто того, чтобы раздвинуть роту, образовавъ промежутки, я обратилъ ее въ безсмысленную кашу. Сразу все пропало! Погибла стройная фаланга, исчезъ ритмъ ея и эластичность. «Не такъ... что вы дѣлаете!» зашептали изъ строя пріятели. Фараоны испуганно смотрѣли во всѣ глаза: можетъ, это они еще напутали... Офицеръ поправилъ меня. Но уже все было потеряно. Растерявшись, я и вновь неправильно скомандовалъ, опять вышла какая то чепуха... Нѣтъ, подъ несчастной звѣздой все затѣялось. Остальное Н. командовалъ уже самъ.

* *
*

Наступили морозы. Какіе холода выпали на начало 1917-го года! Стекла нашей роты промерзли, «паръ отъ дыханья волнами ходилъ»,

мучительно — умываться въ шесть часовъ при такой стужѣ. И именно тутъ мы ходили въ походы. Въ своемъ родѣ это и интересно. Съ ранняго утра возимся съ винтовками, одѣваемся потеплѣе — башлыки, шерстяныя варежки, прилаживаемъ сумки съ патронами, веселой колонной выходимъ на Знаменку, разсыпаемся длинной шеренгой. Настоящій офицеръ, правильно командующій, строитъ насъ въ походную колонну, и мы трогаемся. То-ли въ Хамовники, то-ли за Дорогомилово. Быстрая ходьба разогрѣваетъ. А тамъ изъ дымнаго тумана означится краснѣющее надъ Москвой солнце, и покажется, что теплѣй, и московскій снѣгъ, промерзшій и пѣвучій, скрипитъ подъ сотнями молодыхъ ногъ. Похоже на прогулку, на какую-то игру. Прохожіе оглядываются сочувственно. На какомъ нибудь углу поджидаютъ — кого жена, кого сестра, невѣста. Машутъ платочками, смѣются: эти привѣты дорогихъ и близкихъ всегда въ нашемъ положеніи такъ радостны!

— Взвейтесь соколы орла-ами, полно горе горевать...

Наша рота пѣвучая. Какіе-бы мы ни были «извозчики», но поемъ, дѣйствительно, хорошо, и «жеребцы» намъ завидуютъ. А подъ пѣсню, даже на морозѣ, идти легче. По правдѣ-же говоря, длинный походъ не такъ особенно и легокъ: трудно съ винтовками. Идти намъ нуж-

но стройно и красиво («бравые александровцы»), а для этого штыки должны торчать стойкомъ и весело позванивать иногда, задѣвая одинъ за другой. Нельзя винтовку просто положить на плечо: и безобразно будетъ, и того гляди выколешь глаза кому нибудь. Значитъ, вся тяжесть винтовки на ладони, въ которую упирается ложе, а штыкъ въ небѣ. Рука устаетъ. И очень устаетъ. Правда, мы научились и ловчить: приноровишь петельку шинели, и обопрешь на нее ложе. А рукой держишь только для декораціи.

За городомъ разсыпаніе въ цѣпи, перебѣжки, атаки, все это уже настоящій спортъ, игра. По легкомыслію-ли, по могучей-ли, таинственной жизненности, вся эта молодежь, и даже шляпы не первой молодости, какъ-то забывали на пустыряхъ Хамовниковъ, на искрящемся снѣгомъ полѣ предъ видомъ Воробьевыхъ горъ, куполовъ Новодѣвичьяго, *что это за игра,* къ чему, собственно, готовимся. Перебѣгали, залегали, хохотали въ снѣгу... А тайными путями Провидѣнія въ тѣ самые дни нарастали событія, долженствовавшія все перевернуть.

Съ какого-то дня, все-же, морозы прекратились.

Походы стали еще легче. И теперь ходили мы больше за Дорогомилово, подъ Фили — знаменитые Фили 12-го года съ Наполеономъ, Кутузовымъ, побѣдоноснымъ нашимъ отступленіемъ. Тутъ уже, въ снѣгахъ лощинъ, лѣсочковъ, деревушекъ, сразу чувствовалась весна, и нерѣдко

теперь, съ рѣзкимъ переломомъ погоды, легкія, прозрачныя облачка вѣялись по голубому небу, шоссе вдругъ темнѣло, рыжѣло, грачи появились... Какъ весело, и радостно забиваться гурьбою въ деревенскій трактиръ — съ разрумяненными лицами, широко дыщащей грудью: пить изъ пузатыхъ чайниковъ чай съ калачами, закусывать немудрящей колбасой — игра и охота продолжались передъ самыми «событіями».

***

«Скажи-ка дя-дя вѣ-ѣдь не даромъ,
Москва спале-спаленная пожаромъ,
Французу отдана... Французу отдана».

Мы шли Арбатомъ, возвращаясь въ училище. Роту велъ красивый прапорщикъ Николай Сергѣичъ.

— Ать-два, ать-два — по временамъ онъ обертывался и шагалъ спиной впередъ, на легкихъ, молодыхъ ногахъ. Въ первомъ ряду четыре портупей-юнкера маршировали рѣзво — высоко, точно держа винтовки — узкой лентой колыхалась дальше рота, звякали штыки, отблескивая солнцемъ. Оттепельный, свѣтлый день! Ноги шлепали по шоколадному, съ голубыми лужами снѣгу Арбата. На углу Серебрянаго Николай Сергѣичъ отдалъ честь женѣ моей, поджидавше нашъ проходъ, и шагавшей потомъ рядомъ съ нами по тротуару... (пріятели мои уже знали ее, и тоже кланялись изъ строя: вещь не совсѣмъ законная, но сходившая съ рукъ).

На Арбатской площади мы немножко задержались: наперерѣзъ неслась пара въ дышло. Снѣгъ и грязь летѣли изъ подъ лошадей, кучеръ воздымался истуканомъ. Мелькнула полость, сани полицеймейстерскія съ высоченной спинкой, генералъ въ сѣрой мерлушковой шапкѣ, съ золотымъ перекрещеніемъ на ней. Лицо его тоже пронеслось видѣніемъ мгновеннымъ... — но что-то было въ немъ особенное, совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Не знаю, какъ, откуда къ намъ проникло *это*. Но лишь мы раздѣлись, придя въ роту, изъ устъ въ уста побѣжало:

— Въ Петербургѣ возстаніе!

Сразу все измѣнилось. То-есть, по видимости было прежнее, машина шла, но безумное волненіе охватило всѣхъ сразу, и шляпъ, и портупеевъ, офицеровъ курсовыхъ и батальонныхъ, поваровъ и генераловъ. Выдержка скрывала еще новое — но не надолго...

Въ городѣ что-то происходило. Проходили по Знаменкѣ кучки солдатъ, штатскіе, дамы, иногда намъ махали съ тротуаровъ, кричали. Мы выставили караулъ у входа. Насъ никуда не выпускали.

Если не ошибаюсь, этотъ день еще прошелъ спокойно. Утромъ слѣдующаго меня вызвали съ лекціи внизъ въ пріемную — необычайный случай: съ лекціи и въ неурочный часъ... Тамъ ждалъ родственникъ, профессоръ медицинскій, съ зеленымъ отъ волненія лицомъ.

— Въ Петербургѣ вчера убитъ Юра...

Простъ, и страшенъ былъ разсказъ. Я его выслушалъ. Я его, кажется, и безсмысленно, сразу окоченѣвъ, выслушалъ. И потомъ все пошло призрачно. Сквозь туманъ прощался съ родственникомъ, вернулся на лекцію — на лекцію-то все-таки вернулся. Да немного изъ нея вынесъ.

— Что съ вами? — шептали сосѣди.

Юра былъ мой племянникъ. Полковникъ что-то дочитывалъ. Я сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Въ ушахъ слова о статьяхъ полевого устава. Въ темнотѣ съ радужными криками — мальчикъ, на моихъ глазахъ родившійся, на моихъ глазахъ выросшій — изящный, скромный рыцарь. Только что кончилъ Павловское училище. Вышелъ въ Измайловскій полкъ. 27 февраля былъ дежурнымъ въ полку — вотъ онъ въ снаряженіи, ремняхъ, съ револьверомъ и шашкой, юношески стройный, съ карими, веселыми, смѣшливыми глазами... Петя Ростовъ?

Когда чернь ворвалась во дворъ казармъ, онъ *одинъ* загородилъ дорогу. На предложенье сдаться, отвѣчалъ отказомъ... такъ-бы и Петя поступилъ. И тотчасъ палъ.

Началась «безкровная», «великая безкровная» — судъ надъ всѣми нами, съ непонятною таинственностью начавшій съ самыхъ юныхъ и невинныхъ: ими сердца наши разившій.

***

Юра палъ какъ рыцарь, какъ военный. Самодержавный строй, его жизнью расплачивавшійся, самъ валился стремительно — никто его не защищалъ. Къ вечеру войска двинулись въ Москвѣ на площадь передъ Думою (кажется, присягать Временному Правительству). Въ нашемъ училищѣ электрически пронеслось и установилось такое душенастроеніе: противъ большевиковъ и *за* Временное Правительство. За самодержавіе никого, или почти никого, изъ юнкеровъ и молодыхъ офицеровъ. Старые — другое дѣло.

Часовъ въ шесть была сдѣлана, по приказу Мрозовскаго, командующаго войсками округа, послѣдняя попытка борьбы. Насъ выстроили въ ротахъ, роздали винтовки, боевые патроны. Стало извѣстно, что поведутъ «усмирять». Молніей пронеслось:

— Въ народъ стрѣлять не будемъ!

Тѣ часы въ памяти остались огненными. Въ головѣ вертѣлась гибель и кровь Юры, предстоящая кровь, неизвѣстность, мучительная тоска, невозможность стрѣлять и возможность быть сзади разстрѣляннымъ изъ пулеметовъ за отказъ повиноваться, ненависть къ убійцамъ въ Петербургѣ, и нежеланіе проливать кровь *не*-убійцъ (какъ намъ тогда казалось).

Тотъ самый офицеръ, что подвелъ меня своею любезностью въ мирное (казавшееся столь далекимъ!) время, въ боевомъ снаряженіи вышелъ передъ фронтъ нашей роты. Рота уже не стояла

такъ «смирно», какъ тогда. Подъ свѣтомъ лампъ штыки нервно покачивались у примкнутыхъ къ плечамъ винтовокъ. Онъ объяснилъ, куда идемъ.

Что-то задышало, заволновалось, начались «шевеленія»... глухія слова, сначала неясныя. Потомъ кто-то крикнулъ:

— Не будемъ стрѣлять!

— Юнкеръ, вы въ строю...

— Мы не будемъ стрѣлять, господинъ поручикъ, закричали съ разныхъ сторонъ.

Офицеръ еще сильнѣе поблѣднѣлъ.

— А вы знаете, что Москва на военномъ положеніи, и что бываетъ за ослушаніе...

Но ужъ не могъ сопротивляться онъ той бурѣ, что неслась одновременно, электрически, по *всѣмъ* ротамъ. Строй потерялся. Штыки звякали, всѣ кругомъ говорили. Взволнованныя, раскраснѣвшіяся лица...

— Послать узнать въ другія роты...

Въ величайшемъ волненіи самъ офицеръ ушелъ. Мы остались стоять. Что то рѣшалось, колебалось въ старыхъ стѣнахъ училища, съ портретами государей, полководцевъ на стѣнахъ... Какія-то стѣны падали.

Черезъ часъ намъ велѣли разоблачиться. Никуда мы не вышли.

Въ такомъ настроеніи наши двѣнадцать ротъ не выведешь.

IV.

...На улицу насъ такъ и не пустили, чтобы не подвергать опасностямъ. Попрежнему въ передней стоялъ караулъ. На противоположномъ тротуарѣ толклись любопытные, студенты, дамы. Махали намъ, какъ бы насъ звали. Лекцiи и занятiя все-же шли. Вернувшись съ ротнаго ученiя встрѣтилъ я въ колонной залѣ юнкера Гущина. Веселый юнкеръ, со штыкомъ у пояса, на ходу крикнулъ:

— Сейчасъ на улицу вашей супругѣ салютовали!

— Какъ такъ?

— А вонъ, взгляните...

У окна толпились юнкера. Махали носовыми платками, одинъ кричалъ что то въ форточку.

— Она спрашивала, — объяснилъ Гущинъ, — живы-ли вы, и какъ здоровье. Ну, вотъ ей и отвѣтили...

Особенную извѣстность жена моя получила въ эти дни за то, что первая дала знать въ училище объ арестѣ командующаго войсками (ген. Мрозовскаго). Въ прiемную къ ней меня не пустили. Но въ бутербродахъ ухитрилась она передать мнѣ записку о Мрозовскомъ — это произвело у насъ огромнѣйшее впечатлѣнiе. Въ знакъ благодарности, юнкера вывѣшивали ей теперь бюллетени о моемъ состоянiи.

Подойдя, увидѣлъ я на оконномъ стеклѣ, приклеенный, огромный листъ бумаги. На немъ усердно, крупно было выведено:

— Боря здоровъ.

***

Не долго продолжался нашъ нейтралитетъ. Тотъ самый вѣтеръ, что перебуровилъ всю Россію, проникъ и сюда. Само начальство наше перешло подъ власть Временнаго Правительства.

Всѣ помнятъ эти дни — ощущеніе стихіи надвигающейся, все сметающей. Мнѣ же особенно врѣзался одинъ вечеръ въ училищѣ, первый послѣ паденія самодержавія. Обычно, при расчетѣ роты, шеренга «извозчиковъ» пѣла «Боже, Царя храни!». Офицеры и фельдфебеля держали подъ козырекъ, всѣ мы тянулись во фронтъ. Это считалось минутой торжественной.

Наступила она и въ тотъ день. Когда надо было взять дружно, хоромъ — раздалось всего два-три неувѣренныхъ голоса, по привычкѣ.

— Отставить, сказалъ высокій, худой ротный нашъ, съ сѣдиною, при Георгіи. Всѣ замолчали. Странная, невеселая минута! Одиноко, мы стояли. Сумерки наступали. Гдѣ то вдали играла музыка. Екатерина, во весь ростъ, смотрѣла съ овальнаго портрета въ глубинѣ залы. Александръ, насупротивъ, выставлялъ бѣлыя лосины, зачесанные височки. Николай скакалъ на конѣ. Гимна не пѣли.

Высокій ротный, съ сѣдиной и плѣшью, отиралъ платочкомъ слезы.

**
*

А на другой день юнкера весело выбѣгали на мокрую, въ мартовскомъ солнцѣ улицу, мѣсили сырой снѣгъ, прыгали черезъ лужи — бѣжали въ отпускъ. И старый ротный, старый гимнъ, все это позади. Улицы бурлятъ народомъ, еще радостнымъ и оживленнымъ. Разочарованій еще нѣтъ. Медовый мѣсяцъ. Что же говорить, большинство нашихъ нацѣпили красные банты: Временное Правительство, какъ ни какъ, изъ революціи вѣдь родилось. И всѣ близкіе — жены, сестры, матери — приблизительно такъ чувствовали.

Но дисциплину мы сохраняли. Помню, встрѣтилъ я на Пречистенскомъ старичка-генерала, худенькаго, съ красными лампасами, въ кованыхъ калошахъ. Онъ старательно обходилъ лужу на тротуарѣ. Бравый александровецъ, хоть и съ краснымъ бантомъ, сталъ, разумѣется, передъ нимъ во фронтъ, да такъ ловко, что треть лужи выплеснулъ на генералово пальто. Старичекъ горестно махнулъ рукой:

— Эхъ, юнкеръ, юнкеръ...

**
*

Новая жизнь началась и у насъ, въ старомъ, вѣковомъ дворцѣ на Знаменкѣ. Новая жизнь, съ революціей пришедшая, состояла въ томъ, что прежній, грозно-крѣпкій строй вдругъ обратился въ нѣкій призракъ. О, мы вели себя благо-

пристойно, съ внѣшней стороны машина будто бы и двигалась. Но въ самомъ этомъ движеніи появилась нѣкая фальшь. Не было ощущенія власти, неотвратимой силы, прежде смалывавшей... надо просто признать: лично, *для каждаго*, стало въ училищѣ *легче*. (И если такъ произошло съ нами, то что же стало съ солдатами! Какъ же *имъ* было не хотѣть революціи!).

И начальство перемѣнилось. Какъ не инымъ можетъ стать начальство, когда сразу же роты выбрали свои комитеты, и уполномоченные эти въ любое время могли докладывать старику-генералу, начальнику училища, о своихъ нуждахъ. Царство шляпъ начиналось. О, если бы я хотѣлъ выплыть, время подошло. Но и безъ всякаго моего желанія, только за то, что я писатель и шляпа, выбрали меня и въ ротный комитетъ и потомъ въ комитетъ семи отъ всего училища — мы вошли въ Совѣтъ Солдатскихъ и Офицерскихъ депутатовъ Москвы. Много интереснѣй, разумѣется, было засѣдать, вмѣсто лекцій, въ какой нибудь *для насъ отведенной* аудиторіи, или ѣхать въ Политехническій музей на общее собраніе Совѣта. Или итти депутаціей къ нашему генералу, просить о какихъ нибудь послабленіяхъ (о «подтягиваніи» никогда мы не просили) — и при всей внѣшней почтительности нашей все же генералъ смущался... и никакъ не могъ взять тона: что мы, подчиненные его, или онъ намъ въ чемъ то уже подчиненъ? Мы старались, разумѣется, быть мягче и приличнѣе, но за спиной нашей «ловчилы» уже

дѣйствовали: старый, тяжеловѣсный и суровый строй военный отступалъ.

Попрежнему ходили мы въ походы, были даже на парадѣ на Красной площади, попрежнему учились стрѣльбѣ въ тирѣ и разбирали проклятый пулеметъ (понять устройство коего невозможно). Но все это было наполовину игра, «нарочно».

* * *

Важное, или важнымъ лишь кажущееся, надвигалось такъ же неотвратимо, какъ въ свое время минута погруженія въ училище.

...Послѣдніе дни нашей жизни на Знаменкѣ были легки, нѣсколько и лѣнивы, занятны. Помню московскую весну, свѣтъ, лужи, огромный офицерскій магазинъ на Воздвиженкѣ, куда ходили мы примѣрять новенькіе фрэнчи, фуражки съ офицерской кокардой, шинели. А потомъ все это волокли къ намъ въ роту. Лекціи уже окончились, мы валялись по койкамъ, вновь мѣрили, охорашивались, сравнивали револьверы, пробовали лезвея шашекъ — возрастъ нашъ сразу понижался до полуребяческаго, несмотря ни на какіе погоны. Въ эти же дни шло медленное, но тоже непрерывное возвращеніе къ жизни обычной: точно бы просыпался послѣ четырехмѣсячнаго сна съ удивительными сновидѣніями (команды, марши, трубы, походы...). Въ эти свѣтлые весенніе дни, лежа на своей койкѣ, опять я читалъ, какъ обычный человѣкъ и истин-

ная шляпа, нѣчто глубоко-невоенное, совершенно здѣсь неподходящее, что, однако, уводило въ нѣкій иной, романтическій міръ: «Воображаемые портреты» Уольтера Патера (въ переводѣ Павла Муратова) — и свѣтлый опалъ съ нѣжнымъ сиреневымъ оттѣнкомъ дней московскихъ, дней весеннихъ, сливался съ обликами Ватто, пейзажами дальняго Оксерра. Эта смѣсь поэзіи и странной жизни вокругъ и тогда волновала и теперь о ней вспоминаешь съ удивленнымъ чувствомъ.

1-го апрѣля обратились мы въ нарядныхъ прапорщиковъ арміи, дни которой и вообще то были сочтены. Обнимались, прощались весело и грустно. Выходили всѣ въ разные полки. Будущее было загадочно и неясно — судьба наша недостовѣрна. И дѣйствительно, вѣеромъ разнесло насъ, кого куда. Изъ всѣхъ полутораста своихъ сотоварищей по ротѣ лишь одного довелось встрѣтить мнѣ за пятнадцать лѣтъ.

...На моихъ новенькихъ погонахъ стояла цифра 192 — запасный пѣхотный полкъ Московскаго гарнизона.

Офицеры

(1917)

I.

...Казармы — вблизи Сухаревки. Огромный дворъ, трехъэтажные корпуса, солдаты, слоняющіеся безъ толку, — кое гдѣ вялый подпоручикъ строитъ взводъ, пытается заняться ученіемъ. Офицеры, изрѣдка пересѣкающіе дворъ,— больше въ канцелярію или въ столовую. Ненужное, скучное, безтолковое... пока еще мирное, но уже въ себѣ искры таящее. Такой же сумбуръ и снаружи, вокругъ знаменитой башни Сухаревской, пристанища чернокнижника Брюса. Базаръ, суета, солдаты, квасъ, палатки, сѣмячки.

Вернувшись изъ деревни, надѣваю парадную форму, со всѣми портупеями и крестообразными ремнями, чищусь, подтягиваюсь, отправляюсь представляться полковому командиру.

Часамъ къ десяти собираемся мы, пять-шесть прапорщиковъ, въ небольшой комнатѣ, свѣтлой, носящей еще слѣды старой, налаженной жизни — пріемная полкового командира. Скоро вышелъ

и онъ. Мы вытянулись, поочередно представились... Вспоминая лысаго старичка съ большимъ лбомъ, вижу его какъ бы на сценѣ: не то изъ «Трехъ сестеръ», не то изъ другой чеховской вещи. Во всякомъ случаѣ, это чеховскій человѣкъ. Онъ радостно, какъ роднымъ и близкимъ, пожималъ намъ руки. Кажется, это былъ генералъ-маіоръ, съ сѣдыми бачками, въ сюртукѣ съ эполетами, и съ красными лампасами (теперь иногда такихъ показываютъ въ русскихъ фильмахъ).

— Александровскаго училища? Такъ, такъ-съ, прекрасно. Отличное заведеніе... Надѣюсь, будемъ въ согласіи работать. Времена трудныя, господа, вы сами понимаете, требующія особеннаго такта, осмотрительности...

Изъ окна виденъ дворъ. Солдаты шляются по немъ, иногда въ обнимку, другіе висятъ на подоконникахъ, курятъ, плюютъ, лущатъ сѣмячки. Такой же дворъ, вѣроятно, былъ и въ Измайловскомъ полку, когда туда ворвались (тоже лущившіе сѣмячки) и убили Юру. Мы многое понимаемъ и безъ старенькаго генерала.

Онъ отпустилъ насъ съ лучшими пожеланіями. Понимаю его. Въ нашемъ обликѣ, тонѣ, почтительности, чувствовалъ уголокъ своего. Мы не обидимъ. Не нагрубимъ — тонкая пленочка, еще отдѣляющая его отъ сѣмячекъ.

Возвращаясь домой, остановился я на Сухаревкѣ, ждалъ трамвая. Въ сутолокѣ базара случайно взглянулъ на лотокъ, гдѣ лежали разныя мелкія вещи: гребни, шкатулки, бусы. Среди

нихъ небольшая деревянная икона, безъ оклада, стариннаго письма. Въ серединѣ Ангелъ-хранитель, въ бѣломъ съ золотомъ, съ округлымъ, чуть припухлымъ ликомъ рублевскаго типа. Слѣва Николай Мирликійскій, справа св. Татіана. (Рѣдкая по сюжету композиція 17 вѣка).

Татьяна, это Пушкинъ, Москва. Имя моей матери, моей сестры, съ дѣтства какъ бы священное. На перекресткѣ жизни, въ нищетѣ и убожествѣ сухаревскаго рынка предстала мнѣ св. Великомученица.

...Черезъ нѣсколько минутъ я везъ икону, тщательно завернутую, къ себѣ на Долгоруковскую. И она вошла въ домъ мой въ первые мѣсяцы страстей Россіи.

***

Такъ началась въ Москвѣ офицерская моя жизнь. На юнкерскую вовсе непохожая. Тамъ напряженность, дисциплина, трудъ, здѣсь распущенность и грустная ненужность. Война еще гремѣла. На Западѣ принимала даже характеръ апокалиптическій. У насъ вырождалась. Мы уже не могли воевать, мы — толпа. Это чувствовалось и въ тылу. Въ Москвѣ тоже дѣлали видъ, что живутъ, обучаютъ солдатъ и къ чему-то готовятся. Въ дѣйствительности же...

Я поселился въ особнякѣ у друзей. Старинный купеческій домъ, фасадомъ на Сущевскую, дворомъ на Долгоруковскую. У меня отличная комната. Для работы огромный кабинетъ, ря-

домъ пустая зала, по которой взадъ-впередъ можно ходить безъ устали. Блистающій паркетъ, фанера на стѣнахъ, лукутинскія табакерки и коробки, жара, солнце и пыльная улица за окномъ съ церковью Казанской Божіей Матери (гдѣ нѣкогда я вѣнчался).

Служба... Состояла она въ томъ, что по утрамъ надо ѣхать въ казармы. Тамъ рѣшительно нечего дѣлать, при всемъ желаніи. Бездѣльничали и солдаты, и офицеры. Смыслъ поѣздокъ этихъ только тотъ, что въ полдень въ офицерскомъ собраніи, тамъ же въ казармахъ мы и завтракали. А послѣ завтрака Сухаревка, трамвай, и къ себѣ на Сущевскую.

Но однихъ сутокъ все-таки и мнѣ не забыть: меня назначили дежурнымъ по полку. Опять снаряженіе, ремни, портупеи, теперь и заряженный револьверъ. Весь полкъ на твоей отвѣтственности... А ужъ какой это теперь полкъ!

Около полудня спустился я съ какой-то лѣстницы во дворъ казармъ. Къ великому моему удивленію, тамъ стоялъ хорошо построенный взводъ, со старымъ фельдфебелемъ. Къ моему окончательному изумленію, при моемъ появленіи взводъ взялъ на-караулъ — винтовки тяжело, но правильно взлетѣли, штыки блеснули — военный театръ перваго сорта. И на привѣтствіе мое караулъ отвѣтилъ совсѣмъ по старорежимному:

— Здравія желаемъ, господинъ прапорщикъ!

Начался «день въ караульномъ помѣщеніи»...

Что я тамъ дѣлалъ? Въ своемъ вооруженіи («до зубовъ»), сидѣлъ въ нечистой комнатѣ съ

клеенчатымъ диваномъ, у столика. Подписывалъ какія-то бумажки, пилъ чай. Безсмысленно смотрѣлъ на приходившихъ, спрашивавшихъ, можно ли послать ефрейтора туда-то, дѣлать то-то, разрѣшить отпускъ тому-то, сдѣлать то-то на кухнѣ. Если бы былъ властолюбивъ, вѣроятно, все запрещалъ бы. Но я взялъ иную линію: все можно. Если угодно, это линія отчаянія: ни въ одномъ распоряженіи своемъ я не могъ уловить смысла. Что надо дѣлать въ кухнѣ? Какъ поступить съ ефрейторомъ Ничипоренко?

Ночью «камера» моя обратилась просто въ полицейскій участокъ. Безпрерывно ловили на Сухаревкѣ дезертировъ, жуликовъ, воровъ, — передъ столикомъ моимъ проходили типы съ чужими сапогами подъ мышкой, кое-кто уже съ синяками, какіе-то мальчишки, солдаты съ фантастическими документами... Царь Соломонъ, разрѣши, кого куда? Въ преддверіе Ада, или въ нижніе круги?

Меня выручилъ тотъ же фельдфебель, что утромъ такъ отлично отсалютовалъ. Я его взялъ на ночь «техническимъ экспертомъ».

— Этого сукина сына, ваше благородіе, — шепталъ экспертъ, — прямо на гауптвахту.

— У того съ заячьей губой документъ отберемъ.

Вводятъ лохматую «косую сажень» съ подбитымъ глазомъ, растерзаннаго, въ солдатской фуражкѣ: стащилъ чуть ли не тюфякъ.

— Энтого, ваше благородіе, прикажите въ комиссаріатъ...

Часамъ къ тремъ ночи въ окнѣ блѣдно-зеленѣетъ. Выхожу на дворъ, курю. Нѣжное предутреннее небо, тающій, знакомый узоръ милыхъ звѣздъ, таинственныя дуновенія ночныя. Сладокъ дымъ папиросы на чистомъ воздухѣ, іюньской ночью! Неужели я писалъ когда-то книги? Неужели и сейчасъ въ столѣ на Сущевской лежитъ начатая рукопись: «Голубая звѣзда»?

Опять ведутъ дезертира. Этотъ, пожалуй, укралъ всю полковую кухню? Папироса докурена. Начинается судъ. Клеенчатый диванъ, спертый воздухъ, нечистота... Нѣтъ, всю жизнь прослужилъ я въ полицейскомъ участкѣ.

***

Все-таки, нѣкоторые полки уходили на фронтъ. Какъ, кому удавалось уговаривать на это странное предпріятіе? Но сами мы съ женой провожали 193-й пѣхотный на Днѣстръ. Съ нимъ уѣзжалъ пасынокъ мой, прапорщикъ Алеша С., (впослѣдствіи большевиками разстрѣлянный).

...Знойный, блестящій день, платформа гдѣ-то у Ходынки, товарный поѣздъ съ вагономъ второго класса для офицеровъ. Толпа солдатъ, съ гиканьемъ, пѣснями валитъ въ вагоны. Круглое, въ пенснэ, лицо Алеши, нервно смѣющагося, бѣгающаго по платформѣ, на ходу цѣлующаго руки матери.

— Ты, мама, не волнуйся... Какая теперь война, просто сидѣніе въ окопахъ...

Ни одна мама міра не утѣшится такими утѣшеньями — да станутъ ли ее и спрашивать? Идетъ стихія, буря, судьбы россійскія рѣшаются — приходится тащить таинственные жребіи. Мать дала ему на войну иконку — Николая Чудотворца — да по-женски плакала, когда уходилъ поѣздъ, весь въ сѣрыхъ шинеляхъ... и оркестръ игралъ:

«По улицамъ ходила
Большая крокодила...»

О, знаменитая музыка революціи. Блоку мерещившаяся — Большая крокодила...

Юношеское лицо въ пенснэ, конечно, въ слезахъ, виднѣлось изъ окна вагона. Бѣлый платочекъ, да вѣтеръ, да солнце. — Скоро и мой чередъ.

II.

...Въ концѣ мая 192-й пѣхотный полкъ выступилъ въ лагерь. Май стоялъ чудесный. Солнце, тепло, сады московскіе залились зеленью... Кое какъ выстроили полкъ, даже музыка появилась, пѣсенники. Офицеры въ снаряженіи — черезъ всю Москву повели мы своихъ сѣрыхъ героевъ на зеленую дачу. Не такъ много въ строю ихъ и было: остальные предпочитали слоняться по городу, вечерами флиртовать въ Александровскомъ саду. Да и тѣ, кто шли, дѣлали намъ великое одолженіе: въ сущности, съ полудороги

(если бы надоѣло), могли они разбѣжаться вполнѣ безнаказанно: намъ бы оставалось лишь доказывать имъ, что въ лагерѣ лучше, чѣмъ въ казармахъ.

Впрочемъ, и дѣйствительно лучше. Ходынскій лагерь очень пріятенъ. Слѣва Петровскій паркъ, весь свѣжій и густой, крѣпкозеленый. Прямо — Москва съ золотымъ куполомъ Христа Спасителя, знаменитое поле, нѣкогда трагическое, а теперь мирное, поросшее травкой — тропинки по немъ протоптаны солдатами. Лагерь окопанъ канавой — это опушка лѣса, и всѣ палатки подъ деревьями. Похоже на дачное мѣсто для военныхъ. Роты размѣщаются по участкамъ. Пріѣзжаютъ кухни, обозы, начинается извѣчное военное хозяйство.

Намъ, троимъ младшимъ офицерамъ роты, отвели небольшой домикъ. Мы тамъ устраиваемся «приблизительно»: лишь толстый немолодой прапорщикъ, латвійскаго происхожденія, будетъ здѣсь ночевать: а мы каждый вечеръ домой.

Ротный Л. у насъ милѣйшій. По профессіи пѣвецъ, съ недурнымъ баритономъ и лѣвыхъ устремленій — эсеръ. Но не шляпа. Высокій и стройный, веселый, отлично командуетъ, вѣритъ въ республику и побѣду соединенныхъ армій. Вѣритъ, что нравственнымъ вліяніемъ можно поддержать дисциплину и въ наше время.

— Работать надо, господа, дѣло дѣлать, а не опускать носы. Только этимъ мы и сможемъ одолѣть анархію и большевизмъ. Вотъ, вы, напримѣръ, (обращаясь ко мнѣ): вы писатель, надо

завести собесѣдованія съ солдатами, объяснять имъ необходимость войны до побѣднаго конца, чтобы они, знаете-ли, поняли ту высокую цѣль, изъ-за которой мы боремся... подумать только: германскій имперіализмъ! Ну, да что мнѣ васъ учить, сами найдете нужныя слова.

Грѣхъ мой состоялъ въ томъ, что тогда я писалъ для одного издательства брошюру о необходимости войны «до побѣднаго конца». Л. зналъ объ этомъ. И считалъ меня самымъ подходящимъ для такихъ бесѣдъ.

Мы ихъ устроили. Тутъ же, подъ березами и осинками лагеря. Никакъ это не походило на митинги, скорѣе на семинары. О войнѣ говорили, но мало: тема быстро исчерпалась. Разговоръ же шелъ, и оживленно — о деревнѣ, жизни, о литературѣ. Кое что я имъ читалъ: Толстого, Гаршина. Не знаю, имѣло ли это смыслъ и достигало ли какой нибудь цѣли. Но въ памяти остались нѣкоторыя солнечныя утра на Ходынкѣ, десятка два-три молодыхъ солдатъ, сидящихъ и полулежащихъ на травѣ, чтенія наши и разговоры. Нѣкоторые изъ солдатъ глядѣли со вниманіемъ и любопытствомъ. Нѣкоторые, казалось мнѣ, даже съ сочувствіемъ. Трудно опредѣлить, какимъ кажешься. Приблизительно такъ представляю себѣ ихъ впечатлѣнія:

— Разумѣется, дѣло баринъ, и въ свою сторону гнетъ. Книжки читалъ, разсказываетъ по печатному.

Вмѣшивается пожилой ефрейторъ.

— Теперь прапорщикъ пошелъ лядащій. Одна видимость. Бывало какъ Михаилъ Михайлычъ выскочитъ, да какъ гаркнетъ: вы что тутъ, сукины дѣти, лежебоки прохлаждаетесь — даже въ середкѣ похолодѣетъ. Это были военные люди...

— Теперь, дядя, другія времена. Слабода!

Ефрейторъ крутитъ цыгарку.

— А коли слабода, такъ на кой хрѣнъ мы тутъ? Война-война, до побѣднаго конца... Я, братцы мои, порядки знаю, Перемышль бралъ, въ руку раненъ. Да. А съ такими кобелями какъ вы какое мы войско? Насъ нѣмецкія бабы въ плѣнъ возьмутъ.

Пристаетъ рыжій большевикъ, съ веснусчатымъ лицомъ.

— Вы, товарищъ, не сознательный... Это, конечно, прапорщикъ, какъ онъ помѣщичій сынъ, то о войнѣ и разсуждаетъ по буржуйски. А насъ, ежели на фронтъ пошлютъ, мы тотчасъ братаніе въ окопахъ устроимъ...

— Гаврюха, ты куда мою рубаху повѣсилъ?

— И даже ничего ее не трогалъ...

— Вотъ сукинъ котъ! А мнѣ вечеромъ въ городъ.

Ефрейторская цыгарка ѣдко курится. По Ходынкѣ, въ лѣтнемъ зноѣ, вяло бредутъ нѣсколько солдатъ. Здѣсь, въ тѣни, и то жарковато.

— До побѣднаго конца! Какіе теперь ахвицеры!

**
*

Я зналъ, что еще въ мартѣ были предприняты шаги для перевода моего въ артиллерію. Куда то жена ѣздила со знаменитымъ москвичемъ, что то налаживала, хлопотала. Но шли мѣсяцы, не было ни отвѣта ни привѣта. Войска же понемногу шли на фронтъ. Нашъ чередъ приближался.

Ротный Л. вызвалъ насъ троихъ въ канцелярію.

— Господа, завтра смотръ. Пріѣзжаетъ командующій войсками, все какъ полагается. Прошу показать роту нашу образцово... и вообще — онъ улыбнулся: не ночующимъ въ лагерѣ — не опоздать! Да, трудное время (онъ напустилъ на свое худощавое, бритое лицо серьезное выраженіе): но упорство, и культурная, демократическая работа въ арміи, преодолѣютъ анархію. Твердо вѣрю! Надѣюсь на васъ, господа. Надѣюсь.

Мы поклонились. Черезъ четверть часа ротный плескался въ умывальникѣ, пріятнымъ баритономъ напѣвалъ:

— О, дайте, дайте мнѣ свободу, я свой позоръ сумѣю ис-ку-пи-ить, верну я че-есть свою и славу! И Ру-усь отъ недру-говъ спа-су!

Можетъ быть, и взаправду, командуя своей ротой расчитывалъ веселый Л. спасти Россію, какъ, можетъ быть, мечталъ о томъ же и Верховскій, молодой генералъ, тоже изъ эсэровъ, командующій войсками округа.

«Кто штыкъ точилъ ворча сердито»... — намъ бородинскаго сраженія не предстояло, и штыка

я не точилъ, все-таки шашку съ вечера осмотрѣлъ — главное: легко-ли вынимается изъ ноженъ. И опять, не для того, чтобы рубить головы, а чтобы салютовать авантюристу Верховскому.

Всталъ на другой день пораньше, пріодѣлся, и въ седьмомъ часу ждалъ на перекресткѣ Бутырокъ трамвая къ «Трухмальнымъ». Все прошло правильно. Пріѣхалъ загодя — видѣлъ свѣжій, зеленый утренній лагерь (по правдѣ сказать — впервые такъ рано). Л. былъ нервенъ, оживленъ. Даже кого то распекалъ, съ театральными переливами баритона. Солдаты тоже подтягивались. Смотръ — это большое развлеченіе.

Что, послѣ Толстого, скажешь объ этомъ военномъ зрѣлищѣ? Откуда взять Кутузовыхъ, Багратіоновъ, Ростовыхъ, Болконскихъ? И «сѣрые герои» наши — не павлоградцы и не апшеронцы: всетаки, сколько могли, мы выстроили ихъ, по опушкѣ вдоль лагеря. Какъ водится, долго стояли «вольно», а потомъ увидали группу всадниковъ, на рысяхъ шедшихъ къ намъ по Ходынкѣ (Наполеонъ! Александръ!). До Александра далеко, всего на всего Верховскій съ штабомъ. Заиграла музыка, полкъ взялъ на караулъ. Нашъ лысый старичекъ, въ мундирѣ, орденахъ, трепеща рапортовалъ командующему. Бѣдный, трепеталъ только онъ одинъ. Солдаты равнодушно зѣвали. (Замѣчательно, что еще удосужились взять на караулъ: вѣроятно, потому, что командующій тоже дѣлилъ землю).

Верховскій, фатоватый, театральный, явно кокетничавшій передъ героями, покачивался на сѣдлѣ высокой, худой кобылы. «Я человѣкъ новый, энергическій, я этихъ протухшихъ генераловъ подтяну...»

Съ нашимъ генераломъ былъ небреженъ, просто грубъ. Ѣхалъ вдоль фронта рысцой, а полковой командиръ почти бѣжалъ за нимъ, по жарѣ, пыли, бросалъ короткія, надменныя замѣчанія. (И верхомъ то ѣхалъ, только чтобы унизить старика, обливавшагося потомъ. Отлично могъ пройтись пѣшкомъ, да и лучше разглядѣлъ бы солдатъ). Кончилось же все митингомъ, какъ полагается. Для такого случая соблаговолилъ Верховскій даже слѣзть съ лошади. Взобрался на какой то столъ, или пустую бочку и началъ ораторствовать.

Апшеронцы и павлоградцы побросали винтовки, сбились въ кучу вокругъ «товарища командующаго». Рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ выкликалъ онъ знакомые шаблоны.

Вечеромъ большевики устроили свой митингъ. Тамъ ужъ не стѣснялись.

⁂

Итакъ, полкъ нашъ считается готовымъ. Не сегодня, завтра чудо-богатыри съ «желѣзными» офицерами выступятъ... мокренько останется отъ австрійцевъ при одномъ нашемъ приближеніи.

...Сѣренькимъ іюньскимъ утромъ подали мнѣ на Сущевской пакетъ-распоряженіе штаба ок-

руга. Прапорщикъ 192-го полка такой-то переводится въ Первую Запасную Артиллерійскую бригаду.

Съ этой бумагой поѣхалъ я въ полкъ. Дождичекъ покрапалъ на Ходынкѣ, завѣшивая дали легкой сѣткой. Березы вкусно пахли. Солдаты попрятались. Вблизи ротной канцеляріи попался Л. Увидѣвъ меня, улыбнулся.

Васъ отчислили. Въ артиллерію.

— Вотъ, только что получилъ назначеніе.

— Что же, поздравляю. А знаете, нашъ полкъ завтра выступаетъ. Вамъ повезло.

И протянулъ приказъ: дѣйствительно, на завтра 192-му уходить на позиціи.

«Повезло!» Да, конечно. Это судьба, называется. Въ книгѣ ея было записано, что такому то прапорщику - шляпѣ, *не* воевать. Такъ и вышло. И потому за него хлопотали, и мѣсяцы пролежало все безъ движенія, въ нужную же минуту таинственная рука протянулась...

— Не ѣхать.

Всетаки было смутное чувство. Точно бы я все подстроилъ. Пошелъ къ себѣ въ домикъ, гдѣ стояли походныя наши постели, прощаться съ латышемъ и К. — Они тоже меня поздравляли. И тоже, какъ Л., не совсѣмъ искренно.

За походной постелью, памятью Александровскаго училища, собирался пріѣхать на извозчикѣ... Да пока собирался, и полкъ ушелъ. А постель, разумѣется, стащили.

III.

...Нѣкогда слушалъ я лекціи въ Горномъ Институтѣ, теперь это пригодилось. Въ прошломъ студентъ высшей технической школы: явно, быть ему въ артиллеріи. Пусть отъ всей горной мудрости осталось только то, что кристаллографію понять нельзя. Все таки, для военнаго начальства я бывшій техникъ. Значитъ — первая запасная артиллерійская бригада.

Ея казармы недалеко отъ Ходынки. Но все здѣсь иное. Въ лагерѣ зелень, природа, нѣкоторая улыбка. Казармы — какъ бы военный поселокъ. Фабрика и казармы ярчайшіе облики некрасоты міра (впрочемъ еще: больницы, тюрьмы).

Если бы наши казармы обнести стѣной, была бы типическая тюрьма — красные корпуса съ запасными окнами, съ грязью на дворѣ, лѣнивымъ движеніемъ фургоновъ, подводъ, солдатъ съ верховыми лошадьми въ поводу. Но въ тюрьмѣ долженъ быть порядокъ. Мы же — въ священно - освободительной анархіи. Наша жизнь прямое продолженіе Сухаревки.

Собираемся въ десятомъ часу въ офицерской комнатѣ. Здороваемся. Пьемъ чай. (Нѣкіе солдаты, денщикообразнаго состоянія, еще подаютъ его). Читаемъ газеты. Мухи жужжатъ на грязныхъ окнахъ, ползаютъ по грязной скатерти. Если отворить дверь въ коридоръ, тамъ шмыгаютъ

писаря съ разными записками, бумажками для канцелярій.

— Прапорщикъ, читали, что въ Петербургѣ дѣлается?

— Да, бо́льшевички работаютъ.

— Погодите, скоро и у насъ начнется.

Но у насъ, собственно, начинался только въ полдень завтракъ: разумнѣйшая часть программы. Завтракъ тоже казарменный, скучный, но питательный. Бѣлобрысые типы подаютъ тарелки щей, вареную говядину... Клеенка въ хлѣбныхъ крошкахъ, въ кругообразныхъ подтекахъ щей подъ тарелками.

— Поручикъ, передайте, пожалуйста, горчицу.

— Я бы этихъ большевицкихъ болтуновъ давно перевѣшалъ.

Толстый, неповоротливый прапорщикъ настроенъ грозно. Успѣлъ ли бы онъ?... Похоже, что его предупредили бы въ этомъ намѣреніи.

* * *

Пріятно-дѣтская сторона новой жизни: форма. Она элегантнѣй. Вмѣсто тяжелой шашки кортикъ. На ногахъ краги. Главное же шпоры!.. Лѣтній московскій вечеръ. Выходишь изъ квартиры на Сущевской, идешь по Долгоруковской въ Литературный Кружокъ. Въ лѣтней полумглѣ зеркальныя окна, тихая библіотека, веранда, востряковскій садъ, столиками уставленный, зелень. Сиренево-зеленоватая ночь спускающаяся.

На верандѣ картежники. Пріятенъ свѣтъ свѣчей подъ колпачками! Въ саду фонарики — похоже на какой то лѣтній праздникъ. Боскеты (фантастическіе въ ночномъ свѣтѣ), листья, мелкій гравій, олеандры въ кадкахъ.

Знакомыхъ въ Москвѣ много. Шпоры позвякиваютъ. Голубыя звѣзды въ небѣ. Холодная бутылка бѣлаго вина. Какъ далеко это отъ Александровскаго училища!

***

Все таки, начинается и вновь ученіе. Для пяти-шести прапорщиковъ изъ пѣхоты устроены занятія. Раза три въ недѣлю поручикъ N. водитъ къ орудіямъ — въ поле, за казармы. Пушки глядятъ на Ходынку. Изъ Петровскаго парка тянетъ свѣжестью лѣса, полей. N. объясняетъ устройство затвора, пріемы наводки. При всей своей шляпности слушаю съ интересомъ. Нѣчто добропорядочное, прочное, въ стройной, слегка полной — несмотря на молодость — фигурѣ N. Бѣднаго нѣтъ уже въ живыхъ. И его и двух его братьевъ, должно быть, такихъ же прямыхъ и славныхъ юношей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разстрѣляли большевики.

Обучали насъ и верховой ѣздѣ. Я съ дѣтства хорошо ѣздилъ — теперь считалъ эту науку скучноватой. Все таки, для порядка приходилось дѣлать круги рысью на нескладной артиллерійской лошади.

Съ верховою ѣздою связано и рѣшающее событіе «военной» моей жизни.

Вотъ о немъ воображаемая запись:

12 іюля. Въ понедѣльникъ назначенъ подъ Архангельское съ солдатами и лошадьми батареи въ ночное. Когда то, ребенкомъ, занимался этимъ. Что же, пусть и взрослымъ... Во всякомъ случаѣ, прогулка верхомъ за двѣнадцать верстъ, ночь въ палаткѣ, бивуакъ, природа. Ничего дурного не вижу. Получше одѣться. Взять книгу. Что именно? Марка Аврелія, «Размышленія». Всегда любилъ.

15 іюля. Оказалось даже лучше, чѣмъ предполагалъ. Въ три явился въ бригаду — въ шинели, снаряженіи, на этотъ разъ даже съ шашкой. Вотъ теперь со шпорами надо осторожнѣй — съ непривычки можно раздражать ими зря лошадь. Ординарецъ привелъ вороную высокую кобылу. Рысь у нея рѣдкая, грубоватая, но неплохая. Тронули сразу полнымъ ходомъ. Хорошія мѣста. Подмосковныя. Лѣса, долины, извивы Москва-рѣки. Не зря баре наши любили этотъ край. Ихъ слѣды остались: Архангельское, Ильинское, дальше, къ Звенигороду имѣніе графа Гудовича. Тутъ и дороги хорошія, и деревни зажиточныя. Солнце, пріятный вечеръ. Наливающіеся овсы, кое гдѣ рожь убираютъ уже — что можетъ быть лучше крестцовъ ея въ полѣ, возовъ поскрипывающихъ, загорѣлыхъ дѣвокъ и бабъ, подъ вечернимъ солнцемъ, при небѣ стеклянно-голубомъ надъ синимъ лѣсомъ?

Жарковато одѣтъ: подъ шинель уговорили надѣть кожаную куртку — ночи, молъ, холодны. Очень распарился.

...Черезъ часъ пріѣхали. Все прошло благополучно. Шпоры не мѣшали (не забыть, съ дѣтства, покойнаго отца наставленія въ ѣздѣ: «Береги носки! Опять носки врозь!»). Да, тутъ ужъ настоящій бивуакъ, не Ходынка. Сосновый лѣсъ. въ немъ палатки, костеръ, кухня, фуры... Сквозь деревья видна луговина, тамъ пасутся стреноженныя лошади. Вѣрно, гдѣ нибудь и въ Галиціи такъ же, только впереди окопы. У меня отдѣльная палатка — маленькая, но пріятная. Постель походная, все какъ слѣдуетъ. Въ чемъ же моя служба? Кажется въ томъ, чтобы просто *присутствовать*. «Стѣснять собою солдатъ». Вѣрный ли это расчетъ? Богъ знаетъ. Онъ основанъ на томъ, что у пожилыхъ ефрейторовъ, фельдфебелей сохранилось еще нѣкое отношеніе къ погонамъ.

— Все таки, неловко при прапорщикѣ...

Могъ ли я что нибудь приказать? Настоять, заставить сдѣлать? Forse che si, forse che no. Къ счастію, ничего и не приходилось приказывать. Солдаты приглядывали за лошадьми, подбрасывали въ огонь еловыхъ шишекъ, кипятили воду на котелкѣ. Когда солнце закраснѣло у горизонта, спѣли хоромъ. У меня съ ними такія отношенія: пассажиры одного и того же поѣзда. Другъ съ другомъ довольно любезны — и безразлич-

ны. Въ одномъ вагонѣ проведемъ ночь, утромъ, въ Саратовѣ, выйдемъ на станцію, чтобы никогда больше не встрѣтиться.

Пока было свѣтло, читалъ, сидя на пенечкѣ, своего Марка Аврелія. «Судьба загадочна, слава недостовѣрна»... Писано это тоже въ палаткѣ, въ какой нибудь дикой Панноніи, Дакіи. И какъ волнуютъ слова, двѣ тысячи лѣтъ назадъ нацарапанныя холоднымъ зимнимъ вечеромъ, при свѣтѣ факела... Слово, великое наше слово!

На закатѣ вышелъ на лугъ. Туманъ по немъ зароился. Красная заря гасла надъ Архангельскимъ. Недалеко Барвиха, гдѣ случалось бывать ранѣе.

Долго сидѣлъ на поваленномъ деревѣ. Туманъ все бѣлѣе стелился. Лошади въ немъ позвякивали бубенцами. Такъ вотъ будешь скоро сидѣть гдѣ нибудь на Днѣстрѣ, и ждать смерти. «Судьба загадочна»... И одиноко человѣку передъ вѣчными звѣздами, въ невѣрныхъ испареніяхъ родной земли. Думаешь о близкихъ и любимыхъ, одиночество еще острѣе.

...Все что то холодно. Слишкомъ распарился въ дорогѣ, вотъ и прохватываетъ. И въ палаткѣ легъ, укрылся, а согрѣться не могу. Удивительный воздухъ! Лѣсъ, хвоя, такой чистѣйшій смоляной настой... Волненіе — поэтическое, радостно-грустное, мѣшаетъ спать. Раза два встаю, въ шинели выхожу изъ палатки. Солдаты спятъ. Костеръ догораетъ. Теперь, съ пофыркиваніемъ

лошадей въ темнотѣ, за кругомъ свѣта, озаряющаго лишь недальнія деревья, да фургонъ, да храпящихъ — весь бивуакъ нашъ, подъ чернымъ шатромъ сосенъ, похожъ и на привалъ разбойниковъ. Только не хватаетъ землянки Дубровскаго.

Сквозь просвѣтъ деревъ въ небѣ звѣзды — милыя мои...

20 іюля. Нынче утро провели у орудія. N. разбиралъ затворъ. Нездоровится. Кашляю. Порядочный вѣтеръ. Кашель мѣшаетъ сосредоточиться.

23 іюля. Кашляю, голова болитъ.

25 іюля. Пріѣхала жена изъ деревни. Видъ у меня мерзѣйшій. Кашляю и хриплю такъ, точно въ груди плохой граммофонъ.

26 іюля. Вотъ она и поэзія, и лѣсъ, и Маркъ Аврелій. Зря надѣлъ кожаную куртку, только распарился и ночью промерзъ. Кашляю уже кровью. Докторъ выслушалъ — воспаленіе легкихъ, гриппозное и сильнѣйшее, запущенное. Лежу весь въ компрессѣ. Противно, но тепло. Близкіе, разумѣется, въ ужасѣ. Особенно кровь ихъ пугаетъ. Но врачъ объяснилъ: при воспаленіи легкихъ всегда такъ. Полагается.

***

Вспоминая свою военную «дѣятельность», не могу не улыбнуться. Но и задумываюсь. Ничто

въ мірѣ зря не дѣлается. Все имѣетъ смыслъ. Страданія, несчастія, смерти только кажутся необъяснимыми. Прихотливые узоры и зигзаги жизни при ближайшемъ созерцаніи могутъ открыться какъ небезполезные. День и ночь, радость и горе, достиженія и паденія — всегда научаютъ. *Безсмысленнаго* нѣтъ.

Тотъ странный, «военный» годъ мой (при всей незначительности его, объективно) имѣетъ тоже свою философію. Вотъ почему я не только на него улыбаюсь: онъ нѣкое звено въ моей судьбѣ. «Хочешь дѣлить съ другими бремя войны, опасностей? Хочешь идти въ самое пекло, пѣхотнымъ офицеромъ на фронтъ? Что же, пробуй».

Военная жизнь, ея суровость, дисциплина настоящей *арміи* были показаны, какъ показано и разложеніе. Но какъ только подходило къ *дѣйствію*, въ которомъ могъ бы принять участіе, невидимая рука отводила.

Я не попалъ на фронтъ — ни пѣхотинцемъ, ни артиллеристомъ — хоть именно мои товарищи въ бригадѣ скоро и уѣхали туда. «Случайная» болѣзнь, едва не разыгравшаяся въ бурный туберкулезъ, вывела во время изъ строя. Въ сентябрѣ бригадный врачъ далъ мнѣ шестинедѣльный отпускъ. Въ послѣдніе его дни, когда я жилъ въ деревнѣ, разразилось октябрьское возстаніе. Мнѣ не дано было ни видѣть его, ни драться за свою Москву на сторонѣ бѣлыхъ.

— Нѣтъ, не нужно. Нѣтъ, не то.

И опять та же рука, что показала военную жизнь, какъ бы давъ ощутить (но издали, со стороны) иное, чего какъ разъ и не хватало въ прежнемъ опытѣ — повела далѣе: не путемъ воина.

IV.

Москва 20-21 г.г.

STUDIO ITALIANO

Убогій бытъ Москвы, разобранные заборы, тропинки черезъ цѣлые кварталы, люди съ салазками, очереди къ пайкамъ, примусъ («Михаилъ Михайлычъ, вѣрный мой примусъ!»), «пшенка» безъ масла и сахара, на которую и взглянуть мерзко.

Именно вотъ тогда я довольно много читалъ Петрарку, томъ «Canzoniere» въ бѣломъ пергаментномъ корешкѣ, который купилъ нѣкогда во Флоренціи, на площади Санъ-Лоренцо, гдѣ висятъ красныя шубы для извозчиковъ и бабы торгуютъ всякимъ добромъ, а Джованни делле Банде Нере сидитъ на своемъ монументѣ и смотритъ, сколько сольди взяла съ меня торговка. Думалъ ли я, покупая, что эта книга будетъ меня согрѣвать въ дни господства того Луначарскаго, съ которымъ во Флоренціи же, въ это же время мы по богемски жили въ «Corona d'Italia», пили кіанти и разсуждали о Ботичелли?

Да, но тогда времена были въ нѣкоемъ смыслѣ младенческія.

...А вотъ наше Studio italiano. Въ Лавкѣ Писателей вывѣшивается плакатъ: «Циклъ Рафаэля». «Венеція». «Данте». Предсѣдатель этого вольнаго учрежденія — П. Муратовъ. Члены — Грифцовъ, я, Дживелеговъ, Осоргинъ, и др. И мы читаемъ въ аудиторіи на углу Мерзляковскаго и Поварской, тамъ были Высшіе Женскіе Курсы. Въ дантовскомъ циклѣ у насъ и «дантовскій пейзажъ», и Беатриче, и политика, и дантова символика. Мнѣ назначили лекцію, открывавшую циклъ.

На зимнихъ курсахъ бывало въ нашей аудиторіи холодно! Дамы и барышни, да и другіе слушатели сидѣли въ шубахъ. Врядъ ли когда либо, гдѣ либо кромѣ Россіи, при такой обстановкѣ шли чтенія.

Но сейчасъ апрѣль, влажный весенній вечеръ. Какъ и въ дни мира, арбатское небо, къ закату, къ Дорогомилову затянуто нѣжно-розовыми пеленами. Можно изъ Кривоарбатскаго идти въ Мерзляковскій даже не сплошь по Арбату, а въ Серебряномъ повернуть у церкви направо, и пройдешь среди развалинъ уничтоженныхъ заборовъ, развалинъ фундаментовъ, «римскимъ форумомъ», какъ я называлъ, къ Молчановкѣ. Прямо къ тому старому барскому дому, съ мезаниномъ, гдѣ — въ столь отдаленныя времена! — жилъ я студентомъ, дышалъ тополемъ, свѣтомъ, милой Москвой. Домъ еще держится, тополя уже нѣтъ.

Итакъ, иду читать. Для этого надо бы купить манжеты, неудобно иначе. Захожу въ магазинъ. Въ карманѣ четыре милліона. Манжеты стоятъ четыре съ половиною.

Ну, почитаемъ и безъ манжетъ.

Сиреневый вечеръ, мягкій туманъ, барышни, пожилые любители Италіи, кафедра, все какъ слѣдуетъ. Моральный и аллегорическій смыслъ «Божественной Комедіи», Данте въ Падуѣ, Орделаффи... Въ окнѣ апрѣльскій, влажно-грустный вечеръ. Апплодисменты, блѣдное электричество, друзья... и надъ убогой жизнью Дантовскій Орелъ, подобный видѣнному у вѣнца Афона. Прорѣялъ — все къ себѣ поднялъ.

ДАНТЕ У СКИФОВЪ

1. «На половинѣ странствія нашей жизни
«Я оказался въ нѣкоемъ темномъ лѣсу,
«Ибо съ праведнаго пути сбился.

4. «О, сколь трудно разсказать объ этомъ
«Дикомъ лѣсѣ, страшномъ и непроходимомъ,
«Наводящемъ ужасъ при одномъ воспоминаніи!

7. «Такъ онъ горекъ, что немногимъ горьше его смерть.
«Но дабы помянуть о добромъ, что я тамъ нашелъ,
«Скажу сначала объ иномъ, замѣченномъ въ немъ мною».

Что если бы теперь Данте явился на Кисловкахъ и Арбатахъ временъ «великихъ историческихъ событій»?

Онъ жилъ въ вѣкъ гражданскихъ войнъ. Самъ былъ изгнанникомъ. Самому грозила смерть въ случаѣ, если бы ступилъ на родную землю, флорентійскую (сожгли бы его — igne comburatur, sic quod moriatur). «Божественная Комедія» почти вся написана въ изгнаніи.

Данте не зналъ «техники» нашего вѣка, его изумили бы автомобили, авіація, и т. п. Удивила бы открытость и развязность богохульства. Но борьба классовъ, диктатура, казни, насилія — врядъ ли бы остановили вниманіе. Флоренція его вѣка знала popolo grasso (буржуазія) и popolo minuto (пролетаріатъ) и ихъ вражду. Борьба тоже бывала не изъ легкихъ. Тоже жгли, грабили и рѣзали. Тоже другъ друга усмиряли.

Четыре года назадъ профессоръ Оттокаръ, русскій историкъ Флоренціи, выходя со мною изъ отеля моего «Corona d'Italia», показывая на одинъ флорентійскій домъ наискосокъ, сказалъ:

— Въ четырнадцатомъ вѣкѣ здѣсь помѣщался первый совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

Было это во время такъ называемаго «возстанія Чіомпи», нѣсколько позже Данте, но въ его столѣтіи. Такъ что исторія началась не со вчерашняго дня.

Некрасота, грубость, убожество Москвы революціонной изумили бы флорентійца. Вши, мѣшечники, мерзлый картофель, слякоть... И люди! Самый нашъ обликъ, полу-монгольскія лица...

ПАЕКЪ

Думаю, что въ осажденныхъ городахъ населеніе на паекъ сажали и въ средніе вѣка. Данте сражался при Кампальдино, но осады ни одной ему не пришлось переживать. Такъ что насчетъ пайка онъ, навѣрно, столь же непонимающій, какъ и вообще всѣ на Западѣ, они въ пайкѣ (le payok) ничего не смыслятъ вслѣдствіе своей крайней отсталости.

Пайки бываютъ разные. Я хорошо знаю академическій, и всегда буду ему благодаренъ, буду курить ладанъ изъ кадильницъ и пѣть, и славить его, ибо благодаря ему и семья моя, и я самъ уцѣлѣли, и многіе изъ моихъ знакомыхъ тоже.

— Въ среду выдаютъ паекъ!

Это значитъ, что писатели изъ Кривоарбатскаго, философы съ Гагаринскаго, Гершензонъ изъ Никольскаго и еще многіе изъ другихъ мѣстъ двинутся раннимъ утромъ, съ салазками, телѣжками, женами, свояченицами на Воздвиженку. Тамъ въ кооперативѣ будутъ стоять въ очереди и волноваться, здороваться съ математиками и зоологами, критиками и юристами. А потомъ наступитъ, наконецъ, блаженный часъ: нагрузятъ въ повозку бараній бокъ (съ блѣдно-синими ребрами), пудъ муки, сколько то сахару, спички, кофе, папиросы...

Жены съ благоговѣніемъ взираютъ. Вотъ мы веземъ свое богатство въ дѣтской телѣжкѣ съ деревянными колесиками, они скрипятъ и виз-

жать на весь Арбатъ, не бѣда, чередуемся, тащимъ, когда пересѣкаемъ улицу, то старательно сзади поддерживаемъ поклажу — вѣдь это все цѣнное, на цѣлый мѣсяцъ, стоимость всего этого рубля два, а то и два съ полтиной. Паекъ, паекъ, награда долгихъ лѣтъ признанія, извѣстности, какъ не цѣнить костей твоего барана и десятковъ твоихъ папиросъ? Какъ не потрудиться надъ тобой, не развести музыки диссонансовъ на весь Кривоарбатскій?

ИНТЕРМЕЦЦО

Обликъ Орла — это геній въ изгнаніи, нищетѣ и бездомности. Данте былъ флорентійскій дворянинъ. Жилъ въ своемъ домѣ, обладалъ достаткомъ. Гражданскія усобицы разметали все. Онъ потерялъ семью, Флоренцію, родную землю. Скитаясь въ сѣверной Италіи учителемъ литературы, полу-приживальщикомъ сильныхъ міра сего, написалъ великое твореніе.

Труднѣе всего было ему одолѣвать свой гнѣвъ и гордость. Онъ ненавидѣлъ «подлое», плебейское, въ какомъ бы видѣ ни являлось оно. Много натерпѣлся отъ хамства разжирѣвшихъ маленькихъ «царьковъ» Италіи. Не меньше презиралъ и демагоговъ. Что стало бы съ нимъ, если бы пришлось ему увидѣть новаго «царя» скифской земли — съ калмыцкими глазами, взглядомъ звѣря, упрямца и сумасшедшаго?

Дантовскій профиль на безчисленныхъ медаляхъ, памятникахъ, барельефахъ треснулъ бы отъ возмущенія.

ЭКЛЕРЪ ПРИ НЭПѢ

Въ надвигающемся безуміи, въ ощущеніи гибели того, что самъ и выдумалъ, хитрецъ отмѣнилъ половину собственнаго дѣла. Среди другихъ послѣдствій оказалось одно, малое для «событій», человѣческому же сердцу видимое, милое, понятное.

Появился эклеръ — побѣда жизни. Его гдѣ то пекли, но уже не тайкомъ, а законно. Законно же и продавали — сладкій, гладко-глянцевитый эклеръ на Арбатѣ, Никитской, гдѣ угодно, прямо на улицѣ. Сколько милліоновъ спустилъ я на эти эклеры, на ласточекъ «слишкомъ медленной весны», но все же ласточекъ, все же эклеръ знакъ вольнаго творчества, личное, а не казарма.

Въ моего друга X. была влюблена барышня. Ея болѣзнь носила нѣжный, мечтательный, но и упорный характеръ. Они встрѣчались иногда въ обществѣ, на засѣданіяхъ. Но ей этого было мало. Съ упорствомъ влюбленныхъ она неожиданно являлась гдѣ нибудь на углу Никитской и Спиридоновки, какъ разъ когда онъ проходилъ, здоровалась, вспыхивала, бормотала нѣсколько словъ и исчезала.

Однажды въ сухой августовскій день пыль и коричневые листья летѣли по бульвару. X. выходилъ изъ переулка. И не удивился, встрѣтивъ темные, застѣнчивые, но и полоумные глаза.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, какъ обычно, снялъ шляпу, пожалъ ея горячую руку. Она молча сунула ему лѣвой рукой теплый и глянцевитый эклеръ.

— Это вамъ... возьмите, вамъ...

Вспыхнула, слезы блеснули на глазахъ, и отъ любви, отъ смущенія ничего уже больше не могла прибавить, убѣжала.

— Что же бы ты сдѣлалъ съ этимъ эклеромъ? — спросилъ меня X.

— Я бы его съѣлъ.

— Вотъ именно. Я такъ и поступилъ.

— И я считалъ бы его очень трогательнымъ и милымъ подаркомъ.

— Такъ вѣдь оно и есть въ дѣйствительности.

— Благодаря чему я сохранилъ бы славное, съ улыбкою, воспоминаніе.

— Оно и сохранилось. Эклеръ же показался мнѣ особо вкуснымъ.

ФЕДЕРИГО ДА МОНТЕФЕЛЬТРО

На столѣ у меня лежитъ томъ Сизеранна о знаменитомъ урбинскомъ кондотьерѣ. Его носатый профиль вспоминается еще по Флоренціи, по Пьеро делла Франческа въ Уффицци. Во время «великой» русской революціи, работая надъ книгой объ Италіи, я изучалъ жизнь сына Федериго, меланхолическаго и несчастнаго Гвидобальдо.

Да, Италія и красота много помогли пережить страшное время. И развертывая книгу,

сейчасъ ощущаешь сразу три эпохи русскаго человѣка: первую, мирно-довоенную, поэтическую, когда Италія входила золотымъ свѣтомъ. Вторую трагическую, — въ ужасѣ, ярости и безобразіи жизни она была единственнымъ какъ бы прибѣжищемъ, Рафаэль и божественная Имперія, Парнасъ и музы Ватикана умѣряли бѣшенство скифа. И вотъ теперь, третья...

Какъ о ней сказать вѣрно? — Революція кончилась. Но для насъ кончилось и младенчески-поэтическое. Началась жизнь. Революція научила жизни. Съ прибрежья, гдѣ гуляли, любовались и поэтизировали — спустились мы въ «бытіе». Пусть ведетъ вѣрный Вергилій. Началось схожденіе въ горькій міръ, въ «темный лѣсъ». Да будетъ благословенна поэзія. Не забыть Аполлона, не забыть Рафаэля. Но иное à l'ordre du jour. Не позабудешь Италіи, и не разлюбишь ея. Но нельзя уже позабыть «человѣчества», его скорбнаго взора, его преступленій и бѣдъ, крестнаго его пути.

Федериго, уважаемый герцогъ, покоритель и завоеватель, книголюбъ, собравшій лучшую библіотеку Ренессанса (считалъ, что напечатанная книга — дурной тонъ!) — вы теперь мирно будете стоять на полкахъ той моей библіотечки, на которую съ высоты своего урбинскаго замка вы и не взглянули бы, не удостоили-бъ. Я прочту книгу о васъ — и отложу. Я не буду *въ ней, ею* жить. Эстетъ, воитель, государь — вы правы. Но и у меня есть своя правда. Ни вамъ, да никому вообще я ея не отдамъ.

М. О. Гершензонъ

Если идти по Арбату отъ площади, то будутъ разные переулки: Годеинскій, Староконюшенный, Николо-и Спасопесковскій, Никольскій. Въ тринадцатомъ номерѣ послѣдняго обитаетъ гражданинъ Гершензонъ.

Морозный день, тихій, дымный, съ палевымъ небомъ и сѣдымъ инеемъ. Калитка запушена снѣгомъ. Черезъ дворъ мимо особняка тропка, подъемъ во второй этажъ и начало житія гершензонова. Конецъ еще этажемъ выше, тамъ двѣ рабочія комнаты хозяина.

Гершензонъ маленькій, черноволосый, очкастый, путанно-нервный, нѣсколько похожій на черного жука. Говоритъ невнятно. Онъ почти нашъ сосѣдъ. Иной разъ встрѣчаемся мы на Арбатѣ въ молочной, въ аптекѣ, или на Смоленскомъ.

Сейчасъ, мягко пошлепывая валенками, ведетъ онъ наверхъ. Гость, разумѣется, тоже въ валенкахъ. Но пріятно удивленъ тѣмъ, что въ комнатахъ тепло. Можно снять пальто, сѣсть за деревянный, простой столъ арбатскаго отшельни-

ка, слушать сбивчивую рѣчь, глядѣть, какъ худые пальцы набиваютъ безконечныя папиросы. Въ комнатѣ очень свѣтло! Бѣлыя крыши, черныя вѣтви деревъ, золотой московскій куполъ — по стѣнамъ книги, откуда этотъ магъ, еврей, вросшій въ русскую старину, извлекаетъ свою «Грибоѣдовскую Москву», «Декабриста Кривцова». Лучшій Гершензонъ, какого зналъ я, находился въ этой тихой и уединенной комнатѣ. Лучше и глубже, своеобразнѣе всего онъ говорилъ здѣсь, съ глазу на глазъ, въ вольности, никѣмъ не подгоняемый, не мучимый застѣнчивостью, некрасотой и гордостью. Вообще онъ былъ склоненъ къ преувеличеніямъ, извивался, мучительная ущемленность была въ немъ. Вотъ кому не хватало здоровья! Свѣтъ, солнце, Эллада — полярное Гершензону. Онъ перевелъ «Исповѣдь» Петрарки и отлично написалъ о душевныхъ раздираніяхъ этого перваго въ средневѣковьѣ человѣка новаго времени, о его самогрызеніи, тоскѣ.

Но, разумѣется, Гершензону пріятно было и отдохнуть. Онъ отдыхалъ на александровскомъ времени. И въ мирномъ разговорѣ, подъ крикъ галокъ московскихъ тоже отдыхалъ.

***

Я заходилъ къ нему однажды по личному дѣлу, и онъ помогъ мнѣ. А потомъ — по «союзному»: Союзъ писателей посылалъ насъ съ нимъ къ Каменеву «за хлѣбомъ». Такъ что въ этой точкѣ силуэтъ Гершензона пересѣкается въ па-

мяти моей со «Львомъ Борисовичемъ». Есть такой разсказъ у Чехова: «Толстый и тонкій»...

***

О Каменевѣ надо начать издали. Въ юношескіе еще годы занесъ меня однажды случай на окраину Москвы, въ провинціальный домикъ тихаго человѣка, г. Х. Тамъ было собраніе молодежи, несмотря на безобидность хозяина напоминавшее главы извѣстнаго романа Достоевскаго или картину Ярошенки. Особенно ораторствовалъ одинъ молодой человѣкъ — самоувѣренный, неглупый, съ хорошей гривой. Звали его Каменевымъ.

Прошло много лѣтъ. Въ революцію имя Каменева попадалось часто, но ни съ чѣмъ для меня не связывалось: «тотъ» былъ просто юноша, «этотъ» предсѣдатель московскаго совѣта, «хозяинъ» Москвы. Что между ними общаго?

Однажды вышелъ случай, что изъ нашего Союза арестовали двоихъ членовъ. Правленіе послало меня къ Каменеву хлопотать. Онъ считался «либеральнымъ сановникомъ» и даже закрылъ на третьемъ номерѣ «Вѣстникъ» Чеки за открытый призывъ къ пыткамъ на допросахъ.

Чтобы получить пропускъ, пришлось зайти въ боковой подъѣздъ бывшаго генералъ-губернаторскаго дома на Тверской, съ Чернышевскаго переулка. Нѣкогда чиновникъ съ длиннымъ щелкающимъ ногтемъ на мизинцѣ выдавалъ намъ здѣсь заграничные паспорта.

Теперь, спускаясь по лѣстницѣ съ бумажкою, я увидѣлъ бабу. Она стояла на колѣняхъ передъ высокимъ «типомъ» въ сѣромъ полушубкѣ, барашковой шапкѣ, высокихъ сапогахъ.

— Голубчикъ ты мой, да отпусти ты моего-то...

— Убирайся, некогда мнѣ пустяками заниматься.

Баба приникла къ его ногамъ.

— Да вѣдь сколько времени сидитъ, миленькій мой, за что сидитъ-то...

...У главнаго подъѣзда солдатъ съ винтовкой. Берутъ пропускъ. Лѣстница, знакомыя залы и зеркальныя окна. Здѣсь мы засѣдали при Временномъ Правительствѣ, опираясь на шашки — Совѣтъ Офицерскихъ Депутатовъ. Теперь стучали на машинкахъ барышни. Какія-то дамы, торговцы, пріѣзжіе изъ провинціи «товарищи» ждали пріема. Пришлось и мнѣ подождать. Потомъ провели въ большой, свѣтлый кабинетъ. Спиной къ окнамъ, за столомъ сидѣлъ бывшій молодой человѣкъ Марьиной рощи, сильно пополнѣвшій, въ пенснэ, довольно кудлатый, болѣе похожій сейчасъ на благополучнаго московскаго адвоката. Онъ курилъ. Увидѣвъ меня, привсталъ, любезно поздоровался. Сквозь зеркальныя стекла слегка синѣла каланча части, виднѣлась зимняя улица. Странный и горестный покой давала эта зеркальность, какъ бы въ елисейскихъ поляхъ медленно двигались люди, извозчики, дѣтишки волокли санки. Въ лѣвомъ окнѣ такъ же призрачно и элегически выступали вѣтви

тополя, телефонныя проволоки въ снѣгу, нахохленная галка...

Мы вспомнили нашу встрѣчу. Каменевъ держался привѣтливо-небрежно, покровительственно, но вполнѣ прилично.

— Какъ ихъ фамиліи? — спросилъ онъ объ арестованныхъ.

Я назвалъ. Онъ сталъ водить пальцемъ по какимъ то спискамъ.

— А за что?

— Насколько знаю, ни за что.

— Посмотримъ, посмотримъ...

Раздался звонокъ по телефону. Грузно, нѣсколько устало сидя, поджимая подъ себя ноги, Каменевъ взялъ трубку — видимо лѣниво.

— А? Феликсъ? Да, да, буду. Насчетъ чего? Нѣтъ, приговоръ не приводить въ исполненіе. Буду, непремѣнно.

Положивъ трубку, обратился ко мнѣ.

— Если дѣйствительно не виноваты, то отпустимъ.

Мнѣ повезло. Арсеньева и Ильина удалось на этотъ разъ выудить.

***

Что могло нравиться Гершензону въ совѣтскомъ строѣ? Быть можетъ то, что вотъ ему, нервно-путаному, слабому, но съ глубокой душой «типъ» въ полушубкѣ дастъ по затылку? Что свирѣпая, звѣрская лапа сразу сомнетъ и повалитъ все хитросплетенье его умствованій?

Но легко ли ему было бы видѣть этого типа у себя въ Никольскомъ, въ свѣтлой рабочей комнатѣ, и въ другой, черезъ коридорчикъ, гдѣ у него тоже стояли книги? Гершензонъ не разъ плакался на перегруженность культурой. Въ немъ была древняя усталость. Все хотѣлось приникнуть къ чему то сильному и свѣжему. Истиннно-свѣжаго и истинно-здороваго онъ такъ и не узналъ, все лишь мечталъ о немъ въ подпольѣ. И стремясь къ такому, готовъ былъ принять даже большевицкую «силушку» — лишь за то, что она первобытно-дика, первобытно-яростна, не источена жучкомъ культуры.

Послѣ случая съ Ильинымъ и Арсеньевымъ я пріобрѣлъ репутацію «спеца» по Каменеву. Считалось, что я могу брать его безъ промаху. Такъ что въ мелкихъ писательскихъ бѣдахъ направляли къ нему меня.

Одна бѣда надвигалась на насъ внушительно: голодъ. Гершензонъ разузналъ, что у московскаго совѣта есть двѣсти пудовъ муки, съ неба свалившихся. Въ его извилистомъ мозгу вдругъ возникла практическая мысль: съѣсть эту муку, т. е. не въ одиночку, а пусть русская литература ее съѣстъ. Наше Правленіе одобрило его. И вотъ я снова въ Никольскомъ переулкѣ, снова папиросы, валенки, пальто съ барашковымъ воротникомъ, несвязная рѣчь, несвязный ходъ гершензоновскихъ ногъ по зимнимъ улицамъ Москвы...

Безъ радости вспоминаю эти малыя дѣла тогдашней жизни, болѣе какъ лѣтописецъ. Что веселаго было въ восторженномъ волненіи Гершензона, въ его странномъ благоговѣніи передъ властью? Въ томъ, что мы, русскіе писатели, должны были ждать въ пріемной, подгоняемые голодомъ? Въ томъ, что Гершензонъ патетически курилъ, что Каменевъ принялъ насъ съ знакомой «благодушною» небрежностью, учтиво и покровительственно? Заикаясь и путаясь, Гершензонъ говорилъ вмѣсто «здравствуйте» «датуте», весь онъ былъ парадоксъ, противорѣчіе, всегда склонное къ самобичеванію, всегда готовое запылать восторгомъ или смертельно обидѣться. Рядомъ съ нимъ Каменевъ казался яркимъ обликомъ буржуазности, самодовольства и упитанности — торжествующаго и «культурнаго» мѣщанина.

Да, на какихъ то мельницахъ московскаго совѣта, правда, залежалось двѣсти пудовъ, и мы, по своему, даже должны быть благодарны Каменеву: мука попала голодающимъ писателямъ. Но... «ходить въ Орду» невесело.

И далѣе картина: Смоленскій бульваръ, какой-то складъ, или лабазъ. Морозный день. Бердяевъ, Айхенвальдъ, я, Вяч. Ивановъ, Чулковъ, Гершензонъ, Жилкинъ и другіе — съ салазочками, на нихъ пустые мѣшки. Кто съ женами, кто съ дѣтьми. Кого замѣняютъ домашніе. Въ лабазѣ нашъ представитель, І. А. Матусевичъ, бѣлый отъ муки, какъ мельникъ, самоотверженно распредѣляетъ «пайки» (пудъ, полтора). Назадъ веземъ мы ихъ на санкахъ, тоже овѣянные

питательною сѣдиною, по раскатамъ и ухабамъ бульвара — кто на Плющиху, кто къ Сивцеву Вражку, кто въ Чернышевскій. Ну, что-жъ, теперь двѣ-три недѣли смѣло провертимся.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь».

⁂

Въ эти тяжелые годы многое претерпѣлъ Михаилъ Осиповичъ Гершензонъ. Много салазокъ волокъ собственнымъ горбомъ, по многимъ горькимъ чужимъ лѣстницамъ подымался, много кололъ на морозѣ дровъ, чистилъ снѣгъ, даже голодалъ достаточно. Онъ упорно и благородно боролся за свою семью, какъ многіе въ то время. Семью любилъ, кажется, безмѣрно. Зналъ великія скорби болѣзни дѣтей, ихъ тяжелой жизни и переутомленья. Стоически голодалъ, вмѣстѣ со своею супругой, отдавая лучшее дѣтямъ, за тяготы этихъ лѣтъ заплатилъ ранней смертью.

Какъ всякій «истинный», не сдѣлалъ карьеры при большевикахъ. Какъ Сологубъ, писалъ довольно много, для себя, но сдался раньше его. Гершензонъ умеръ въ 1925 году.

...Гершензоновой могилѣ кланяюсь.

"Веселые дни"

1921 г.

ЛАВКА

Огромная наша витрина на Большой Никитской имѣла пріятный видъ: мы постоянно наблюдали, чтобы книжки были хорошо разложены. Ихъ набралось порядочно. Блоковско-меланхолическія дѣвицы, спецы или просто ушастыя шапки останавливались передъ выставкой, разглядывали наши сокровища, а то и самихъ насъ.

«Книжная Лавка Писателей». Осоргинъ, Бердяевъ, Грифцовъ, Александръ Яковлевъ, Дживелеговъ и я — не первые-ли мы по времени нэпманы? Похоже на то: хорошіе мы были купцы, или плохіе, другой вопросъ, но въ лавкѣ нашей покупатели чувствовали себя неплохо. Съ Осоргинымъ можно было побесѣдовать о старинныхъ книгахъ, съ Бердяевымъ о кризисахъ и имманентностяхъ, съ Грифцовымъ о Бальзакѣ, мы съ Дживелеговымъ («Карпычъ») по части ренессансно-итальянской. Елена Александровна,

напоминая Палладу, стояла за кассой, куда шли сначала сотни, потомъ тысячи, потомъ милліоны.

Осоргинъ вѣчно что-то клеилъ, мастерилъ. Собиралъ (и собралъ) замѣчательную коллекцію: за отмѣною книгопечатанія (для насъ, по крайней мѣрѣ), мы писали отъ руки небольшія «творенія», сами устраивали обложки, иногда даже съ рисунками, и продавали. За свою «Италію» я получилъ 15 тысячъ (фунтъ масла). Продавались у насъ такъ изготовленныя книжечки чуть не всѣхъ московскихъ писателей. Но по одному экземпляру покупала непремѣнно сама лавка, отсюда и коллекція Осоргина. Помѣщалась она у насъ-же, подъ стекломъ. А потомъ поступила, какъ цѣннѣйшій документъ «средневѣковья» въ Румянцевскій музей.

Итакъ, Осоргинъ хозяйничалъ, Бердяевъ спорилъ объ имманентностяхъ, горячился изъ-за пайковъ, былъ добросовѣстенъ, элегантенъ и картиненъ. Грифцовъ «углубленно» вычислялъ наши бенефиціи. Нервически поводилъ голубыми, прохладными глазами, ни съ кѣмъ ни въ чемъ не соглашался: гдѣ-то подкожно засѣдалъ у него Бальзакъ, имъ онъ презрительно громилъ противниковъ. Я... Въ зимніе дни, когда холодновато въ лавкѣ, сидѣлъ на ступенькахъ передвижной лѣстницы, гдѣ было теплѣе. До конца дней своего купечества такъ и не усвоилъ, гдѣ что стоитъ (книги у насъ, правда, постоянно мѣнялись). Если покупатель былъ пріятный, то еще онъ могъ расчитывать, что я двинусь. Если

же появлялась, напримѣръ, барышня и спрашивала:

— Есть у васъ біографіи вождей? — я прикидывался вовсе непонимающимъ:

— Какихъ вождей?

— Ну, пролетаріата...

— Нѣтъ, не держимъ.

И вообще для несимпатичныхъ рѣдко слѣзалъ съ насѣста.

— Такой книги нѣтъ.

А если *есть*, то обычный вопросъ (вполголоса).

— Елена Александровна, гдѣ у насъ это?

И Паллада, отсчитывая милліоны, молча указывала пальцемъ полку.

Мы, «купцы», жили между собою дружно. Зимой топили печурку, являлись въ валенкахъ. Лѣтомъ Николай Александровичъ надѣвалъ нарядный чечунчовый костюмъ съ галстухомъ-бантомъ. Надъ зеркальнымъ окномъ спускали маркизу, и легенькія барышни смотрѣли подолгу, задумчиво, на нашу витрину. Съ улицы иногда влетала пыль.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Въ глубинѣ лавки была у насъ дверка и узкая лѣстница наверхъ, на хоры съ комнаткой, куда мы иногда прятались отъ скучныхъ посѣтителей, гдѣ устраивали лавочныя собранія — вообще это были «кулисы» торговаго дома. Въ комнаткѣ стоялъ огромный столъ, заваленный

книгами, и вокругъ на полкахъ тоже много книгъ. Но ужъ что *здѣсь* находится, не зналъ не только я, а, пожалуй, и самъ Грифцовъ.

Мѣсто это носило нѣсколько таинственный и романтическій характеръ. Съ хоръ можно было, незамѣченнымъ, наблюдать жизнь лавки. Полутьма, витая лѣсенка, пыль — все давало ощущеніе спрятанности, укрытія.

Въ этомъ-то уголкѣ и собралъ насъ однажды Осоргинъ — стоялъ знойный, сухой августъ, въ лавку набивалась пыль и горячій вѣтеръ трепалъ волосы, какъ только выйдешь. Осоргинъ многозначительно сообщилъ, что въ городѣ организованъ Комитетъ Помощи Голодающимъ, состоять онъ будетъ изъ «порядочныхъ» людей, но подъ контролемъ власти. Голодъ (на Волгѣ, въ Крыму) въ то лѣто, правда, былъ ужасный. Въ Самарской губерніи такъ выжгло зеленя еще съ весны, что поля имѣли видъ черно-бархатной, съ отливомъ, скатерти. Урожая «не оказалось», а такъ какъ у крестьянъ своевременно обобрали прежніе запасы, то голодъ наступилъ мгновенно. Власть растерялась. И подъ минутой паники согласилась на «Общественный Комитетъ». Намъ, представителямъ литературы, предложили тоже войти — объ этомъ мы и совѣщались наверху. Предложеніе шло отъ Прокоповича, Кусковой и Кишкина. Отъ «власти» предсѣдателемъ назначили Каменева.

Итти или не итти? Вотъ о чемъ мы разсуждали. И такъ какъ лавка заключала въ себѣ президіумъ Союза Писателей, то насъ это близ-

ко касалось. Рѣшили итти. Выбрали Осоргина и меня.

У русскаго человѣка есть такія выраженія: «за компанію», «съ хорошимъ человѣкомъ и выпить можно». «За компанію»... отчего-же не попробовать? Пожалуй, не будь это въ лавкѣ, съ Осоргинымъ, пришелъ-бы меня приглашать какой-нибудь честный бородачъ въ калошахъ или старая дама, я-бы и не согласился. Но тутъ — была не была!

На другой день уже весь народъ зналъ о Комитетѣ. Тогда еще считали, что «они» вотъ-вотъ падутъ. Поэтому, Комитетъ мгновенно разрисовали. Было цѣлое теченіе, считавшее, что это — въ замаскированномъ видѣ — будущее правительство! Другіе ругали насъ, среди нихъ С. П. Мельгуновъ, за «соглашательство»: вѣдь мы должны были работать подъ покровительствомъ Льва Борисовича. Помню какого-то желчнаго интеллигента, который купилъ у меня на грошъ, а разстроилъ на тысячу рублей: выходило, что мы чуть-ли не подсобники и т. п. На слѣдующій день въ газетахъ насъ превознесли (очевидно, уже считали «своими»), а нашими именами уязвляли непошедшихъ.

Газеты эти были расклеены. Выйдя изъ лавки, завернувъ въ Леонтьевскій, я наткнулся на такую «стѣнгазету». Вокругъ нея кучка читателей. Безрадостно увидалъ я свое имя рядомъ съ Максимомъ Горькимъ. Мрачный типъ сзади, прочитавъ, фукнулъ и сказалъ:

— Персональный списокъ идіотовъ.

Были мы идіотами, или нѣтъ, каждый рѣшаетъ по своему. Несомнѣнно лишь то, что наша жизнь пріобрѣла нѣкій острый, романтически-заговорщицкій оттѣнокъ. Мы ходили въ переулочекъ у Арбата къ Кусковой. Въ ея квартирѣ шла непрерывная суматоха. Являлись, совѣщались, засѣдали. Смѣсь барства, интеллигентства съ крѣпкой настойкой Москвы... Вблизи двухэтажнаго ея дома, церковка, окно кабинета Прокоповича выходитъ во дворъ, гдѣ играютъ дѣтишки, съ деревьевъ листья летятъ, самый домъ — не то особнякъ, не то помѣщичья усадьба, уголъ старой Москвы. Еще Герцены, Хомяковы, Аксаковы жили въ этихъ краяхъ. Небольшіе сады при небольшихъ особнякахъ — развѣ не деревня?

И Сергѣй Николаевичъ и Екатерина Дмитріевна были очень серьезны. Ихъ положеніе не изъ легкихъ. Все это они затѣяли, предстояло найти линію и достойную, и осуществимую.

Мы составили литературную группу. Осоргинъ редактировалъ газету Комитета — «Помощь». Ея внѣшній видъ вполнѣ повторялъ «Русскія Вѣдомости». Какъ только появился первый номеръ, по Москвѣ прошелъ вздохъ. — «Теперь ужъ падутъ! «Русскія Вѣдомости» вышли, стало быть, ужъ капутъ!».

Подготовительная часть у Кусковой окончилась, открылись наши собранія уже съ «ними»

въ особнякѣ на Собачьей Площадкѣ. «Нашихъ» было числомъ гораздо больше: профессора, статистики, агрономы, общественные дѣятели, литераторы — въ родѣ парламента. Вотъ какіе люди: Прокоповичъ, Кускова, Кишкинъ, Кутлеръ, Ѳ. А. Головинъ, проф. Тарасевичъ (нынѣ покойный), Вѣра Фигнеръ и много другихъ. Съ «ихъ» стороны: Каменевъ, Рыковъ, Луначарскій. Большинство было у «насъ», права «наши» считались большія, и настроеніе (въ наивности нашей) такое:

— А п-па-звольте спросить, милостис-дарь, а н-на какомъ основаніи вы изволили обобрать Нижегородскую губернію? А н-не угодно-ли вамъ будетъ срочно отправить пятьсотъ вагоновъ въ Самар-р-рскую?

Волны нашихъ государственныхъ вожделѣній приходилось принимать Каменеву — онъ предсѣдательствовалъ. Пріѣзжалъ и Рыковъ. Но, сколько помню, всегда пьяный. Въ тужуркѣ, съ длиннымъ мальчишескимъ галстухомъ, сальными волосами. Понять что говоритъ, трудно, очень плохо двигалъ языкомъ. Каменевъ-же былъ взятъ какъ наилучшій мостъ къ намъ.

Вспоминая эту свою «дѣятельность», я не могу припомнить, что именно путнаго сдѣлалъ. Кажется, больше слушалъ, да разсматривалъ. Садился въ первый рядъ, съ независимымъ видомъ. Однажды сказалъ Каменеву:

— Прошу слова.

Онъ любезно кивнулъ и записалъ меня, но тутъ всталъ Прокоповичъ, и очень толково, именно то и сказалъ («А п-пазвольте, милостис-дарь, на какомъ основаніи?»), что я хотѣлъ спросить. Мнѣ не повезло. Я отъ слова отказался, просто только съ побѣдоноснымъ видомъ оглянулся на стулья «нашихъ», за которыми свѣтлыя окна — въ нихъ вечерняя Москва, невысокіе домики Собачьей Площадки, урна, зеркальное небо и раннепадающіе листы.

Изъ этихъ шумныхъ засѣданій, я вынесъ такое наблюденіе: «они» и «мы» — это названіе комедіи Островскаго «Волки и овцы». У нихъ зубъ, наглость, жестокость. Всѣ они шершавые, урчатъ, огрызаются. (Особенно это ясно стало, когда за Каменевымъ начали появляться какіе то безымянные типы въ курткахъ... Позже мы все это хорошо поняли). И нѣтъ добрыхъ глазъ, добраго взгляда. Вотъ это страшная черта совѣтскихъ людей, я ее часто замѣчалъ: недобрые глаза и отсутствіе улыбки. А «наши»... — ну, мы себя хорошо знаемъ.

«Мы» настаивали, чтобы была послана въ Европу делегація отъ Комитета, чтобы можно было собрать тамъ денегъ, раздобыть хлѣба и двинуть въ голодныя мѣста. «Имъ» это не такъ-то нравилось. Началась торговля. То-ли мы имъ должны уступить, то-ли они намъ.

Я жилъ тогда въ Москвѣ одинъ, въ Кривоарбатскомъ — семья была въ деревнѣ. Ходилъ обѣдать на Арбатъ въ столовую, очень наряд-

ную, только что открывшуюся. Бывалъ и въ лавкѣ, но рѣже.

Какъ-то жарко, вѣтрено было въ Москвѣ, нервно и занятно. Такъ осталась у меня въ памяти пустынность московскихъ вечернихъ переулковъ, горячая сушь августа, ощущеніе легкости и полета.

Разъ вечеромъ мы выходили съ Осоргинымъ съ засѣданія. Луна хорошо свѣтила. На этомъ засѣданіи я просилъ Каменева за «сидѣвшаго» въ Одессѣ писателя Соболя.

Онъ небрежно спросилъ:

— Какого Соболя? Который написалъ романъ «Пыль»?

— Да.

— Плохой романъ. Пусть посидитъ.

Я замѣтилъ, что онъ сидитъ уже семь мѣсяцевъ, неизвѣстно за что.

— Ну, это много. Постараемся выпустить.

И вотъ у выхода Каменевъ, подходя къ своей машинѣ, столкнулся съ нами.

— Пожалуйста, — сказалъ любезно, — вамъ далеко? Я подвезу.

Не сговариваясь, мы съ Осоргинымъ толкнули слегка другъ друга и отказались. Мы шли луннымъ, пахучимъ вечеромъ, радостно-грустнымъ въ красотѣ ночи московской. Шли нѣкоторое время вмѣстѣ, а потомъ разошлись: я на Арбатъ, онъ въ Чернышевскій. Памятенъ былъ этотъ вечеръ, сладокъ и пронзителенъ. Но и онъ ушелъ, и многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Тогда Соболь сидѣлъ, а Каменевъ уѣзжалъ

на шикарной машинѣ — «генералъ-губернаторъ» Москвы. Затѣмъ Соболь — этотъ глубоко-несчастный человѣкъ — вышелъ изъ тюрьмы, ушелъ къ «нимъ», окончательно запутался и револьвернымъ выстрѣломъ разрѣшилъ свою незадачливую жизнь. Соболя я просто жалѣю, надъ Каменевымъ злорадствовать не хочу.

А въ тотъ вечеръ мягко несъ его автомобиль къ Кремлю.

COUP D'ETAT

Мы собрались въ свой особнякъ часамъ къ пяти, на засѣданіе, какъ было назначено. Сегодня рѣшалось все дальнѣйшее. Комитетъ поставилъ ультиматумъ: или нашу делегацію выпускаютъ въ Европу для сбора денегъ, или мы закрываемся, ибо мѣстными силами помочь нельзя. Настроеніе нервное, напряженное. «Наши» сидятъ на подоконникахъ залы, толпятся въ смежной комнатѣ, разговариваютъ около стѣнныхъ картъ и діаграммъ.

Время идетъ. Вечерѣетъ. Подъ окнами какія-то куртки, а Каменева все нѣтъ. Нервность и удивленіе. Вынимаютъ часы, смотрятъ.

Я находился въ комнатѣ рядомъ съ залой. Помню, — въ прихожей раздался шумъ, неизвѣстно, что за шумъ, почему, но сразу стало ясно: идетъ бѣда. Въ слѣдующее мгновеніе съ десятокъ кожаныхъ куртокъ съ револьверами, въ высокихъ сапогахъ, бурей вылетѣли изъ полусумрака передней и одинъ изъ нихъ гаркнулъ:

— Постановленіемъ Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи всѣ присутствующіе арестованы!

ПУТЕШЕСТВІЕ

Паники не произошло. Всѣ были довольно покойны. Помню гнѣвное, поблѣднѣвшее лицо Вѣры Фигнеръ и багрово-вспыхнувшую Екатерину Дмитріевну. Еще помню, что черезъ нѣсколько минутъ по водвореніи пришельцевъ, чрезъ ту же прихожую пробирался къ намъ, нѣсколько неуклюже и какъ-бы конфузливо П. П. Муратовъ.

— Ты зачѣмъ тутъ? Эх-хъ, ты...

П. П. былъ тоже членомъ Комитета. Онъ опоздалъ. Подойдя къ особняку, увидѣлъ чекистовъ, увидѣлъ арестъ...

— Ну и чего-же ты не повернулъ?

— Да ужъ такъ, вмѣстѣ засѣдали, вмѣстѣ и отвѣчать...

Теперь онъ уже за чертой чекистовъ. Не утечешь!

Былъ блѣдно-сиреневый вечеръ, когда мы вышли. У подъѣзда стояли автомобили. Осоргинъ, я и Муратовъ, какъ прожили полжизни вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ и сѣли. Теплый воздухъ засвистѣлъ въ ушахъ, казалось почему-то что машина мчится головокружительно. Неслись знакомые переулки, Арбатъ, мелькнула площадь, Воздвиженка, и странно пустынной казалась Москва. Очень хотѣлось встрѣтить хоть кого нибудь

знакомаго... Моховая, Университетъ. У книжной лавки Мельгунова мелькнуло, наконецъ, чье то знакомое лицо — но машина наддала, черезъ двѣ, три минуты, послѣ удивительнѣйшаго полета (я другого, все-таки, такого въ жизни не запомню!), мы остановились у «привѣтливыхъ» дверей дома «Россіи», на Лубянской площади и сошли съ автомобиля: два года назадъ въ эти-же двери вошелъ и не вышелъ живымъ мальчикъ — Алеша Смирновъ, многострадальный мой пасынокъ.

НОЧЬ

...Всѣмъ намъ пришлось перебывать у окошечка, похожаго на кассу банка или на бюро спальныхъ вагоновъ: тамъ о каждомъ записали, что требуется, и вновь собрались мы въ нашей «случайной» комнатѣ — ждали дальнѣйшей участи.

Я думаю, самымъ невозмутимымъ изъ насъ оказался Ѳ. А. Головинъ. Всегда у меня была слабость къ этой безукоризненно-лысой, изящной и умной головѣ, къ тонкому, древнему профилю (онъ потомокъ Комненовъ), безцвѣтно-спокойнымъ глазамъ. На волѣ, въ барское довоенное время, и въ голодные дни революціи мы немало играли съ нимъ въ шахматы. Онъ съ одинаковымъ безразличіемъ и выигрывалъ и проигрывалъ. Черезъ четверть часа по прибытіи, когда другіе еще горячились, расходовали подожженную нервную энергію, Ѳедоръ Алек-

сандровичъ уже сѣлъ играть съ черно-мрачнымъ и такъ же равнодушнымъ Кутлеромъ. Откуда они добыли шахматы, я не помню: кажется, тутъ-же и смастерили изъ картона. Впрочемъ, игра продолжалась недолго: насъ повели въ еще новое помѣщеніе. Ѳ. А. равнодушно забралъ фигурки, записалъ положеніе и въ своемъ элегантномъ костюмѣ, бѣлыхъ брюкахъ, съ шахматами подъ мышкой, зашагалъ по застѣночнымъ коридорамъ.

Мы вошли въ довольно большую комнату съ двумя цѣльнаго стекла окнами. Надпись на стеклѣ, глядѣвшую въ переулокъ, можно было прочесть и отсюда:

— Контора Аванесова.

Теперь въ конторѣ нары. Ихъ ненадолго занимали случайные постояльцы. Здѣсь перстъ Судьбы сортировалъ: жизнь — смерть, смерть — жизнь. Кускову, Прокоповича и Кишкина очень скоро увели отъ насъ во внутреннюю тюрьму. Мы попрощались сдержанно, но съ волненіемъ. Никто не зналъ на что ихъ ведутъ.

Мы съ П. П. Муратовымъ легли рядомъ на голыя нары, около окна. Осоргинъ находился въ другомъ углу съ гр. Бенкендорфомъ. Хотѣлось ѣсть. Электрическая лампочка заливала все сверху мертвымъ свѣтомъ. Мы лежали, и сначала говорили, а потомъ стали умолкать. Заснуть въ эту, первую свою ночь въ тюрьмѣ, я не могъ. Къ счастью, ужаса не испытывалъ. Но нервное возбужденіе заставляло бодрствовать. Мнѣ даже казалось, что я очень оживленъ,

почти веселъ. Страннымъ образомъ, мало думалось о безуміи окружающаго. Зналъ, что въ этомъ-же домѣ, можетъ быть, въ эти глухіе часы кого-то ведутъ въ подвалъ... но (самозащита, что-ли?) мысль на такомъ не останавливалась. Часа въ три, напримѣръ, ясно помню шумъ мотора, заведеннаго на дворѣ — мы отлично знали, что это значитъ — все-же впечатлѣніе было меньше, чѣмъ можно было бы думать. Очень уязвляла мысль о семьѣ: жена и дочь были въ деревнѣ, все хотѣлось, чтобы до нихъ пока не дошла вѣсть о моемъ арестѣ.

А затѣмъ... затѣмъ я наблюдалъ. По моему мнѣнію, спали многіе. Среди нихъ, недалеко отъ меня — Ѳ. А. Головинъ. Онъ лежалъ на спинѣ. Въ его правильномъ, лысомъ черепѣ блестѣлъ, какъ на слоновой кости, лучъ электричества. Руки аккуратно сложены накрестъ, бѣлыя брюки въ складки, желтыя ботинки, воротнички даже не разстегнуты. (Онъ и позже спалъ всегда въ полномъ парадѣ. Объяснялъ такъ, что если ночью позовутъ на допросъ или разстрѣлъ, то нельзя выходить на такое дѣло не въ порядкѣ). Сейчасъ клопъ медленно взбирался по тѣневой сторонѣ его черепа, ища удобнаго мѣста. Доползши до освѣщенно-блестящей части, испуганно повернулъ назадъ.

Въ это время въ камеру ввели высокаго человѣка, неувѣренно шагавшаго къ намъ. Я толкнулъ П. П. — тотъ поднялъ заспанное, затекшее отъ неудобнаго изголовья лицо и ухмыльнулся:

это былъ его пріятель — Борисъ Випперъ, молодой профессоръ.

— Ну, вотъ... — пробормоталъ П. П., — и вы тутъ. Нашего полку прибыло.

Виппера взяли ночью и прямо доставили сюда.

„ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩІЙ МНѢ ГОТОВИТЪ"

1) Яркое солнце. Было воскресенье, этотъ августовскій свѣтъ весело блисталъ по Москвѣ. Въ Петербургѣ сквозь влажно-голубоватую невскую дымку освѣщалъ тѣла безвинно-убіенныхъ по Таганцевскому заговору.

2) И очень пріятное, что онъ намъ далъ, были посылки. Да, за стѣнами, тамъ на волѣ оказалась Москва, добрая Москва! Чрезъ тысячи поръ, щелей просочилась она въ тюрьму, обходя правила адскихъ круговъ. Жены, сестры, невѣсты, дружественныя, знакомыя и полузнакомыя руки упаковывали намъ свертки — и въ солнечный воскресный день вдругъ въѣхала груда пакетовъ — «передачъ». Къ этому времени Осоргинъ былъ уже избранъ нашимъ старостой. Ловкій и легкій, въ счастливомъ нервномъ возбужденіи отвѣтственности, онъ хорошо провелъ роль, «былъ въ формѣ». Вотъ и сейчасъ элегантно распоряжался раздачей передачъ, весело выкликая адресатовъ.

Такъ какъ всѣ «мои» находились въ деревнѣ, я ничего не ждалъ. Вдругъ улыбающееся лицо Осоргина обернулось, онъ назвалъ мое имя. Только тутъ я понялъ, какъ пріятно получить въ

тюрьмѣ знакъ благожеланія и памяти. Этимъ обязанъ былъ я Р. Г. Осоргиной — вмѣстѣ съ пакетомъ мужу, уложила, притащила на себѣ она и мнѣ подмогу. Никогда, даже въ дѣтствѣ, не радовалъ меня такъ подарокъ, за него храню Рахили Григорьевнѣ всегдашнюю благодарность. Тамъ было одѣяло, подушка, бѣлый хлѣбъ, сахаръ, какао — вообще столько прелестей!

Неполучившіе (не-москвичи) сразу замѣтны были по грустнымъ глазамъ. Разумѣется, тотчасъ-же началась дѣлежка, «первобытно-братственное» равенство осуществилось съ нѣкоторымъ даже напоромъ со стороны получившихъ. Вся наша «преступная банда» оживилась. Особенно старался одинъ инженеръ — Меттъ. Онъ получилъ огромную посылку, съ нервной расточительностью раздавалъ свои сокровища.

Видъ камеры измѣнился: стали устраиваться, на нарахъ появились плэды, одѣяла, подушки, началось бритье и умыванье, вообще жизнь въ родѣ вагонной — дальняго слѣдованія.

Мы съ П. П. Муратовымъ и Виппером устроили свой уголокъ у окна аванесовской конторы и залегли крѣпко, по медвѣжьи. Послѣ безсонной ночи дремалось неплохо. Время шло быстро. Черно-лохматый Кутлеръ игралъ, какъ полагалось, въ шахматы съ Головинымъ, и по ихъ виду нельзя было понять, кто побѣждаетъ. Осоргинъ хлопоталъ съ Бенкендорфомъ въ другомъ углу. Подъ вечеръ онъ прибѣжалъ ко мнѣ, нѣсколько женственно припалъ, обнялъ и гаркнулъ:

— Вотъ она, жизнь-то какая! Веселая жизнь. Ругаешь меня, что я тебя сюда затащилъ?

Историко-литературный уголъ оживленно загоготалъ.

А Осоргинъ уже вспорхнулъ, подобно Нижинскому, помчался для переговоровъ о кипяткѣ.

ЗВѢЗДЫ

По вечерамъ мы ихъ видали, но минутно, пересѣкая тѣсный дворъ, когда ходили умываться, за кипяткомъ, и т. п. Никогда звѣзды не казались столь прекрасными. Къ сожалѣнію, въ томъ узкомъ кускѣ бархата, что возставалъ надъ головой, я не могъ найти Веги. Но другія звѣзды видѣлъ. И онѣ видѣли меня — въ грязи, убожествѣ, кровавой слякоти отверженнаго мѣста. Звѣзды и Вега вызываютъ въ памяти разсказъ, слышанный тоже въ дни революціи.

Г-жа N. была замужемъ за немолодымъ человѣкомъ. Полюбила другого. Послѣ разныхъ колебаній мужъ согласился, чтобы она устроила себѣ новую жизнь съ этимъ другимъ. Они встрѣтились всѣ трое у N., и рѣшеніе было принято окончательно. На другой день г-жа N. должна была уѣхать.

Ночью, однако, и она, и мужъ, и всѣ родные были арестованы по обвиненію въ контръ-революціи. Новая жизнь для г-жи N. оказалась камерою смертниковъ въ Бутыркахъ.

Еще на волѣ, когда шелъ ихъ романъ, г-жа N. и г. X. — оба мистики — полюбили звѣзду Вегу.

Однажды, идя по Кузнецкому, г. X. увидѣлъ на витринѣ книгу: «Голубая звѣзда». Въ повѣсти этой было то-же мистическое поклоненiе Вегѣ, какъ символу женственнаго. Книга пришлась по душѣ влюбленнымъ. Они вмѣстѣ читали ее.

Г-ну X. удалось доставить книгу въ тюрьму. Подчеркнувъ буквы словъ, онъ далъ понять, что каждый вечеръ, когда Вега появляется, онъ думаетъ о г-жѣ N. — пусть и она поступитъ такъ же.

Г-жа N., женщина изящная и тонкая, очень страдала въ заточенiи. Жизнь отнимали у нея на грани долгожданнаго счастья! Она исполнила завѣтъ любимаго человѣка. И по вечерамъ, при появленiи звѣзды, глядя на нее, они мечтали другъ о другѣ, тѣмъ поддерживали себя. Г-жа N. при этомъ часто читала книгу.

Обвиненiе было ложнымъ. Но погибла вся семья, не пощадили родныхъ и знакомыхъ, по древнему «до седьмого колѣна». За г-жей N. смерть пришла, когда она читала о голубой звѣздѣ.

Вставъ, перекрестившись, она съ книгою въ спокойствiи пошла навстрѣчу Вѣчности.

Этотъ разсказъ слышалъ я отъ той, кто послѣдняя, сестрински поцѣловала ее въ лобъ — и кому чудомъ удалось спастись.

***

Звѣзды въ застѣнкѣ! Васъ вспоминаю съ любовью, взволнованно и благодарно...

Къ намъ попали газеты. О, теперь о насъ писали иначе, чѣмъ въ дни «персональнаго списка идіотовъ». Клонили къ тому, чтобы весь нашъ комитетъ разсматривать какъ «заговоръ» и соотвѣтственно расправиться. Съ Таганцевымъ ужъ такъ и обошлись. Нашихъ начали водить на допросы. Кутлеръ, Ѳедоръ Александровичъ, кромѣ шахматъ получили и еще обязанности. Прокоповичъ, Кишкинъ и Кускова въ эти дни были на чертѣ смерти. Ихъ гибель была рѣшена, спасло вмѣшательство Нансена. Насколько знаю, онъ поставилъ условіемъ своей помощи сохраненіе ихъ жизней.

Понемногу начали мы сживаться съ конторою Аванесова. Намъ подбавляли кое кого, кой кто изъ нашихъ уходилъ во внутреннюю тюрьму. По-прежнему, изъ города шли передачи. Настроеніе держалось бодрое. Чтобы его не ослаблять, рѣшили развлекаться — читать лекціи.

Кутлеръ читалъ о финансахъ. Этотъ умный, сумрачный человѣкъ былъ глубокимъ скептикомъ. Я думаю, онъ убѣжденно считалъ, что вообще все погибло: Россія, финансы, онъ самъ, Комитетъ... Я спросилъ его разъ:

— Николай Николаевичъ, а вотъ *вы* вѣрили въ это дѣло, когда шли?

Онъ улыбнулся, какъ-бы отвѣчая младенцу:

— Разумѣется, ни минуты.

— Зачѣмъ-же вы шли?

Изъ его словъ, сказанныхъ съ оттѣнкомъ горечи, выходило, что и этотъ многоопытный мужъ, бывшій министръ, въ родѣ насъ грѣшныхъ тоже пошелъ «за компанію»... Его лекція доказывала, что съ совѣтскими финансами плохо. Вспоминая его, я, однако, все болѣе убѣждаюсь въ безсиліи скептицизма. Люди этого склада мало могутъ сдѣлать. Вѣрно ли даже они угадываютъ жизнь? Не нужна ли даже для этого живая сила вѣры? Вѣдь вотъ и не рухнули совѣтскіе финансы, и самъ Николай Николаевичъ, выйдя изъ тюрьмы, какъ разъ занялся укрѣпленіемъ червонца — за него вѣрили другіе, онъ, должно быть, дѣйствовалъ и тамъ по инерціи, «такъ ужъ случилось»... — И съ удивленіемъ, вѣроятно, видѣлъ плоды рукъ своихъ. На этомъ червонцѣ онъ и умеръ — грустный человѣкъ, всегда готовый къ смерти и равнодушный къ ней. Мнѣ кажется, и умеръ онъ въ горестномъ недоумѣніи.

Борисъ Випперъ читалъ, кажется, о живописи. П. П. Муратовъ о древней иконописи. Съ моимъ чтеніемъ произошелъ маленькій веселый случай.

Было утро, солнечный день. Я говорилъ о русской литературѣ, какъ вдругъ въ камеру довольно бурно и начальственно вошло двое чекистовъ. Въ рукѣ у одного была бумажка. По ней онъ такъ-же громко и безцеремонно, прерывая меня, прочелъ, что я и Муратовъ свободны, можемъ уходить.

Правда, я не хотѣлъ играть подъ Архимеда. Вообще ни о чемъ не думалъ.

Но, вѣроятно, подсознанію не понравилось вторженіе «посторонняго тѣла», да еще грубоватаго, прерывающаго меня, я отвѣтилъ почти недовольно:

— Ну да, да, вотъ кончу сперва лекцію...

Всѣ захохотали и я смутился. Улыбнулся даже чекистъ:

— Успѣете на свободѣ кончить.

МОСКВА

Я пожималъ десятки рукъ. Со всѣхъ сторонъ наперебой давали порученія. И черезъ нѣсколько минутъ сухой и знойный вѣтеръ, пыль, дребезгъ московскихъ улицъ... Какъ свѣтло, просторно! Извозчикъ медленно везъ меня съ моимъ тюремнымъ скарбомъ на Арбатъ.

Весь этотъ день слился у меня въ какое-то пестро-огненное движеніе. Я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Пустынная, большая наша комната въ Кривоарбатскомъ показалась скучной. Но Москва — родной. Меня привѣтствовали въ арбатской столовой. На улицѣ останавливали незнакомые и поздравляли. А я все не могъ остановиться. Все мнѣ хотѣлось итти, безъ конца говорить, волноваться — я и ходилъ по гостямъ до двухъ часовъ ночи — передавалъ и разсказывалъ женамъ, сестрамъ, роднымъ объ оставшихся. Былъ на Козихѣ у Головиныхъ, былъ въ Чернышевскомъ у Р. Г. Осоргиной.

***

Что можно прибавить о насъ? Кускова, Прокоповичъ, Кишкинъ, Осоргинъ и еще нѣкоторые просидѣли долго. Потомъ были сосланы. Потомъ попали заграницу. Пользы голодающимъ, конечно, мы не принесли. Предсказанія нашихъ женъ при началѣ Комитета («черезъ мѣсяцъ будете всѣ въ чекѣ») съ точностью осуществились. Но вспоминая наше сидѣніе, я вспоминаю не *плохое* дѣло, а *хорошее*. Мы ошиблись въ расчетѣ. Но мнѣ не стыдно, что я сидѣлъ. И Кусковой не стыдно.

Ну, а вотъ Каменеву...

Въ этомъ только и смыслъ. Мы въ тюрьмѣ были бодры, потому что правда была за нами. Мало? Нѣтъ, очень много!

Чтенія

Въ декабрѣ 1920 г., на «трудмобилизаціи» въ Притыкинѣ, предложили мнѣ, какъ человѣку «письменному» поступить писаремъ въ Каширу. Женѣ моей заняться рубкой лѣса. Это не устраивало насъ, и мы выбрались въ Москву.

Денегъ, разумѣется, не было. Но друзья нашлись. Друзья взяли въ Лавку Писателей, и я всталъ за прилавокъ торговать книгами. Это куда лучше, чѣмъ служить у коммунистовъ, да и давало возможность жить. Получали мы ужъ не помню какія тысячи, но тысячи платили и за сахаръ, кофе. Такъ что не совсѣмъ хватало, приходилось подрабатывать. Приглашали кое куда читать. Занятіе не изъ веселыхъ, но...

*
* *

— Какъ бы чего не вышло, смотрите, говорили мнѣ въ Лавкѣ. — Будете все-таки читать у коммунистовъ...

Тогда въ Москвѣ можно было еще позволить себѣ роскошь *не* читать у коммунистовъ! Надо

сказать прямо: кромѣ *нужды* меня никто не принуждалъ читать въ Домѣ Печати. (Еще отчасти было любопытство, да и нѣкій вызовъ). Пригласилъ меня Полонскій, извѣстный критикъ, — кажется, онъ и завѣдывалъ этимъ учрежденіемъ: и приглашалъ-то съ опаской, можетъ быть, молъ, еще не соблаговолитъ...

Я пришелъ часу въ девятомъ, нарочно пораньше. Послѣ холодной моей комнаты, гдѣ мы съ женой едва натапливали до десяти, одиннадцати градусовъ, пріятно удивила теплота, освѣщеніе, культурный видъ вестилюбя, гостиной. Зала прямо отличная, съ небольшой, но довольно элегантной эстрадой. И еще прелесть: буфетъ! Столики, какъ нѣкогда въ Литературномъ Кружкѣ, можно спросить стакáнъ чаю, бутербродъ съ красной икрой и т. п. — этого я нигдѣ за годы революціи не видалъ. Такъ что вражескій станъ хоть куда.

Немедленно сѣлъ за столикъ, честь честью, все мнѣ и подали — и вполнѣ развеселили. Собственно, не барышня мнѣ подававшая, а сосѣди. Ихъ было двое, за столикомъ у стѣны. Одного совсѣмъ не помню, а другой, спиною ко мнѣ, былъ въ какой-то фригійской шапочкѣ, въ три четверти виднѣлось суховатое лицо, бритое — я даже обратилъ вниманіе, про себя назвалъ его:

— Якобинецъ.

Они разговаривали между собой. Сначала о чемъ-то «вообще», потомъ о Домѣ Печати. Якобинецъ угрюмо сутулился, буркалъ. Видимо,

скептикъ здѣшнихъ мѣстъ, нѣкій «печальный Демонъ, духъ изгнанья».

— Что-же сегодня такое будетъ? — спросилъ собесѣдникъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, литературный вечеръ...

Собесѣдникъ зѣвнулъ.

— А кто будетъ читать?

— Извѣстный мерзавецъ Борисъ Зайцевъ, хмыкнулъ Робеспьеръ.

Собесѣдникъ, повидимому, удовлетворился, — они спокойно продолжали о другомъ.

Подошелъ Полонскій, любезно поздоровался, взглянулъ на мой крахмальный воротничекъ, приличный костюмъ, усмѣхнулся.

— Вы по европейски...

Я улыбнулся тоже.

— Да и у васъ по европейски... свѣтло, чисто, видите, чай пью. И меня только что обозвали мерзавцемъ.

Длинный носъ Полонскаго выѣхалъ еще болѣе впередъ.

— ?

— Ничего, тутъ два типа рядомъ тоже чай пили, и дѣлились впечатлѣніями... Ихъ право...

— Ну, это недоразумѣніе.

На эстрадѣ у меня стоялъ столъ, стулъ, электрическая лампочка, стаканъ съ чаемъ. Зала была полна — все молодежь, довольно сдержанная, много барышень, люди въ курткахъ, косоворткахъ, но фригійскаго своего пріятеля я не замѣтилъ.

Особенно пріятно было произнести вслухъ эпиграфъ: «Миренъ сонъ и безмятеженъ даруй ми». — Молитва.

На словѣ молитва я даже остановился, оглядѣлъ публику. Нѣкоторое, какъ бы легкое недоумѣніе по ней прошло, но чуть-чуть, вѣтеркомъ.

Читалъ я спокойно, и спокойно слушали. Настолько спокойно (и почти благожелательно!), будто я у себя въ Союзѣ. Когда кончилъ, аплодировали — что за удивленье? Гдѣ-же другіе Робеспьеры?

— Навѣрное, въ преніяхъ-то насыплютъ... Пренія были объявлены тотчасъ за чтеніемъ. Но и тутъ что-то странное... Хотѣлъ-ли Полонскій быть наперекоръ всему любезенъ, или загладить давешнее, но произнесъ слово почти юбилейное (оговариваясь, конечно, что я «не нашъ»). Петръ Семеновичъ Коганъ, Львовъ-Рогачевскій тоже сказали болѣе, чѣмъ дружественно. Возражать не на что, спорить не съ кѣмъ, только кланяйся да благодари...

***

Не всегда такъ идиллически приходилось читать. Странно требовать, чтобы въ революціи все было «миренъ сонъ и безмятеженъ»...

Нашъ Союзъ устраивалъ иногда большія выступленія: для сбора средствъ, частью изъ цѣлей литературныхъ. Одинъ такой вечеръ назначили въ Политехническомъ музеѣ. Читать при-

гласили Сологуба, Вяч. Иванова, Бѣлаго, Балтрушайтиса и меня.

Политехническій музей извѣстенъ — кудреватое зданіе, смотритъ на Ильинскія ворота — внутри коридоры, переходы, яркій свѣтъ, огромная аудиторія, круто подымающаяся вверхъ. Въ тотъ морозный вечеръ все это кишѣло, бурлило: на недостатокъ публики не могли мы жаловаться.

Бѣлый не пріѣхалъ. Сологубъ сидѣлъ въ артистической — лысый, холодноватый.

— Да, говорилъ, слегка встряхивая на носу пенснэ. — Будемъ читать. Да, читать такъ читать. Читать такъ читать.

Явился красный съ морозу Балтрушайтисъ. Вячеславъ Ивановъ, въ длинномъ старомодномъ сюртукѣ, съ золотящимися сѣдоватыми локонами вокругъ лба (сильно обнажившагося), пилъ чай, устремляясь всею фигурою впередъ (отъ него и вообще осталось впечатлѣніе, что даже, когда онъ стоитъ, тѣло его наклонно впередъ — какъ бы плывущій корабль. Золотое пенснэ, влажная кожа, слегка воспаленная, быстрые небольшіе глаза, носовой голосъ, рѣдкостный блескъ рѣчи — болѣе интереснаго и значительнаго собесѣдника я не встрѣчалъ).

Въ общемъ-же мы кучка, горсть, а въ пріоткрытую на эстраду дверь видно, какъ втекаютъ, растекаются по рядамъ скамей темныя фигуры, и чѣмъ выше, тѣмъ все гуще. Еще въ первыхъ рядахъ можно кое кого разсмотрѣть «своихъ», дальше идетъ «племя молодое, незнакомое...»,

разговаривающее, курящее, топающее въ нетерпѣніи ногами.

— Читать такъ читать, говорилъ Сологубъ. Да, будемъ читать. Да, будемъ читать. (Любилъ онъ однообразно и «загадочно» повторять одни и тѣ-же слова). Львовъ-Рогачевскій сдѣлалъ маленькое вступленіе: самъ соціалъ-демократъ, какъ бы преподносилъ насъ своей аудиторіи.

Все это вышло мирно и естественно. Читалъ и Вячеславъ Ивановъ — кажется, стихи. Мы съ Сологубомъ сидѣли на эстрадѣ. Вячеславъ Ивановичъ раскланивался на аплодисменты. Была очередь Балтрушайтиса.

Поэтъ сумрачный, одинокій, неблагодарнаго типа, Балтрушайтисъ никогда не пользовался «популярностью». Его цѣнили въ литературѣ и мало знала публика. Въ то время былъ онъ посломъ Литвы при СССР.

Но появленіе его вдругъ оказалось необыкновеннымъ: только онъ выступилъ, по аудиторіи пролетѣла молнія, зигзагомъ разодрала массу, дотолѣ равнодушную. Особенно силенъ былъ разрывъ на верхахъ. Сразу вскочили какіе-то люди, замахали руками, поднялся шумъ, крикъ, ничего нельзя ни понять, ни разобрать. Кто-то пытался кого-то удержать, кто-то съ кѣмъ-то спорилъ... Потомъ донеслось:

— Долой! Убійца! Кровь, убійца...

Юргисъ Казиміровичъ Балтрушайтисъ такъ-же похожъ на убійцу, какъ и я. Но уже сверху катились — буквально скатывались внизъ къ нашему суденышку, разъяренные люди, потрясая

кулаками, красные отъ гнѣва — съ лицами *ужасными*, это я хорошо помню.

— Убійца! Долой! Прекратить!

Балтрушайтись стоялъ блѣдный, что-то пытался сказать, но ничего не удавалось.

— Скандалъ, повторялъ спокойно Сологубъ. — Скандалъ. Это скандалъ. Настоящій скандалъ.

Выяснилось, что литовскіе коммунисты протестуютъ противъ казней ихъ товарищей въ Литвѣ — отвѣтственъ оказался Балтрушайтисъ, какъ посолъ. Въ сущности, мы въ ихъ власти. Ни оружія, ни полиціи — нѣсколько литераторовъ на эстрадѣ! Балтрушайтиса поскорѣе увели. Львовъ-Рогачевскій добился слова. Объяснилъ: Балтрушайтисъ извѣстный поэтъ, ни къ какимъ казнямъ не имѣетъ отношенія, и т. п. Нѣсколько пріутихли. Раздались даже аплодисменты, устроители ободрились. Но лишь только Балтрушайтисъ показался, все опять вскипѣло и на этотъ разъ ужъ безнадежно. Пришлось объявить перерывъ, спѣшно отправить домой Юргиса Казиміровича.

Затѣмъ выступать предстояло мнѣ. Можетъ быть, и я какой нибудь «убійца». Не особенно радостно подходилъ я къ кафедрѣ...

— Господа, я прочту сейчасъ...

— Не господа, а товарищи, поправили съ верховъ.

Но тутъ я проявилъ упрямство.

— Господа, повторилъ громче: сейчасъ я прочту свою вещь, называется она «Донъ Жуанъ».

Я читалъ плохо. Приходилось напрягать голосъ, и явно не было никакого созвучія. Но раздраженья тоже я не ощущалъ въ толпѣ. Прямо передъ собой, во второмъ ряду, видѣлъ фуражку молодого писателя, нерѣдко у меня бывавшаго. Онъ относился ко мнѣ дружественно, и отчасти покровительственно. «Ахъ, говорилъ: нельзя теперь о *такомъ* и *такъ* писать! Вотъ имажинисты — это другое дѣло». Его молоденькое лицо съ рыжеватыми глазами, не безъ пріятности, и не безъ плутовства, посматривало съ обычной снисходительной сочувственностью. Заламывая назадъ кэпку, ухарскимъ своимъ видомъ хотѣлъ онъ сказать — вотъ тебѣ и Донъ Жуаны, знай нашихъ, калуцкихъ!

Сологубъ прочелъ превосходные стихи — и то-же было настроеніе: льда безъ прежней ненависти. Нѣтъ, кромѣ Балтрушайтиса никто теперь не интересенъ.

**
*

Изъ Музея мы шли съ Сологубомъ въ Замоскворѣчье. Ильинка пуста, холодна. Идемъ серединою улицы, снѣгъ хруститъ. Звѣзды. Небо протекаетъ узкой лентою надъ головой, черны, угрюмы дома. На перекресткѣ костеръ, грѣются милиціонеры. На углу Красной площади дохлая лошадь.

— Проклятая жизнь. Проклятая жизнь. Какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ. Жизнь какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ.

Сологубъ поднялъ мѣховой воротникъ, пенснэ запотѣло. Шагаетъ неторопливо.

— Какъ при Гришкѣ Отрепьевѣ...

Василій Блаженный, Красная площадь... Туманъ отъ мороза, скрипъ валенокъ нашихъ, чернота въ золотѣ неба, дальній выстрѣлъ, багровый костеръ сзади.

— А могли бы и насъ съ вами нынче въ клочья разорвать. Да, могли-бы въ клочья. Такъ бы насъ и разорвали въ клочья. Мы-бы ничего и не подѣлали. Вотъ бы и разорвали въ клочья.

Говорилъ Ѳедоръ Кузмичъ точно каркалъ. Да и правда, несло намъ время великія бѣды. Та самая Анастасія Николаевна (жена его), что сопровождала насъ по Москвѣ застывающей, не такъ много позже кинулась въ Неву... Ѳедоръ Кузьмичъ скоро умеръ — въ бѣдности, болѣзняхъ, отверженіи... (Совѣтской власти онъ не поклонился). Испыталъ и я, что полагается, но тою грозною ночью все еще было въ предвѣстіи, за недалекими горами — только гулъ.

И тѣмъ рѣзче противоположность съ теплымъ домомъ, свѣтлымъ и привѣтливымъ, куда мы, наконецъ, пришли.

Въ тѣ годы въ Москвѣ находились люди промежуточной позиціи (между «нами» и «ими»). Преуспѣвали они «тамъ», но и прежнихъ друзей не забывали. Нѣкоторые изъ «насъ», благодаря этому и выжили. Докторъ, къ которому шли мы, былъ именно изъ такихъ. Временами устраивались у него сборища — литераторовъ и художниковъ, музыкантовъ, актеровъ. Прак-

тика въ Кремлѣ позволяла ему имѣть порядочную квартиру, теплую, съ электричествомъ, доставать коньякъ, питаться по человѣчески... какая роскошь для временъ проклятой «пшенки»! Докторъ былъ любителемъ «наукъ и искусствъ». Кружокъ, у него собиравшійся, назывался «Академія Неугомонныхъ»; цѣль его — давать передышку въ страшной жизни, и вообще: жить! хоть минутами. Вяч. Ивановъ сочинилъ гимнъ академическій. (Начинался онъ словами: «Не огни святого Эльма...» Кажется, была и музыка къ нему, если не ошибаюсь, А. Т. Гречанинова, одного изъ основателей кружка).

Чуть-ли не гимномъ этимъ насъ и встрѣтили. Помню Гречанинова съ женой, веселыхъ и оживленныхъ, самого доктора (позже, когда помиралъ я отъ тифа, въ числѣ другихъ и онъ меня вытаскивалъ...). Главное, помню ощущеніе дружественности, свободы, изящества, *своего* художническаго круга. Москвинъ и Юонъ, Гречаниновъ и Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, Чулковъ — это не литовскіе большевики. Хозяинъ кормилъ насъ, поилъ, ухаживалъ — видно было, что ему занятно, дѣлаетъ онъ это отъ души. Что-то играли на рояли, много болтали, хохотали, разсказывали о Музеѣ и скандалѣ. Потомъ Сологубъ читалъ — и читалъ много, замѣчательно — въ рѣдкомъ ударѣ находился, да и мы не въ обычномъ состояніи. Этотъ пиръ артистическій, если былъ и «во время чумы», то съ инымъ настроеніемъ, но не будничный, въ странномъ сочетаніи восторга и бѣды, вокругъ насъ

завивавшейся. Кажется, Сологубъ договаривалъ послѣднія свои слова, было это какъ бы прощаніе со всею нашей жизнью. Никогда раньше не пронзали такъ его стихи (да и читалъ онъ много; мы не замѣчали времени — до четырехъ часовъ).

«Когда меня у входа въ Парадизъ
Суровый Петръ, гремя ключами, спроситъ:
— Что сдѣлалъ ты? — меня онъ внизъ
Желѣзнымъ посохомъ не́ сброситъ.
Скажу: слагалъ романы и стихи,
И утѣшалъ, но и вводилъ въ соблазны.
И вообще мои грѣхи,
Апостолъ Петръ, многообразны.
Но я — поэтъ. И улыбнется онъ,
И разорветъ грѣховъ рукописанье,
И смѣло въ рай войду, прощенъ,
Внимать святое ликованье.

Больше Сологуба я никогда не видѣлъ. Той ночью былъ онъ весь особенный и вдохновенный — вышелъ изъ обычнаго своего сумрака. Такимъ запомнился. Его дальнѣйшая, недолгая жизнь была, кажется, сплошной Голгофой.

Революціонная пшеница

...Годы послѣ войны прожили мы въ деревнѣ, тульскомъ имѣніи отца. Не могу сказать, чтобы насъ обижали. Меня не только не убили, но и заложникомъ не взяли. Не лишили и крова. Я занималъ попрежнему свой флигель. Мнѣ вернули книги, реквизированныя во время моей отлучки: всѣ Соловьевы и Флоберы, Данте, Тургеневы и Меримэ не безъ торжественности возвратились (въ розвальняхъ) домой — на родныя притыкинскія полки. Правда, пришлось воевать: молодой, бѣшенный коммунистъ въ Каширѣ, мѣстный министръ просвѣщенія, библіотеки не хотѣлъ возвращать. Когда жена моя явилась къ нему съ разными «мандатами», онъ отказался ихъ исполнить. Въ изступленіи кричалъ: — Вижу, что подпись Каменева! Пусть Чека изъ Москвы ѣдетъ, пусть меня разстрѣляютъ, не отдамъ народнаго достоянія!

— Да вѣдь это мужъ на свои деньги чуть ни всю жизнь собиралъ...

— Вашъ мужъ и такъ все знаетъ — зачѣмъ ему книги, а народъ жаждетъ просвѣщенія...

Въ товарищѣ Федоровѣ, или Федулинѣ, была искренность. Онъ искренно ненавидѣлъ насъ, по его мнѣнію, угнетателей народа. Малограмотный — искренно полагалъ, что «народъ» жаждетъ прочитать Вячеслава Иванова и «Образы Италіи» Муратова. Хуже, конечно, было то, что половина книгъ оказалась на французскомъ языкѣ. Комическое же состояло въ Чекѣ: изъ Москвы женѣ удалось достать столь грозныя бумаги, что ими можно было припугнуть каширскаго Сенъ Жюста. Къ чести его, онъ не испугался.

— Хотя бы самъ Карлъ Марксъ пришелъ и потребовалъ — не отдамъ. Пускай разстрѣляютъ, наплевать.

Черезъ нѣсколько же дней потухъ, успокоился, и сдался на простое соображеніе: книги для меня орудія производства.

— Орудія производства мы обобществляемъ, — хмуро сказалъ-было сначала.

— Да, въ капитализмѣ. Но я кустарь самоучка.

На самоучку возражать не пришлось. Народъ моими книгами не просвѣтился.

Слухъ же о томъ, что «молодой баринъ» можетъ раздобыть такой мандатъ, по которому и книги возвращаютъ, въ деревню проникъ. Это укрѣпляло наше положеніе. Жили мы съ кре-

стьянами отлично, все таки не вредно было иной разъ показать свое могущество.

Въ началѣ революціи Кускова и Осоргинъ издавали въ Москвѣ кооперативную газету — очень приличную. Я тамъ кое что печаталъ. Писали иногда и обо мнѣ. И вотъ разъ, во флигелѣ, жена показала нѣкоей собирательной Анюткѣ номеръ газеты.

— Ну, видишь это чье тутъ имя?

Анютка по складамъ прочла.

— Бариново.

— А тутъ?

Та не безъ трепета разобрала: При-ты-ки-но.

Жена сложила газету.

— А дальше сказано, что если барина хоть пальцемъ тронутъ, такъ деревню артиллеріей снесутъ... Понятно?

Въ тотъ же вечеръ вся деревня это знала — артиллерія Кусковой и Осоргина выступила на мою защиту.

***

Къ осени 20 года выяснилось, что сѣмянъ для озимаго у насъ мало. Еще мать могла кое-что посѣять, на деревнѣ же у крестьянъ почти все было съѣдено (т. е. остатки реквизицій и разверстокъ). Жуткая вещь — очутиться безъ сѣмянъ! Сограждане мои забезпокоились. Да и намъ приходилось туго.

И тогда пришла мнѣ странная (но къ революціи подходящая) мысль: спуститься прямо въ пасть львиную, что нибудь оттуда вы-

удить. Съѣздить въ Москву, добыть сѣмянъ у того самаго «правительства», которое насъ обирало.

Нерадостно вспоминаешь поѣздки того времени: тряску въ телѣгѣ, мытарства съ разрѣшеніями, билетами, забитые толпой вокзалы, запакощенные вагоны. Только осеннія поля наши, крестцы овсовъ, запахъ мякины, конопли въ деревняхъ, теплый дымокъ надъ трубами, спутанныя лошади въ ложочкѣ — вѣчный пейзажъ Россіи — всегда прекрасны. Въ Каширѣ пришлось прожить цѣлый день. Мы останавливались у знакомой дамы желѣзнодорожницы. Привозили ей ковриги хлѣба, а она выхлопатывала билеты. Отъ скуки забрели на митингъ — въ это время воевали съ Польшей. Попали какъ разъ на рѣчь пріятеля нашего библіотечнаго. Онъ громилъ съ эстрады передъ сотней слушателей Польшу. Отъ волненія поблѣднѣлъ, задыхался, грозилъ кулакомъ — но «панская Польша» ему не давалась, все онъ кричалъ:

— Товарищи, покажемъ имперіалистамъ *польской панши*... Или: *польская панша*, вооруженная до зубовъ...

Слушатели равнодушно принимали паншу — можетъ быть, даже больше такъ нравилось — за Окой видны были синѣющіе лѣса, августовское солнце блѣднѣло, и тощи казались деревца, запыленныя въ садикѣ. Русь, Кашира! Пусть Дворянская называется улицей Карла Маркса, но такая-жъ скакучая мостовая на ней, такіе-жъ

булыжники, пыль, запахъ дегтя, заборы и такъ же милы сады каширскіе — многояблочные, многовишенные, — надъ ними звонятъ колокола бѣлыхъ церквей.

Тяжкимъ, ночнымъ путемъ добрались до Москвы.

Черезъ нѣсколько дней удалось побывать и у Каменева. Онъ далъ записку къ комиссару земледѣлія. Тотъ и долженъ былъ все сдѣлать.

Комиссаръ Середа помѣщался со своимъ учрежденіемъ на Пречистенскомъ бульварѣ, въ домѣ Управленія Удѣловъ. Яснымъ утромъ осеннимъ подходилъ я, не безъ волненія, къ этимъ Удѣламъ: нѣкогда гостилъ тутъ Тургеневъ, здѣсь читалъ друзьямъ «Дворянское гнѣздо», а теперь вотъ приходится подыматься по лѣстницѣ, въ чемъ-то убѣждать, чего-то просить у какого-то Середы... Ничего не подѣлаешь: голодъ есть голодъ.

И не сразу, конечно, дался Середа. Плотненькая, но привѣтливая барышня, секретарша, потомила — однако, каменевское имя имѣло вѣсъ. Провели въ угловой, огромный кабинетъ, весь залитый солнцемъ. Надъ большимъ столомъ увидалъ я черную народническую бороду (навѣрно, въ этой комнатѣ — лучшей — и жилъ Тургеневъ!).

Думаю, Середа былъ не большевицкой закваски, а эсеровской, и обще-интеллигентской: что-то человѣческое, болѣе мягкое, въ немъ чувствовалось. Надъ столомъ онъ сгибался, какъ сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей», тяготѣлъ

къ общинѣ, лѣтомъ, навѣрно, ходилъ въ калошахъ. Бороду утюжилъ подъ Михайловскаго.

Я ему передалъ прошеніе нашихъ крестьянъ, подтвердилъ, что положеніе вправду тяжелое, разсказалъ объ общинѣ — однимъ словомъ, получился разговоръ двухъ народолюбцевъ семидесятыхъ годовъ. Середа успѣлъ разгладить, вновь завертѣть свою бороду, опять разутюжить ее — и призналъ, что безъ сѣмянъ сѣять труднс.

Опять секретарша, машинки, печати — и черезъ день по всѣмъ правиламъ, предписаніе складу: выдать гражданамъ сельца Притыкина столько то пудовъ сѣмянъ *озимой* пшеницы.

Успѣхъ настолько удивительный, что за него простишь и Тургенева, и домъ Удѣловъ.

***

«Мандатъ» мой произвелъ въ деревнѣ впечатлѣніе огромное. Крестьяне, въ осторожности своей и вѣковѣчной подозрительности, не очень-то сначала и повѣрили (всѣ Дуньки и Анютки мигомъ перекинули побѣду съ нашей кухни на деревню). Но на сходкѣ я документъ показалъ. Его ощупали, обнюхали, осмотрѣли: все въ порядкѣ!

Надо было рѣшиться на одно: обозомъ двинуться въ Москву, оттуда привезти сѣмянъ — таково условіе подарка. Начались разногласія. Мудрецы утверждали — что нибудь тутъ да не такъ. Почему это ни съ того, ни съ сего, двѣсти пудовъ пшеницы? И безъ возврата? На это

отвѣтили: а какъ же книги вернули? Онъ, баринъ-то, ты не смотри, что у себя во хригелѣ все книжки читаетъ. Онъ свой интересъ понимаетъ: у бабушки (такъ называли мою мать) сѣмяновъ тоже нѣтъ, онъ и хлопочетъ...

Взяло верхъ мнѣніе, что ѣхать надо. Мы считались «гражданами сельца Притыкина», и отъ нашего двора выѣхалъ гражданинъ Климка, нашъ работникъ, знаменитый святою своей дуростью. Баба Авдотья голосила, что у ней нѣтъ лошади и подводы, «а сѣменовъ то и на моихъ дармоѣдовъ, на моихъ праликовъ надо» (у ней были дѣти) — ей рѣшили удѣлить сообща. Послѣ долгихъ сборовъ, споровъ, проволочекъ — обозъ, наконецъ, тронулся. До Москвы сто тридцать верстъ, осень сухая, дней въ пять-шесть обернутся...

Не безъ волненія ждали мы ихъ. Мандатъ мандатомъ, но вѣдь Богъ ихъ знаетъ, комиссаровъ...

На седьмой день Климка въѣхалъ на сѣрой кобылѣ во дворъ — съ нагруженнымъ, укрытымъ брезентомъ, возомъ.

— Что-жъ, хорошо въ Москву съѣздилъ?

Климка былъ человѣкъ сумрачный, не разговорчивый. Да и слова не особенно гладко изъ него шли.

— Москва-то тебѣ понравилась?

— Понравилась... понравилась. Я тебѣ сѣмяновъ привезъ... а ты... понравилась.

«*Сѣмяновъ*» привезъ не одинъ Климка — вся деревня.

— Даже замѣчательной пшеницы дали, — разсказывалъ на другой день Федоръ Степанычъ, нашъ пріятель и «комиссаръ деревни», — неглупый, бойкій человѣкъ, изъ бывшихъ приказчиковъ. Онъ немного кашлялъ, шея у него замотана шарфомъ.

— Такъ что, знашь-понимаешь, не задаромъ въ Москву съѣздили... И мужики премного вамъ благодарны.

Началась моя слава. Слава вообще связана съ ужасомъ, особенно въ «народныхъ массахъ». Нѣкоторый тихій ужасъ возникъ и вокругъ моего «хригеля». Если возвращаютъ книги, даютъ сѣмена; если Кускова съ Осоргинымъ угрожаютъ артиллеріей, значитъ же... И въ тѣ дни случалось, что въ дверь ко мнѣ раздавался стукъ. Отворялъ ее робкій посѣтитель откуда нибудь изъ Мокраго, Оленькова, даже съ Мордвеса.

— Значитъ, какъ мы слыхали, что вы, очень до сѣмяновъ ходовиты, то селеніе наше и кланяется, а насчетъ чего прочаго мы завсегда поблагодаримъ...

Выходило что то изъ «Ревизора». Бобчинскій съ Добчинскимъ не являлись, но плакалась и баба, и вообще, будь у меня характеръ Хлестакова, я бы могъ процвѣсть.

Но Судьба не такъ долго держала меня на подмосткахъ.

Пшеницу посѣяли. Кто подовѣрчивѣй — всю. Мудрецы (въ томъ числѣ Федоръ Степанычъ), смололи ее и пустили на пищу, а посѣяли изъ

остатковъ урожая — хотя зерномъ пшеница была превосходная: съ сѣвернаго Кавказа.

Она взошла удивительно. На вечернихъ прогулкахъ нерѣдко я любовался ея мощной густой изумрудною зеленью. Стебелекъ къ стебельку, какъ подъ щетку. Уже грачъ могъ почти прятаться въ ней, когда начались заморозки. Утромъ зеленя стояли сѣдыя — спутанныя лошади, которыя паслись на нихъ — оставляли темнозеленые слѣды и борозды.

И къ удивленію моему... сталъ я замѣчать, что днемъ всходы не такъ изумрудны. Они блѣднѣли, съ каждымъ днемъ прибавлялись погибшіе стебельки.

Черезъ нѣсколько дней съ нашей же кухни пришло извѣстіе: пшеница вся вымерзла. Середа подкузьмилъ — вмѣсто озимой далъ яровую.

***

— Куда же вы смотрѣли, когда брали? — спрашивалъ я Федора Матвѣича.

— Оно, дѣйствительно, вышло ошибочно, но на глазъ она что озимая, что яровая одинаково оказываетъ, никакъ не разберешь, да и начальство спутало...

Я не могу и тутъ жаловаться: слава моя уходила подъ горизонтъ, на подобіе солнца, медленно и непоправимо, но *лойяльно*. Никто меня не укорялъ. Но въ дверь больше не стучали, хо-

доковъ не присылали и вокругъ меня устанавливалась прохладная пустота.

Впрочемъ, это были послѣдніе вообще мои мѣсяцы деревенскіе: съ паденіемъ Перекопа и мы отступили на Москву.

Пасть львина

*Памяти недавно скончавша-
гося Я. Л. Г.*

Всякому, кто Москву знаетъ, ясно, что за Никитскимъ бульваромъ, почти параллельно ему, идетъ Мерзляковскій переулокъ (прямо къ «Прагѣ»), а около него ютятся разные Скатертные, Хлѣбные, Столовые и другіе симпатично-хозяйственные: барская, интеллигентская Москва.

Скатертный, д. № 8, въ нижнемъ этажѣ, помѣщалось писательское содружество — «Книгоиздательство писателей». На началахъ артельныхъ выпускали тамъ альманахи и собственныя сочиненія Бунинъ, Шмелевъ, Вересаевъ, Телешовъ, Алексѣй Толстой, Сургучевъ, я, другіе. Управлялъ дѣлами нѣкій Клестовъ. Предпріятіе было поставлено основательно. Книги авторовъ прочныхъ, альманахи отлично шли, писатели зарабатывали.

Войну книгоиздательство выдержало, даже преуспѣло. Въ революцію произошла такая

вещь, что Клестовъ отошелъ къ большевикамъ, Бунинъ, Толстой, позже Шмелевъ уѣхали. Остались книжные склады, Вересаевъ, Телешовъ да я. Клестовъ издали, но по старому знакомству покровительствовалъ. Власти не закрывали — частію не доглядѣли, да и Вересаева настоящая фамилія Смидовичъ. Значитъ большая рука въ правительствѣ.

Мы кое-что продолжали печатать, кое-какъ держались. Благодаря разнымъ комбинаціямъ дипломатическимъ, въ 21 году предсѣдателемъ оказался я: выбрали оставшіеся пайщики.

***

Вмѣсто Клестова хозяйствомъ завѣдывалъ теперь секретарь, старичекъ Яковъ Лукичъ. Прежде онъ служилъ бухгалтеромъ въ лабазѣ на Ильинкѣ — худенькій, носилъ очки, сгорбленный, нѣсколько напоминалъ Ключевскаго. Имѣлъ какое-то отношеніе къ старообрядцамъ — работникъ былъ замѣчательный и человѣкъ дотошный. Къ намъ относился сочувственно, но слегка покровительственно, какъ къ людямъ книжнымъ, непрактическимъ. Я покорно подписывалъ разныя бумажки, какія онъ мнѣ подавалъ, а онъ посматривалъ на меня иногда строго, маленькими глазками изъ подъ очковъ. Я немного смущался. Что понимаю я въ его бухгалтеріяхъ? Того и гляди поставитъ «неполный баллъ», какъ нѣкогда инспекторъ въ гимназіи.

Разъ, въ началѣ апрѣля, захожу въ издательство. Яковъ Лукичъ разстроенъ — сразу видно.

— У насъ маленько затрудненьице-съ...

— Что такое?

— Выселяютъ. Что, молъ, за писатели такіе, вы больше контръ-революціонеры, да и то ни черта не издаете. А мы коминтернъ. И квартиру вашу заберемъ и типографію.

— Невесело, Яковъ Лукичъ.

— До веселья даже весьма далеко.

— М-м... что же мы будемъ дѣлать?

Яковъ Лукичъ призадумался.

— Что-жъ тутъ подѣлаешь... Аки въ пасть львину махнемъ. На двѣнадцатое число — изволите видѣть? — онъ показалъ бумажку, — назначено засѣданіе, въ московскомъ совѣтѣ. Коминтернъ выступитъ. Ну и мы... тово, не должны бы лицомъ въ грязь ударить. Мы же кооперація, не забудьте! Трудовое товарищество, и зарегистрированы, и книжечки издаемъ, работаемъ...

— Отлично. Вы съ Викентіемъ Викентьичемъ и займетесь...

Яковъ Лукичъ ухмыльнулся не безъ яду.

— Нѣтъ-съ ужъ, какой тамъ Викентій Викентьичъ. Въ бумажкѣ прямо сказано: объясненія долженъ дать предсѣдатель правленія.

— Да вѣдь у Викентія Викентьича братъ въ совѣтѣ...

— Мало бы что. Сказано предсѣдатель, они иначе и разговаривать не станутъ... Да вѣдь и вы съ товарищемъ Каменевымъ знакомы-съ? Чего же проще.

Правленіе наше вполнѣ подтвердило взглядъ Якова Лукича: итти мнѣ, а секретаря взять съ собой — для справокъ, отчетности и тому подобнаго.

У Подколесина было окно, куда выскочить. Мнѣ — куда же? Значитъ, надо итти.

***

Апрѣльскій мягкій день. Лужи, почки на тополяхъ, нѣжная московская дымка надъ полузамученнымъ городомъ.

Дворецъ генералъ-губернатора. Стучатъ машинки, входятъ и выходятъ товарищи, аккуратныя барышни бѣгаютъ. У входа два красноармейца.

— Я вчера у св. Андрея Неокесарійскаго въ толкованіи къ Апокалипсису читалъ-съ... да, я теперь знаю ужъ точно... насчетъ коминтерна-съ...

Яковъ Лукичъ, въ потертомъ пальто, сильно закутавъ платкомъ шею, въ огромныхъ калошахъ входилъ со мной въ вестибюль. Мрачный у него былъ видъ. Хорошо бы закрестить всю эту дьявольскую чепуху.

Мы подали кому слѣдуетъ свою бумажку, сколько надо ждали, потомъ насъ попросили въ залъ засѣданій. Узкая комната съ окномъ на площадь. Длинный столъ, въ центрѣ Каменевъ, по бокамъ «товарищи», больше молодежь.

— Ваше дѣло теперь скоро, — шепнула барышня. — Можете здѣсь побыть.

Каменевъ сидѣлъ нѣсколько развалясь, побалтывая подъ столомъ ногой. Ботинокъ снятъ, очевидно натеръ. Онъ — предсѣдатель совѣта, а тутъ засѣданіе президіума. «Въ самое ихнее пекло и попали-съ»... — шепнулъ Яковъ Лукичъ. И сталъ разбирать свои бумажки. (Тамъ у него подробно, тщательно было разрисовано, какія мы когда выпускали книги, въ какомъ количествѣ, какъ работала типографія, и т. п.).

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы по виду пекло было страшное. Каменевъ кивнулъ почти любезно, «разбойнички» имѣли тоже веселый видъ — слесаря, въ родѣ приказчиковъ, булочники, нѣкоторые съ залихватскими вихрами. Во френчахъ, кожаныхъ курткахъ. Тоже поглядывали на насъ съ любопытствомъ. «Про Короленку, Владиміра Галактіоновича, не забудьте, про Короленку», шепталъ Яковъ Лукичъ. «Что, молъ, такого знаменитаго писателя тоже издаемъ. Они его уважаютъ. И Кропоткина... Гаршина, обязательно надо...» «Яковъ Лукичъ, а какъ бы это не наврать, какой у насъ съ перваго то января балансъ?». Яковъ Лукичъ не безъ раздраженія тычетъ вѣдомость съ колонкой цифръ — все это я приблизительно знаю, да вдругъ собьешься передъ коминтерномъ. «Я ужъ вѣдь вамъ показывалъ-съ... А ежели, извините, собьетесь, — только ужъ не уменьшайте»...

Нельзя отрицать, симпатичные молодцы дѣйствовали рѣшительно. До насъ были дѣла тоже мелкія, хозяйственныя по Москвѣ. Отпускъ дровъ районному совѣту, ремонтъ казармъ, до-

вольствіе пожарнымъ москворѣцкой части. Долго не разговаривали. Разъ, два — готово. По правдѣ сказать, темпъ и рѣшительность даже понравились мнѣ.

Наконецъ:

— Дѣло книгоиздательства писателей и коминтерна... Кто присутствуетъ? А, предсѣдатель, такъ. Сядьте сюда. Коминтернъ? Товарищъ Герцбергъ. Слушаемъ. Товарищъ, изложите свою претензію.

Товарищъ Герцбергъ оказалась сытенькая, стриженая барышня еврейскаго вида. У ней тоже была какая то папка, она разложила ее. Я сѣлъ рядомъ, справа Яковъ Лукичъ. «Про Толстого то, Толстого не забудьте», поблѣднѣвъ зашепталъ Яковъ Лукичъ. «Онъ хоть Алексѣй, а для нихъ вполнѣ за Льва сойдетъ».

О, если бы слышала это товарищъ Герцбергъ! Но она поводила плечами въ кожаной незастегнутой курткѣ, напирала грудями на свою папку и сразу пошла галопомъ.

— Товарищи, такъ называемое книгоиздательство писателей въ прежнее время издавало реакціонную литературу, но вотъ уже два года находится въ полномъ интеллигентскомъ параличѣ...

То ли слишкомъ великъ былъ ея азартъ, то ли она не подготовилась, но ничего лучшаго для насъ и представить себѣ нельзя было. Она утверждала, что мы существуемъ лишь на бумагѣ, книгъ не издаемъ, квартира пустуетъ, типографія не работаетъ... — въ то время, какъ

бѣдный коминтернъ тѣснится, жмется въ какихъ то углахъ, у него нѣтъ ни помѣщеній, ни достаточнаго количества типографскихъ машинъ.

Говорила быстро, по одесски. Все знаетъ, все понимаетъ товарищъ Герцбергъ. Даже удивлена, что ей, представительницѣ могучей организаціи, приходится доказывать... (таковъ былъ тонъ).

Всякое собраніе есть театръ. На каждомъ представленіи родится атмосфера, спасающая пьесу, или ее губящая. Не ту ноту взяла товарищъ Герцбергъ — и сразу это почувствовалось.

Каменевъ холодно разрисовываетъ круги.

Пугачевцы недовольны. Что-то говорятъ другъ другу вполголоса. Непрізненно улыбаются. (Позже мы узнали, что у московскаго совѣта именно тогда и были нелады съ коминтерномъ).

— Товарищъ, кратче, — сухо сказалъ Каменевъ.

Она разсердилась и стала еще краснорѣчивѣй.

— Хорошо, все ясно. Представитель другой стороны.

Не нужно было быть ни Маклаковымъ, ни Плевакой, чтобы по шпаргалкѣ прочитать, сколько книгъ, и на какую сумму издали мы въ этомъ году. (При имени *Кропоткинъ, Толстой,* — побѣдоносныя усмѣшки на лицахъ слесарей). На слѣдующій мѣсяцъ предположенъ Короленко — избранныя сочиненія... Типографія работаетъ. Въ квартирѣ издательства телефонъ и постоянные часы пріема.

Коминтернъ нервно попросилъ слова. Опять митинговая рѣчь.

«Гаршина-то, Гаршина позабыли...» шепталъ сбоку Яковъ Лукичъ тѣмъ тономъ, какъ нѣкогда, въ молодости говорилъ мнѣ объѣздчикъ Филиппъ на охотѣ: «Эхъ, баринъ, опять черныша смазали!» Но теперь самъ коминтернъ на насъ работалъ.

Каменевъ наконецъ вмѣшался.

— Все это, товарищъ, извѣстно. Вы повторяетесь. Мы теряемъ время.

— Довольно, довольно, — раздалось кругомъ.

Каменевъ предложилъ высказаться президіуму. Сказано было всего нѣсколько словъ. Трудовое товарищество работаетъ, — и пусть работаетъ. Издаетъ великихъ писателей, какъ Толстой. Мѣшать не надо.

Товарищъ Герцбергъ, не спросясь, перебила говорившаго, вновь громя насъ. Каменевъ разсердился.

— Товарищъ, я лишаю васъ слова. Мнѣніе президіума? Да. Такъ. Постановлено: коминтерну отказать. Секретарь, слѣдующее тамъ что у васъ?

***

Черезъ полчаса мы сидѣли ужъ въ Скатертномъ. Мимо оконъ проходили прохожіе. Закатъ сіялъ за Молчановками, Поварскими. Недалеко особнякъ Муромцевыхъ. Недалеко домъ Эльки-

на, гдѣ когда то мы жили. Мирная, *другая* Москва.

— Что-жъ, Яковъ Лукичъ, пасть львина ужъ не такъ страшна? Побѣдили мы съ вами коминтернъ — два такихъ воеводы?

— Изумляюсь, поистинѣ...

Онъ всталъ и отворилъ шкафчикъ.

— Тутъ у меня на лимонной корочкѣ настойка есть, то и слѣдовало бы по случаю пораженія иноплеменныхъ чокнуться.

Нашлись двѣ рюмки. И мы чокнулись.

— Разоряютъ Москву, стервецы-съ, сказалъ вдругъ грустно Яковъ Лукичъ. — До всего добраться хотятъ, это что-съ, квартира наша, типографія. Пустяки. Подробность. Они глубже мѣтятъ. Имъ бы до святыни дорваться...

Онъ помолчалъ.

— А что мы съ вами такъ фуксомъ выскочили, это дѣйствительно...

— И то слава Богу, Яковъ Лукичъ. Я не надѣялся.

Онъ вдругъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ, погладилъ столъ, кресло.

— Все теперь опять наше... И квартира, и типографія. А какъ вы скажете, ежели по второй?

Выпивъ, Яковъ Лукичъ поднялся. Невысокій, сгорбленный, показался онъ мнѣ дальнимъ потомкомъ дьяковъ московскихъ, родственникомъ Ключевскаго. Трепаная бороденка — не то хвостъ лошадиный, не то рѣдкіе кустарники по вырубкамъ.

— У св. Андрея Неокесарійскаго про этотъ самый коминтернъ весьма даже ясно сказано...

И трижды показавъ дулю невидимому врагу, обернулся ко мнѣ. Что то строгое мелькнуло въ умныхъ его глазкахъ.

— А Гаршина вы всетаки изволили позабыть.

Прощаніе съ Москвой

Много въ Москвѣ было для насъ всяческаго, и радостнаго, и горькаго, и большого, и малаго, и черезъ нашу жизнь Москва прошла насквозь — проросла существа наши, людей московскихъ. Но въ судьбѣ нѣкоторыхъ изъ насъ было и удаленіе изъ Москвы, разставаніе съ нею... — временное ли? Или навсегда?

Есть въ Москвѣ улица Арбатъ. Нѣкогда названа она была Улицей Св. Николая — по тремъ церквамъ святителя на ней: Никола Плотникъ, Никола на Пескахъ, Никола Явленный. Вокругъ всякія улочки и переулки, съ именами затѣйливыми — Годеинскій, Серебряный, Кривоарбатскій. Этотъ послѣдній въ самой серединѣ Арбата, рядомъ со зданіемъ Военно-Окружнаго суда — и переулокъ дѣйствительно кривой: названъ правильно.

Вспоминая московскую свою жизнь, видишь, что и началась она и окончилась близъ Арбата. На углу Спасопесковскаго было первое, юное наше пристанище, въ этомъ Кривоарбатскомъ послѣднее.

Вижу его теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ, взоромъ неравнодушнымъ. Пристанище для временъ революціи и совсѣмъ неплохое: мы снимали въ квартирѣ артистки одной огромную комнату, сами ее обставили, устроили печку, въ зимнюю стужу обогрѣвали и боками своими. Прожили въ ней полтора года. Въ эту то комнату и пришелъ разъ, поздно вечеромъ, другъ нашъ, издатель. Вполголоса, въ полутьмѣ, говорили мы объ отъѣздѣ: самъ онъ уѣзжалъ въ Берлинъ, тамъ основывая издательство, вывозя и меня, и мою семью.

Въ эту комнату пришла первая иностранная виза — изъ Италіи! Отсюда мы уѣзжали.

Отсюда же, мысленно, веду я разсказъ и сейчасъ — о послѣднихъ моихъ дняхъ на родинѣ.

***

Та весна была теплая, почти жаркій май, и довольно пыльный. Много приходилось путешествовать по учрежденіямъ... — грязноватыя лѣстницы, очереди, товарищи, штемпеля, бланки. «Изъ Ч. К. разрѣшенія еще нѣтъ», значитъ опять ждать: комиссаріатъ иностранныхъ дѣлъ безъ чеки ничего не дастъ.

Все равно мы терпѣли, ждали, дѣло серьезное. Сила же терпѣнія и упорства велика. Одна бумажка выйдетъ, ждешь другую, одинъ штемпель прибавился и то хлѣбъ, ждешь слѣдующаго. Удостовѣренія, разрѣшенія — безъ конца.

Но конецъ все-таки пришелъ. Однажды, въ началѣ іюня, взобравшись на очередной третій этажъ, получилъ я двѣ красныя паспортныя книжки съ фотографіями, печатями и подписями. Сохраняю ихъ — слѣдъ прошлаго, а отчасти — знакъ хода судебъ: на восьмой страницѣ книжечекъ этихъ, по голубоватой сѣткѣ бумаги красными чернилами подпись: Г. Ягода. Съ нимъ рядомъ, мельче и тусклѣе: М. Трилиссеръ.

Участи Трилиссера я не знаю, судьба Ягоды всѣмъ извѣстна. Не безъ содроганія смотришь теперь на эти имена, но тогда меньше всего я о нихъ думалъ. Сквозь всю усталость пробивалось лишь одно: выпустили! Ѣдемъ.

По улицамъ несъ документы благопристойно. Дома же разложилъ ихъ по полу и — надо сознаться — протанцовалъ надъ ними.

А между тѣмъ, дѣло вѣдь шло объ отъѣздѣ изъ родного города, родной земли! Мы покидали самыхъ близкихъ. Хоть и говорили, что на время, и въ сознательной, освѣщенной части души такъ, какъ будто, и было, но въ потемкахъ глубинъ... Все-таки мы не колебались. Насъ несла уже нѣкая сила — корабли у пристани, на дальній западъ, прочь отъ Трои пылающей. Это судьба. Все текло въ жизни нашей къ отъѣзду. То одно, то другое удалялось изъ комнаты — что дарили, а что продавали. И все ближе, ближе...

⁂

Въ Москвѣ въ эти дни шелъ большой политическій процессъ — эсеровъ. Процессъ былъ многолюдный, публика волновалась и все требовала смерти. На защиту пріѣзжалъ изъ Бельгіи Вандервельде. На Виндавскомъ вокзалѣ, откуда мы должны были уѣзжать, ему устроили такой пріемъ, какого европейскій человѣкъ не ожидалъ: орали и свистали, бросали камни, даже и ругали его по французски. Это, кажется, его удивило, онъ не зналъ, что такъ распространенъ его языкъ въ Россіи (если бы зналъ, что нѣсколько мальчишекъ спеціально были обучены, изображая народъ, удивленіе его убавилось бы).

Приговоръ приготовили, разумѣется, загодя, но ему надо было дать характеръ воли народа. Рѣшили сдѣлать это, «поднять массы».

Молочница, носившая намъ молоко, тоже была изъ массъ.

Наканунѣ дня манифестаціи сказала моей женѣ:

— Завтра, барыня, прямо всѣ пойдемъ. Вся Москва.

— Куда же это?

— И со знаменами, со флагами. Этихъ вотъ, какъ ихъ тамъ... чтобы требовать наказанья.

— А что они тебѣ?

— Да мнѣ то ничего. А такъ, что сказано: кто пойдетъ, тому калоши выдадутъ. А достань-ка нынѣ калоши!

Мы должны были выѣзжать наканунѣ манифестаціи. Но изъ за Вандервельде, спѣшно, въ безпорядкѣ отступавшаго со своими спутниками, нашъ отъѣздъ отодвинулся: всѣ мѣста въ заграничномъ вагонѣ оказались ужъ заняты. Такъ что день заработка калошъ мы проводили еще въ Москвѣ. Это было именно наше послѣднее московское утро.

Поѣздъ уходилъ въ пятомъ часу. И среди всѣхъ формальностей отъѣзда все таки одна не была еще выполнена.

Пришлось итти въ Китай-городъ. Я шелъ по Арбату мимо «Праги», гдѣ когда то мы веселились. Справа Арбатская площадь съ памятникомъ Гоголя. Противъ Гоголя стѣна Александровскаго Военнаго Училища. Памятникъ при мнѣ открывали, форму училища я одно время носилъ.

Мимо церкви св. Бориса и Глѣба вышелъ на Воздвиженку, обогнулъ «Петергофъ», прошелъ мимо университета, гдѣ учился. Повернулъ къ Историческому Музею. Было теплое утро, солнечное, совсѣмъ какъ весной 1918 года, когда православная Москва вышла съ иконами и хоругвями на улицу. Съ разныхъ концовъ города, при громовомъ гулѣ колоколовъ, собирались крестные ходы ко Храму Христа Спасителя, а оттуда двинулись ко Кремлю. Нашъ Арбатскій районъ шелъ Пречистенскимъ бульваромъ, влился въ общую массу и потомъ все двинулось именно къ этому мѣсту — гдѣ я сейчасъ нахо-

дился — проѣзду между Кремлемъ и Музеемъ: тутъ стоялъ патріархъ Тихонъ и благословлялъ народъ. Онъ былъ спокоенъ, сдержанъ. Навсегда запомнилось глубоко-народное, какъ у Толстого, лицо съ крупнымъ носомъ, ясными глазами, русой бородой. Въ рукѣ у него былъ золотой крестъ, солнце горѣло въ этомъ крестѣ. Онъ остался видѣніемъ древней, несокрушимой Святой Руси, возставшей изъ тысячелѣтняго лона.

За патріархомъ были исповѣдничество, нищета, близкое заточеніе — тотъ самый крестъ, обликъ котораго онъ держалъ въ правой рукѣ и на который какъ бы звалъ всѣхъ склонявшихся передъ нимъ. Никольскія ворота, въ Кремль, были заперты. Изъ за итальянскихъ зубцовъ глядѣли солдатскія лица въ остроконечныхъ шапкахъ со звѣздой.

Мимо Музея повернулъ я теперь налѣво, наискосокъ черезъ площадь къ Ильинкѣ — это Китай-городъ, московское Сити. Какъ въ Сити, глухіе и неказистые тутъ переулки, конторы, лабазы. На Варваркѣ знаменитый трактиръ, тоже невзрачный, какъ и лондонскіе. И тоже — милліонныя дѣла.

Здѣсь теперь оказался и комиссаріатъ финансовъ — тамъ и должны были мнѣ ставить послѣдній штемпель.

Входъ тоже сумрачный. Свѣту мало, дома изъ узенькихъ улицъ заслоняютъ. Большое зданіе — къ удивленію, нѣкоторому и ужасу моему оказалось оно полупустымъ. Служащіе рас-

ходились, конторки одна за другой закрывались.

Опять надо было упорствовать. Но вѣдь вечеромъ поѣздъ... Какъ ни какъ, чуть не у послѣдняго окошечка, но бойкая барышня подала мнѣ документъ въ исправности. И тотчасъ застучала на своей машинкѣ. Вошелъ нѣкто начальственнаго (но не изъ высшихъ) вида.

— Товарищъ, почему же вы работаете? Не знаете, на манифестацію итти?

Она продолжала выстукивать.

— Я сейчасъ кончаю и иду завтракать.

— Успѣете завтракать. Наши уже всѣ ушли.

Она вдругъ остановилась, подняла на него голову въ кудряшкахъ, не безъ дерзости.

— Сверхурочные дадите?

— Слушайте, товарищъ... — онъ зашелъ къ ней за прилавокъ, наклонился, сталъ говорить тише. Видимо, я его стѣснялъ.

Барышня захлопнула машинку, поднялась.

— Ну, если такъ, согласна...

Торгъ пора было и кончать. Время, дѣйствительно, на исходѣ. Когда я вышелъ отъ нихъ на Лубянскую площадь, снизу, отъ Театральной, подымалась уже голова процессіи.

Шли люди въ кепкахъ и юноши, отрядъ голоногихъ спортсменовъ, работницы, служащіе, несли плакаты, знамена, флаги. И вездѣ одно: «Смерть! смерть! смерть!» Несли какія то чучела, пѣли хоромъ. Все шли и шли, рядами, строемъ, въ безпорядкѣ, какъ придется. Манифестація многолюдная. Но не болѣе, чѣмъ тогда съ патріархомъ.

⁂

Наша большая комната уже въ полномъ разгромѣ. Даже печка уѣхала — хранительница наша, и спасительница отъ морозовъ. Нѣсколько чемодановъ на кровати безъ подушекъ и безъ одѣялъ, ремни, плэды, картонки, соръ на полу... — удаленіе человѣка, смерть жилья до минуты, пока новый насельникъ не оживитъ его.

Не такъ давно, уже здѣсь, въ Парижѣ, пришлось провожать друзей за море — въ Австралію, навсегда: они туда переселялись.

Можетъ быть, наши друзья въ Москвѣ смотрѣли уже на насъ — какъ и мы позже на австралійцевъ: тѣни иной планеты. Во всякомъ случаѣ это они скрывали. И все шло покойно и правильно. Пришелъ часъ, подъѣхали наши извозчики, передвинулись внизъ чемоданы, присѣли мы на кровать, помолчали, перекрестились, да съ Богомъ и тронулись. Извозчики насъ везли по тому же Арбату юности нашей, мимо Николы на Пескахъ и Николы Явленнаго черезъ всю Москву на Виндавскій вокзалъ. Извозчики были обыкновенные. Тащились сѣренькою рысцой. Москва медленно протекала мимо.

Мы не встрѣтили никакихъ процессій — намъ давался свободный выходъ. Срѣтенкою, мимо Сухаревки со знаменитою башней, тѣнью Брюса таинственнаго, неторопливые наши возницы по Мѣщанской подвезли къ невысокому и нехитрому зданію: Виндавскій вокзалъ, на небольшой площади.

Странно сказать, но никогда раньше не приходилось не только что уѣзжать отсюда, а и видѣть вокзалъ этотъ.

...Носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ, поѣздъ дальняго слѣдованія, вагонъ, купэ, послѣдніе звонки, послѣдніе поцѣлуи. Ждали, стремились и волновались, вотъ и пришелъ моментъ, преломился кусокъ хлѣба въ крѣпкихъ рукахъ — медленно утекала назадъ платформа, милыя лица, платочки, слезы. Замелькали строенія желѣзнодорожныя, а потомъ домики и сады. Мы одни были въ купэ. Погода мѣнялась. Надъ Москвой заходила сизѣющая туча, подбираясь къ солнцу. Вотъ остался узкій златистый нимбъ, а тамъ и онъ померкъ, ушло солнце въ глубины туманно-смутныя. Прохладная тѣнь кинулась внизъ. Начинались уже поля. Вѣтеркомъ донесло запахъ дождя.

Мы почувствовали только теперь, какъ устали.

ОГЛАВЛЕНІЕ